

Сергей Константинович Романюк

Русский Лондон

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5004845
Сергей Романюк. Русский Лондон: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059562-4, 978-5-271-23945-8*

Аннотация

Книга рассказывает о тех местах Лондона, которые каким-либо образом связаны с русскими, стараясь не только сообщить самые необходимые сведения о них, но обязательно привести и мало известные детали, которые могут быть любопытны для читателя, интересующегося англо-русскими связями.

В книге рассказывается о наиболее известных эмигрантах: артистах, художниках, писателях, политических деятелях, ученых, для которых Лондон стал второй родиной, и место пребывания которых удалось установить.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

От автора	4
Первые контакты	5
Петр I	16
Александр I	28
Николай I	33
Александр II	38
Александр III	43
Николай II	45
Императрица Мария Федоровна, великие князья и княгини	53
Александр Михайлович и Ксения Александровна	57
Ирина Александровна	60
Михаил Михайлович	64
Русская церковь	70
Эмиграция	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Романюк Русский Лондон

От автора

*Мне всегда казалось забавным то, насколько разным кажется
Лондон разным людям.
Джеймс Босуэлл*

Целью написания книги «Русский Лондон» было рассказать о тех известных русских, которые оказались тесно связаны в Великобритании, с ее культурой, историей, бытом и которые либо жили в эмиграции в Лондоне, либо ненадолго останавливались в нем.

Эта книга не будет претендовать на исчерпывающее описание лондонских достопримечательностей – для этого понадобились бы десятки, если не сотни книг, но здесь автор попытался рассказать только о тех, которые каким-либо образом связаны с русскими, стараясь не только сообщить самые необходимые сведения о них, но обязательно привести и мало известные детали, которые могут быть любопытны для читателя, интересующегося англо-русскими связями.

В книге рассказывается о наиболее известных эмигрантах: артистах, художниках, писателях, политических деятелях, ученых, для которых Лондон стал второй родиной и место пребывания которых удалось установить.

Мне казалось интересным найти в Лондоне те места, те дома, где они бывали, жили, работали, и рассказать о них читателям.

При работе над книгой автор пользовался архивами и библиотеками как России, так и Великобритании. Очень полезными были следующие исследования: Cross A. G. *By the Banks of the Thames. The Russians in Eighteenth Century Britain*. Newtonville. 1980; *The London Encyclopaedia*. Ed. by Ben Wientreb and Christopher Hibbert. Lnd. 1995; Александренко В. Н. *Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.* Варшава, 1897; Ерофеев Н. А. *Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг.* М., 1982.; Казнина О. А. *Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века.* М., 1997.

Написание книги было бы невозможно без вклада друзей, бескорыстно помогавших мне на всех этапах работы. Среди них Катя Бертон-Маррелл, Питер Геннон, Кейт Кук, Вероника Лапшина, Мартин Николсон, Харви Питчер, Энджи Уилкинсон.

Автор будет благодарен читателям за обнаружение неточностей.

Звездочка после названия местности или учреждения указывает на наличие сведений о них в главе «Топография Русского Лондона».

Первые контакты

На исходе лета 1553 г., уже в приближении холодной осени, у стен Никольского монастыря на берегу Северной Двины, впадающей в Белое море, пристал иноземный корабль и на берег сошли английские моряки, отправившиеся на поиски северного морского пути в богатые азиатские страны. Их препроводили в Москву, где они были приняты царем Иваном IV. С тех пор началась многовековая история регулярных сношений Англии и России.

Но Англия и Россия знали друг о друге значительно раньше этой даты.

«Повесть временных лет», созданная в начале XII столетия, уже упоминала о существовании Англии и англичан. После потопа трое сыновей Ноя – Сим, Хам и Иафет – разделили известные тогда страны: «При потопе трие сынове Ноеви разделиша себе землю». Иафет получил «северные страны и западные», в числе которых «достались и острова: Британия...». Далее «Повесть» говорит, что в числе потомства его есть «варязи» (варяги), «сеvei» (шведы), «нирмани» (норманны), «роусь» (русь) и многие другие, а также «аглыне».

Можно отметить совпадения легендарных рассказов русской Начальной летописи и хроники Видукинда¹, повествующей об истории племени саксов, или же сходство легенды о смерти князя Олега и кентского предания о смерти барона Роберта Шерленда от черепа коня, рассказанного в книге «Легенды Инголдсби» Ричарда Бархама, опубликованной в 1838 г.

Есть сведения о том, что еще в XIII столетии купцы (возможно, новгородские) бывали в Лондоне, а английский историк Джон Грин пишет об английских купцах, в XI столетии доставлявших товары по русским рекам в Константинополь. В русских летописях при обозначении денег иногда встречалось слово «стерляг», под которым можно подразумевать «стерлинг», а в Англию попадал мех sable – соболя.

В начале XI в. при дворе киевского князя Ярослава Мудрого оказались сыновья английского короля Эдмунда. Он вступил на престол в 1016 г., но удержался на нем очень недолго. В нескольких сражениях Эдмунд пытался отразить вторжение датчан и за свои военные подвиги получил прозвание Железнобокий (Ironside), но был побежден в сражении под Ашингтоном в Эссексе, после чего предводитель датчан и Эдмунд согласились разделить власть в стране, с условием, что после смерти одного обладание его частью перейдет к другому; вскоре после этих событий Эдмунд умирает и власть получает его соперник. Сыновья Эдмунда бежали из Британских островов, нашли убежище в Венгрии, а потом оказались в Киеве².

В XI–XII вв. государство Киевская Русь было хорошо известно в Западной Европе, что доказывается династическими связями киевских князей со многими царствующими домами. Так, например, подсчитано, что из браков первых четырех поколений потомков князя Владимира Святославовича девять было заключено с русскими, а остальные 45 с представительницами правящих династий Европы.

Такой, в частности, была Гита, дочь последнего англосаксонского короля Гаральда II. Он стал королем в начале 1066 г., но пробыл на престоле немного времени: норманнский король Вильгельм во главе армии в 50 тысяч человек пересек Ла-Манш и вторгся в Англию. В битве под Гастингсом на южном побережье Англии 14 октября 1066 г. он нанес Гаральду решительное поражение, Гаральд был убит, а семья его бежала на континент. Дочь Гита попала в Данию, к королю Свену Эстридсену и королеве Елизавете, дочери киевского князя. Они сосватали Гиту за князя Владимира Ярославича³, прозванного Мономахом. Произошло

¹ Автор истории саксов Видукинд (Widukind), живший во второй половине X столетия.

² Литературное наследство. Т. 91. Русско-английские литературные связи. М., 1982. С. 89–90.

³ Об этом событии сохранилась запись в исландских королевских сагах: «На Гюде, дочери конунга Харальда [Англий-

это примерно в 1075 г., а в следующем году родился их сын Мстислав, за которым последовали еще несколько сыновей и дочерей. Гита стала прародительницей многих русских княжеских семей, и очень может быть, что легендарный основатель Москвы князь Юрий Долгорукий был ее сыном и, следовательно, внуком англосаксонского короля Гаральда⁴.

Поэт Лайамон (Layamon или Lawamon) в стихотворной хронике «Брут, или Хроника Британии», рассказывающей об идеальном короле Артуре (эта хроника – старейшая английская легендарная история, начинающаяся с Брута и доведенная до победы саксов в 689 г., и первая книга среди многих о короле Артуре и рыцарях Круглого стола), упоминает «русского короля» в числе королей Норвегии, Дании, Швеции и Фрисландии:

«Вот прибыли купцы
Из других стран; как обычно.
Они привезли мне
Пошлину за свои товары,
И они сказали мне
И поклялись [в том],
Что король Норвегии
Снова прибудет сюда,
И датский король
Этих датчан будет искать,
И король Руси,
Самый суровый из рыцарей,
И король Шотландии
С таким огромным войском,
И король Фризии –
Вот почему это тревожит меня.
И выступил он вперед,
К королю Артуру,
И такие слова сказал
Дольданим добрый:
«Будь славен ты, Артур,
Благороднейший из королей!
Вот я привел двоих.
Оба – мои сыновья.
Их мать – королевского рода.
Королева она моя.
Я вверяю тебе моих дорогих сыновей.
Сам я желаю стать твоим человеком.
Я ее добыл, похитив
Из Руси»⁵.

Публикатор этой хроники в XIX в. так комментировал строку о русском короле: «Мы знаем... что в правление Генриха II (1154–1189) иностранные купцы привозили меха из Руси

ского], женился конунг Вальдимар» (Джаксон Т. И. Исландские королевские саги как источник истории древней Руси и ее соседей // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1999. М., 1991. С. 160).

⁴ *Менькова Н. М.* О родственных связях Гиты – жены Владимира Мономаха // *Летопись Историко-родословного общества.* Вып. 4–5. М. 1997. С. 104–113.

⁵ Текст воспроизведен по изданию: *Английские средневековые источники IX–XIII вв.* М., Наука. 1979. С. 247–248 (пер. В. И. Матузовой).

в Лондон... так что к началу XIII в., когда писал Лайамон, некоторое общее представление об этой отдаленной стране, должно быть, уже широко бытовало».

В конце XIV в. Чосер в «Кентерберийских рассказах» о паломниках, идущих в Кентер-бери для поклонения могиле святого Томаса Бекета, представляет рыцаря, принимавшего участие в набегах на Литву и Русь («In Lettow had he reysed and in Ruse...»):

«То был рыцарь, достойный человек,
Который, с тех пор как впервые начал
Выезжать, полюбил рыцарство,
Правду и честь, свободу и куртуазность.
Достойным он был в войнах своего сюзерена,
И так он ездил (никто дальше не ездил)
По христианскому и языческому миру,
И всюду его чествовали за достоинство.
В Александрии он был, когда ее завоевали.
Очень часто он восседал за столом
Над всеми другими в Пруссии;
На Латвию ходил он и на Россию,
Никто из ему подобных христиан так часто (не ходил)».
A knyght ther was, and that a worthy man,
That fro the tyme that he first bigan
To riden out, he loved chivalrie,
Trouthe and honour, fredom and curteisie.
Ful worthy was he in his lordes werre,
And therto hadde he riden, no man ferre,
As wel in cristendom as in hethenesse,
An d evere honoured for his worthynesse.
At Alisaundre he was whan it was wonne.
Ful ofte tyme he hadde the bord bigonne
Aboven alle nacions in pruce;
In Lettow hadde he reysed and in Ruce,
No cristen man so ofte of his degree.

Более частые и тесные связи, которым сопутствовали и регулярные посещения русскими Англии, начинаются с середины XVI столетия.

Первые русские посольства посетили Англию в 1524 г., когда князь Иван Иванович Засекин и дьяк Степан Борисович Трофимов, посланные великим князем Василием III для установления сношений с испанским королем Карлом V, в которых был заинтересован великий князь для заключения союза против турецкого султана, остановились в Англии по пути в Испанию. Из-за напряженных отношений между французским королем и Карлом V послы поехали не сухопутным путем через Францию, а кружным – через Фландрию и Англию и потом морем в Испанию. Никаких сведений об этой поездке в наших архивах не сохранилось.

В то время английские купцы предпринимают энергичные поиски новых рынков. Англия первой половины XVI в. – динамично развивающаяся страна. Быстрыми темпами растет производство сукна, идущего возрастающими количествами за границу: в 1564–1565 гг. сукно составляет почти 82% всего экспорта. Однако развитию торговли мешало сложившееся тогда распределение зон влияния ведущих государств Европы. Все дороги в богатые восточные страны оказались в руках португальцев и испанцев, и предприимчивые англий-

ские купцы начинают искать новые пути к сказочным сокровищам Голконды. По предложению известного путешественника Себастьяна Кабота в Лондоне организуется экспедиция для исследования пути в Индию и Китай через северо-восток.

Общество «купцов-предпринимателей», образованное с целью разведать пути в сказочно богатые восточные страны, снарядило несколько кораблей и направило их по северному пути в обход уже известных южных, захваченных испанцами и португальцами. И в 1553 г. после трехмесячного опасного и изнурительного плавания к берегу Московии пристал невиданный еще здесь корабль и на твердую землю сошли моряки единственного уцелевшего корабля экспедиции.

До этого, вероятно, ни один английский корабль не огибал Норвегию и не ходил в столь северных широтах, и потому никто не мог рассказать английским морякам о тех странах, которые им предстояло посетить. Как записал один из руководителей экспедиции, перед отправлением «показалось необходимым расспросить, поискать и выяснить все, что можно было узнать о восточных странах света. Послали за двумя татарами, служившими в то время в королевских конюшнях, и позвали переводчика, через которого их расспрашивали об их странах и обычаях их народа. Но они не были в состоянии ответить ничего, касавшегося дела, будучи более привычны (как это сказал весело и откровенно один из них) "пьянствовать, чем изучать строй и наклонности народов"». Вот примерно с таким «запасом» сведений экспедиция и двинулась в путь.

Корабли отправились для «открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». Три корабля под руководством сэра Хью Уиллоби и старшего кормчего Ричарда Ченслора вышли 11 мая 1553 г. в опасное плавание, которое закончилось гибелью двух судов – они были затерты льдами. Руководитель экспедиции и многие его спутники погибли. Только один корабль – «Эдуард – Благое Начинание» под командованием Ричарда Ченслора благополучно достиг берега, но, правда, не того, о котором мечтали вкладчики компании, отправившие экспедицию: он попал вместо Индии в Московию.

На берегу Северной Двины русские гостеприимно встретили английских моряков, и Ричард Ченслор со своими спутниками отправляется в столицу русского государства – Москву, ко двору царя Ивана Грозного, куда и прибывает зимой 1554 г.

Тогда Россия была лишена возможности общения с Западной Европой из-за враждебного отношения пограничных соседей – ливонских феодалов, правителей Великого княжества Литовского и Швеции, а также Польши.

Польский король Сигизмунд предупреждал королеву Англии Елизавету о том, что правитель Московии «снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее, как мы полагаем, – снабжается самыми художниками, так что если впредь и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии морских сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стороне наделают ему всего, что нужно для войны и что доселе было ему неизвестно»⁶.

Конечно, неожиданное появление английских купцов царю было на руку. Он отчаянно нуждался в новом, свободном пути, по которому мог производиться обмен товарами. Иван Грозный милостиво принял заморских купцов и послал с ними грамоту английскому королю Эдуарду VI, в которой сообщал: «А повелели мы, чтобы присылаемые тобою суда и корабли приходили когда и как часто могут с благонадежностью, что им не будет учинено зла». С тех пор установились более или менее регулярные отношения между двумя странами.

---

⁶ Письмо от 13 июля 1567 г.

Через три года, в июле 1556 г., царь нарядил и своего посланца к английскому двору, Осипа Непею⁷. Посольство отправилось на четырех кораблях, и в том числе на корабле Ричарда Ченслора, на котором и находился сам Непея. Он совершил долгий переход к Британским островам, но уже недалеко от их берегов налетела буря и разметала корабли. На них находилось еще более десяти русских: везли воск, сало, тюлений жир, меха и прочего на двадцать тысяч фунтов стерлингов, да имущество посла на шесть тысяч. Дойти до берегов Британских островов суждено было только одному кораблю, где находился посол. Корабль после четырехмесячного плавания вошел в бухту на шотландском берегу, для того чтобы разбиться там о скалы. Ченслор, заботясь о спасении посла, погиб сам вместе с сыном; утонули и семь русских из сопровождавших Непею, но царский посол чудом спасся и высадился в Шотландии, где был ограблен; и, как записал летописец, «оттоле его отпустили в Аглинскую землю».

В феврале 1557 г. Непея отправился из Эдинбурга в Лондон, там он был встречен лорд-мэром и представителями Московской купеческой компании, которые проводили его до дома купца Джона Диммока на улице Фенчерч-стрит (Fenchurch Street)*, где он и остановился. Эта небольшая улица, где жил первый московский посол – как тогда, так и теперь, находится в лондонском Сити.

Отсюда, с Фенчерч-стрит, посол Ивана Грозного отправился на прием к королю Филиппу и королеве Марии, которые приняли его во дворце в Ричмонде очень гостеприимно – «с великою любовию и почестию». Его приглашали на праздники, в его честь Русская компания устроила роскошный прием («notable supper, garnished with musicke, enterludes and bankets» «замечательный ужин, с музыкой, интерлюдиями и угощениями») в залах гильдии суконщиков на Трогмортон-стрит (Throgmorton street)*. Русская компания объявила, что она принимает все издержки по проживанию посла, и подобного, как было отмечено современником, «не бывало в прежние времена, ни в истории».

Осипу возместили, что было возможно, да еще щедро одарили («дачку учинили великую»), а далекому московскому царю послали необыкновенный подарок – льва и львицу «да щеня их живы», которых пришлось везти в Москву, где их устроили на Красной площади во рву (вот где был первый московский зоопарк!). Кроме всего прочего, Непея привез в Москву также и другие подарки, «удобная царскому их достоинству», но что самое основное, царь Иван IV получил столь желанных западных специалистов: «маистров многих, дохтуров, гораздых различных деланием, и искатели злату и серебру». Король Филипп и королева Мария написали в грамоте, привезенной Непеей в Москву, что «благое основание взаимной дружбы, столь хорошо изъясненное и утвержденное, произведет обильные плоды братской любви и искренней дружбы между Нами и наследниками Нашими, и вечную торговлю между подданными Нашими. И Мы истинно уповаем: как Всемогущему Богу угодно было, по особенной милости и благодати своей, в сие Наше время открыть сей путь морем, прежде неизвестный».

Они, заботясь о расширении торговых операций, предоставили русским купцам на случай их приезда (которого, заметим, так и не дождались) освобождение от пошлин, особенное покровительство, назначили, как было написано в грамоте (адресованной по ошибке «принцу Василию», а не Ивану IV), «приличные дома в Нашем городе Лондоне для складки в оных их произведений и товаров, а также в других городах, где окажется для них удобнее»⁸.

Отсюда и началась долгая история плодотворных торговых, правда, в основном односторонних, отношений с Англией: как писалось в царском послании, «купцы наши как в

⁷ С. Б. Веселовский считает, что его фамилия была Григорьев, а Непея – прозвище или некалендарное имя (Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. М., 1975. С. 135).

⁸ Собрание государственных грамот и договоров. СПб., Т. 5. С. 133–137.

прошлое время в твою землю не ездили, так и после в том не будут иметь нужды»⁹, так что всеми выгодами торговли воспользовались английские, а не русские купцы. На протяжении почти столетия английские купцы пользовались беспошлинной торговлей, конкурируя с голландскими; англичане имели торговые дворы в Москве, Вологде, Архангельске; их корабли регулярно привозили английские товары, в основном предметы роскоши, в которых нуждался царский двор, и увозили то, в чем нуждался народ в Англии – пеньку, смолу, слюду, сало, меха, деготь.

Для самого Ивана Грозного торговля была отнюдь не самым главным: он, томимый смертельным страхом, надеялся избежать возмездия за жестокости, совершенные им, и убежать из своего царства. Он домогается заключения договора между Англией и Московией и согласия королевы Елизаветы на предоставление ему, как бы сейчас сказали, «политического убежища». С этой целью царь строил «множество судов, барж и лодок... куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию». Елизавета с готовностью ответила царю: «Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и великий князь, что предлагаем, чтобы – если бы когда либо постигла вас, господин брат наш царь и великий князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что вы будете вынуждены покинуть ваши страны и пожелаете прибыть в наше королевство и в наши владения, с благородною царицею, супругою вашею, и с вашими любезными детьми, князьями, – мы примем и будем содержать ваше высочество с такими почестями и учтивостями, какие приличествуют столь великому государю, и будем усердно стараться все устроить в угодность желанию вашего вел-ва, к свободному и спокойному проведению жизни вашего высочества со всеми теми, которых вы с собою привезете».

Отношения с королевой Елизаветой менялись в зависимости от настроения царя: если она проявляла вполне объяснимую осторожность в ответ на домогательства Ивана, то он мог и перейти рамки дипломатического этикета. В 1569 г. царь Иван отправил дворянина Андрея Совина в Англию с поручением добиться заключения договора о дружбе и предоставлении военной помощи. Елизавета, не желая давать далеко идущие обязательства, предпочла быть сдержанной. Тогда царь Иван в приступе раздражения мог отправить королеве такое письмо: «И мы чаяли того что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди но мужики торговые и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица»¹⁰.

В другой раз, будучи в более благосклонном настроении, царь Иван отправил еще одно посольство в Англию к той же самой «пошлой девице». В 1582 г. дворянин Федор Писемский и подьячий Неудача (вот какие имена были!) Ховралев везли предложение заключить договор о дружбе, также им было поручено выяснить, можно ли надеяться на женитьбу царя Ивана на незамужней племяннице королевы Марии Гастингс. Царь указал Федору «ее высмотреть накрепко: какова ростом, сколь велика? и какова обличьем, бела ль или смугла?». На неудобный вопрос – как же быть с тем, что царь был уже женат, посламу, ничтоже сумняшеся, следовало отвечать: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе. А будет королевнина племянница дородна [это, надо думать, было особенно важно] ... и государь наш, свою оставя, зговорит за королевнину племянницу»¹¹.

⁹ Известно о поездке купцов Степана Твердикова и Федота Погорелого, которых царь послал в Англию в 1567 г. с целью обменять пушной товар на драгоценности (*Гамель II. Англичане в России в XVI–XVII вв.* СПб., 1865).

¹⁰ Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею. 1553–1593. СПб., 1875. С. 109 («пошлая» значит настоящая, истинная).

¹¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества, СПб., 1883. Т. 38. С. 6 (далее Сб. РИО).

Через пять недель беспокойного плавания послы прибыли в Англию, где их поместили под Лондоном «до указа в селе Татномгейкрасе» (под этим скрывается Tottenham High Cross), потом перевели «в ыное место, в село Вулучь» (т. е. Woolwich), где дали им двор «лутче и пространнее того двора», где они жили ранее. Они получили аудиенцию у королевы, которая приняла их в Виндзорском замке недалеко от Лондона.

Елизавета постаралась отвести угрозу женитьбы и описала предполагаемую невесту так, чтобы надежды у жениха не оставалось: «Она не красна, и не может добре, и лежала воспицей [болела оспой] и лице ее красно и ямовато». На одном из приемов послу все-таки удалось увидеть Марию Гастингс, и тут он сам мог оценить ее: она оказалась «ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у рук пальцы тонки и долги». На приеме русский посол к вящему изумлению ее и присутствовавших придворных¹² неожиданно пал ниц к ногам Марии, затем поднялся и, не поворачиваясь спиной (а вдруг она станет царицей...), быстро побежал назад; сказывалась, видно, долголетняя тренировка при московском царском дворе. Но Мария Гастингс ничуть не горела желанием отправиться куда-то на край света и выйти замуж на русского царя. Сватовство ничем не кончилось, но ее еще долго дразнили «царицей Московии».

Непонимание реалий обычной жизни двух далеких государств подчас приводило к неожиданным осложнениям. Так, в ноябре 1584 г. ко двору королевы Елизаветы прибыл московский гонец Роман Бекман, которого королева принимала в дворцовом саду, гуляя по аллее и беседуя с ним, показывая этим высокую степень доверия. «И как королевна пришла в сад... а мне велела ходить подле себя, да учала меня спрашивать...», – сообщал гонец. В Москве поняли так, что Елизавета говорила с гонцом в огороде (о саде в Москве и не слыхивали), и послали ей строгий «выговор», на который королеве пришлось отвечать: «...а то место, где перед нами был есть, место честное, блиско нашей палаты, а там ни кого много не пускают, только великих и любительных приятельных слуг»; она уверяла оскорбленных москвичей, что «в том огороде нет ни луку, ни чесноку».

Вступление на трон Бориса Годунова в Англии приветствовали: «Да тому ж мы радуемся, что наш доброт учинился на таком преславном государстве по избранию всего народа...» В 1600 г. в Англию с официальным известием о восхождении на трон послали особое посольство, во главе которого стояли дворянин Григорий Иванович Микулин и подьячий Ивашка Зеновьев.

Отправились они на английских судах из Архангельска 17 августа и почти через месяц, 14 сентября, подошли к берегу Англии, вошли в Темзу и «шли рекою Темзью до городка Гравзендя [Грейвзэнд, Gravesend] сорок верст; а все те городки, которых шли мимо, камни, с посады; и села стоят по берегу – вотчины княженецкие и боярские, и алдарманов (олдермены, т. е. члены лондонского муниципалитета. – *Авт.*) и гостей»¹³. Как было описано в отчете посла, в Лондоне, «как Григорей и Ивашка вышли из судов на берег, и встретил Григорья и Ивашка королевнин дворовой воевода, лорд Харберт Пенброк¹⁴, а с ними князи, и дворяне, и дети боярские, и алдраманы, и гости на жеребцах и конех, в наряде и в золотых чепях, человек с триста...». После устройства «на подворье» послам сообщили, что «Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, велела вам сегодня, после стола, быти у себя на посольстве в селе своем, в Речманте, от Лунды десять верст, и прислала под вас кочи (coaches – кареты) свои, в чем вам ехати, и велела мне с вами ехати в приставех и вы будьте готовы». Здесь речь идет о Ричмонде*, который сейчас в сущности уже часть Лондона.

¹² «Леди Гастингс и все прочие изумились такой выходке» (Россия XVI–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 182–183).

¹³ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки. М.-Л.: АН СССР, 1954. С. 158.

¹⁴ Уильям Герберт (1506–1570), 1-й граф Пемброк, предок мужа дочери русского посла в Великобритании графа С. Р. Воронцова.

Послы провели в Лондоне несколько месяцев и стали свидетелями мятежа, поднятого фаворитом королевы графом Эссексом, о чем они подробно сообщили (надо думать, что Борису Годунову было любопытно узнать, как там в Англии обходятся с мятежниками...). Эссекс надеялся, что его поддержат «Лунские посадские люди, потому что прежнее всего как он был в королевине великом жалованья, и как он королеве служил правдою, и с недруги ее бивался, и в испанскую землю воевать хаживал в великих воеводах, и везде ославился своим богатырством, и разумом, и счастьем, и за то его всю Английскую землю добре любили». Микулин сообщал, что «...учинилася в Лунде великая смута в людех: город заперли, и улицы чепми замкнули, [и люди] учили ходить в збруе, в доспехах и с пищалми». Мятеж подавили и Эссекса казнили 24 февраля 1601 г. в Тауэре, «после его по нем в Лунде было великое сетование и плач великой во всех людех».

Посольство Микулина закончилось в июле 1601 г., он направился обратно на родину и по дороге увидел многие корабли знаменитого английского флота, а по возвращении в Москву сообщил о своих впечатлениях: «...стоят 26 караблей воинских, а на них многой наряд – пушки медяные и железные, а карабли великие, высокие, долгие; а живут деи на них в воинское время по семи сот и по осми сот, а на иных и по тысяче; а пушек на карабле по сороку и по пятидесят, а на иных по штидесят и болши».

Борис Годунов, умный и дальновидный правитель, понимал, что надобно своих русских учить наукам, а не надеяться только на наемных западных специалистов. Как отметил еще Карамзин, «в усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших Венценосцев России, имел намерение завести школы и даже Университеты, чтобы учить молодых Россиян языкам Европейским и Наукам». Но по замечанию такого осведомленного и надежного свидетеля, как Конрад Буссов, иноземец, состоявший на службе у него, намерению Годунова распространить европейское образование в Московии воспротивились «монахи и попы». Они «ни за что не хотели согласиться, говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т. п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры и внутренний мир не будет соблюдаться так, как сейчас». С давних времен православная церковь стояла на страже невежества и мракобесия...

Однако Годунов не остановился перед тем, чтобы отправить русских юношей в Европу для обучения языкам. Так, при нем впервые были посланы в Европу несколько молодых юношей: в 1602 г. в Англию из Архангельска отправились «Микифорка Олферьев сын Григорьев, Софонко Михайлов сын Кожухов, Казаринко Давыдов и Федька Костомаров». Они должны были обучаться в лучших английских учебных заведениях: Винчестере, Итоне, Кембридже, Оксфорде.

Много лет сведений о них нет: царь Борис умирает, в стране начинается Смута, на престоле меняются самозванцы и до русских юношей никому не было дела. С установлением относительного порядка в России о них все-таки вспомнили: в каких-то приказных бумагах отыскивались записи. Русское правительство забеспокоилось и наказало своему послу узнать о них. Как выяснилось, после обучения в университетах один из них стал англиканским священником в Лондоне, другой жил «в Ирлянской земле от короля их секретарь», третий и четвертый «в Индейской земле от гостей в торговле [т. е. в Ост-Индской компании]».

Оказалось, что они, «позадавшие» в Англии, совсем не рвутся назад. Как сообщал посол, Никифор Григорьев «на нашу православную веру говорит многую хулу и боится, чтобы его вместе с товарищи не выдали снова в Московское государство». Его все-таки удалось привести к русскому послу и уж хотели насильно вернуть в родное лоно, да не вышло – удалось ему убежать. Англичане, за помощью к которым обратился посол, категорически отказались помогать в высылке – уже тогда Англия не выдавала беженцев и уважала достоинство частного человека, ни в грош не ценившегося на родине. Через несколько лет другой

посол опять пытался вернуть беглецов. Он встретился с тем же Никифором Григорьевым, убеждая его, чтобы он «поехал бы в Москву, и государеву милость ему сказывал, и не боялся, и всякими мерами ему разговаривал». Но Никифор, зная, конечно, какими «милостями» он будет награжден на родине, отказался вернуться, и, как возмущенно записал посол, Никифор от него «пошел, а образом [т. е. так, как следует перед царским послом] не кланеетца». Так и не удалось, несмотря на неоднократные настойчивые попытки русских послов, вернуть обратно русских беглецов, одних из первых в длинном ряду невозвращенцев.

Недавно историк Кэти Шулински (Cathy Szulinski) сумела выяснить судьбу тех, кого 400 лет тому назад русский царь и судьба забросила так далеко от родины. Рассказ о них очень занимателен и, как замечает автор, мог бы послужить основой захватывающего приключенческого романа.

Итак, двое оказались «в Индейской земле» – это были Казаринко Давыдов и Софонко Михайлов, завербовавшиеся на службу в английскую Ост-Индскую компанию и отправившиеся на остров Яву в качестве торговых агентов. Кассариан Давыд и Софоний Кожушке, как они именовались там, много лет провели на разных островах индонезийского архипелага, скупая и отправляя в Англию пряности и алмазы. Судя по их донесениям, обнаруженным историком в архивах, им пришлось несладко: тут и жестокая конкуренция со стороны голландской Ост-Индской компании, и воинственные племена, отнюдь не приветствовавшие незваных пришельцев, и плен, и заточение, и настоящие военные действия, и неожиданные встречи с друзьями...

Но чем и как окончилась их жизнь, так и осталось неизвестным...

Третий студент – Федор Костомаров, как мы знаем из посольских донесений, стал «королевским секретарем» в Ирландии, т. е. одним из многих английских чиновников. В Ирландии он женился и более о нем ничего не известно. Автор предположил, что все сведения о нем исчезают из ирландских источников потому, что он мог уехать, как сделали многие ирландцы, в далекие земли Нового Света.

Более всего мы знаем о последнем студенте – Никифоре Олферьеве сыне Григорьеве, известном в Англии как Mikiphet Alpheru. Он окончил Оксфорд, защитился на степень бакалавра, стал сначала дьяконом, потом англиканским священником. Он женился, в семье родилось 8 детей, в 1618 г. стал настоятелем церкви в деревне Woolley недалеко от города Huntingdon в Восточной Англии (примерно в 100 км к северу от Лондона¹⁵). Во время преследований войсками Кромвеля господствующей церкви Никифора буквально выкинули и из церкви, и из церковного дома. Он пережил немало трудностей, пока наконец, с возвращением на престол династии Стюартов, зажил более спокойно. В последние годы он жил в Лондоне, в районе Хаммерсмит, а в 1668 г. скончался.

До нашего времени дошла подробная запись о посольстве Герасима Дохтурова, посланном царем Алексеем Михайловичем, сделанная, вероятно, переводчиком Федором Архиповым. Посольство было отправлено в Англию с известием о вступлении царя на престол (это произошло 14 июля 1645 г.) и с заданием «проведывать всяких новостей» – ведь тогда король Карл I вел ожесточенную борьбу с парламентом, и Москва интересовалась такими необычными событиями.

Посол Герасим Дохтуров после долгого и трудного плавания прибыл в Лондон 14 ноября 1645 г. Его торжественно встретили представители Московской компании и после короткого пребывания у «торгового человека на дворе» в «королевском селе» Гринвиче «приняли с тово двора в судно с чердаком о двенадцати гребцах» и повезли в предназначенный ему дом в Лондоне. Посол не преминул подробно описать диковинное судно: «А чердак с лица резной золочен, а внутри подволока и стены обиты бархатом рудожелтым,

¹⁵ Там еще живут многочисленные потомки русского студента.

и по лавкам подушки обшиты тем же бархатом, и по полу посланы ковры, на гребцах платья сукно скорлат [ткань красного цвета], а на платье на плечах нашиты клейма серебром королевские. И в то судно сели с гонцом Герасимом Дохтуровым говорнар [governor, т. е. управитель, губернатор] да 6 человек гостей, а кумпанея ехали в ыных судах». В пути по Темзе русского гонца приветствовал пушечный салют с кораблей, которые, как объяснили ему представители Московской торговой компании, «ходят к Архангельскому городу». Парламент на своем заседании определил ему резиденцию – один из секвестрованных домов на улице Чипсайд* (Cheapside) в Сити. Царский гонец по приезде в Москву подробно описал свое пребывание в Англии, особенно упирая на то, что парламент его не пустил к королю, враждовавшему с ним. Как ему сказали, «тебя, Герасима, к королевскому величеству не пропустят, для того чтоб над тобой дурна какова не учинилось»¹⁶. А когда короля арестовали, то прямо заявили: «...тебя, Герасима, к нему не отпустят, потому что он ничем не владеет».

Царский гонец провел в Лондоне несколько месяцев и уехал оттуда 27 мая 1646 г.

В царствование Алексея Михайловича, внука первого Романова, избранного на московский трон, отношения с Англией претерпели значительные изменения. Русские купцы, так же как и нидерландские, неоднократно протестовали против предоставления англичанам права беспошлинной торговли, которое они получили еще при Иване Грозном, и в 1649 г. это право было отобрано: царь Алексей Михайлович указал англичанам «со всеми своими животы ехать за море, а торговать с московскими людьми всякими товарами, приезжая из-за моря у Архангельского города, а к Москве и в городе с товарами и без товаров не ездить». Внешним поводом для указа было то, что «англичане всею землею учинили большое зло; государя своего Карлуса-короля убили до смерти».

После реставрации Стюартов и вступления на трон Карла II, сына казненного короля, царь Алексей послал в Англию князя Петра Прозоровского с поздравлением новому королю и с тайным заданием занять значительную сумму денег. Встретили посла чрезвычайно пышно: стреляли из пушек, толпы народа кричали «ура!», устроили торжественный прием, но в деньгах Карл, однако, отказал. Взамен, как рассказывали, предложил князю полюбоваться изяществом англичанок: подозвал фрейлину, которая показала свою красоту, для чего ей пришлось отказаться от значительной части своего туалета. Осталось неясным, была ли такая замена для посла адекватной...

Отношения России и Англии во все продолжение царствования Алексея Михайловича оставались довольно прохладными, что объяснялось отсутствием общих интересов, ибо бывшие торговые привилегии в России английские купцы так и не смогли получить, а английское правительство совсем не было заинтересовано помогать России в войне против турок, которые, по уверению царского посла, посетившего Лондон в 1673 г., собирались причинить «разорение и невинных христианских душ кровопролитие».

Интересно отметить, что посол в 1672 г. Андрей Виниус оставил характеристику политического устройства Англии, которую, надо думать, не без интереса, но без всякой пользы прочли при московском дворе: «Правление Английского королевства, или, как общим именем именуют, Великой Британии, есть отчасти монархально (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархально есть, потому что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны, или учинения мира, или поборов каких денежных, король созывает парламент или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; в другом

¹⁶ *Рогинский З. И.* Лондон 1645–1646 годов : Новые источники о поездке гонца Г. С. Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960. С. 37.

собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и хотя что в вышнем доме и приговарят, однако без позволения нижнего дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшего дома. И потому вышний дом может назваться аристокрация, а нижний демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить»¹⁷.

Последующие попытки склонить англичан вмешаться в русско-турецкие отношения могли объясняться только незнанием русскими европейской обстановки, как следствие многовековой самоизоляции Московии, которую разрушил Петр I.

---

¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. 6. С. 518.

Петр I

Петр совершил еще невиданное в русской истории – царь уехал за границу!

Если раньше царь покидал Кремль, то он поднимался с грузным обозом помолиться в многочисленных монастырях, а если уж пришлось воевать с соседом, то иногда и самому приходилось выходить с войском. А тут, царь – и отправился бог знает куда! К еретикам, в самое их логово, в Европу!

После осады Азова Петр ясно представлял себе, что Россия не может обойтись без флота, которого у нее никогда и не было – надо было начинать с нуля, и если еще можно было построить большие лодки, то настоящие военные корабли никто не умел ни проектировать, ни реально строить. Как писал царь позднее, он «умыслил искусство дела того ввести в народ свой». Для всего этого надо было ехать самому туда, откуда приехали его новые знакомцы из Немецкой слободы: «...и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного». Петр писал, что решение отправиться самому в далекие страны было совершенно необычным: «И что дивнейше, аки бы устыдился монарх остаться от подданных своих в оном искусстве, и сам воспринял марш в Голландию»¹⁸.

Царь снарядил посольство, официальной целью которого было проведение переговоров о союзе против турецкого султана. Во главе него он поставил своего нового друга Франца Лефорта, а с ним опытных дипломатов – боярина, главу Посольского приказа Федора Головина и дьяка Прокопия Возницына, сам же он отправился под именем Петра Михайлова, скромного десятника. Посольство было огромным: 2 марта 1697 г. на тысяче саней в Европу двинулись 250 человек с огромным багажом. Первым городом за границей была Рига, где пришлось менять сани на коляски, причем пришлось переплачивать, так как рижские купцы не уступали и, как с возмущением писал тогда Петр, «за копейку матерно лаются и клянутся, а продают втрое»¹⁹.

В начале августа Петр уже был в Саардаме, устроился на работу, купил необходимые инструменты и приступил к работе на верфи Ост-Индской компании, «вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном совершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил».

Несмотря на то что Петр очень высоко ценил мастерство голландских строителей кораблей, он хотел не только овладеть практическими навыками, но и познакомиться с корабельной архитектурой, изучить теорию, а это можно было сделать, по общему мнению, только в Англии²⁰. Как вспоминал позднее Петр, он «просил той верфи баса [мастера] Яна

---

¹⁸ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 2. С. 400 (далее Устрялов).

¹⁹ Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 1. С. 145.

²⁰ «Зело стало противно, что такой дальний путь для сего восприял и желаемого не достиг» (Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 74). Можно также привести и слова самого Петра: «На Ост-Индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами в научение корабельной архитектуры, государь в краткое время совершился в том, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил. Потом просил той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы учил его препорции корабельной, которым ему чрез четыре дня показал. Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципы, прочее же с долговременной практики, о чем и вышереченный бас сказал и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо не весел ради вышечисленной причины; но когда между разговоров спрошен был: для чего так печален? тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие слово его величество зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там, чрез 4 месяца, оную науку окончал» (Устрялов. Т. 2. С. 400–401).

Поля, дабы учил его препорции корабельной, которым ему чрез четыре дня показал. Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципии, прочее же с долговременной практики, о чем и вышереченный бас сказал и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо не весел ради вышеписанной причины; но когда между разговоров спрошен был: для чего так печален? тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно. Сие слово его величество зело обрадовало...»²¹

Он встретился в Голландии с английским королем Вильгельмом III, который был одновременно и голландским штатгальтером (т. е. фактическим главой государства). Встреча состоялась 1 сентября 1697 г., а в конце ноября Петр получил письмо от английского адмирала лорда Кармартена, в котором сообщалось, что Петра ожидает в Англии щедрый подарок – специально строившаяся для него яхта «Royal Transport»: «... сей корабль, хотя малый, вручен будет Вашему Царскому Величеству в своем довольном совершенстве... мое намерение в строении сего корабля не токмо было пригожество и удобность, но дабы и спешно ходом и сильнее был, нежели иные корабли, которые того величиною превосходят». Тут уж, конечно, Петр не мог медлить, и начались сборы. С Петром ехали Александр Меншиков, только что пытаный в Москве Яков Брюс²², медики Петр Постников и Иван Термонт, переводчик Петр Шафиров и другие, всего около полутора десятка человек, которым специально «для англинского походу» шилось платье, покупались шелковые чулки, кисейные галстуки и манжеты, шпаги, пояса, перчатки, перевязи, парики, шляпы с перьями и без оных, а также – зима ведь! – муфты, против которых дьяк, не знакомый с такими деталями мужского туалета, написал в расходной книге посольства для пояснения русское слово – «рукава».

Отправились на яхте из Амстердама 17 января (везде новый стиль, отличающийся на десять дней от принятого в России) 1698 г. и в городе Хеллевуотслеис (Hellevoetsluis – на западе Голландии) вечером перебрались на английские суда. За Петром выслали целую флотилию, состоящую из двух военных кораблей, в том числе флагманского корабля вице-адмирала Дэвида Митчелла «Йорк», двух яхт и шлюпа. Утром 19 января отправились в путь, а «погода была: великий ветер был ост-норд-ост и шли в пол паруса; в ночи також». Петр с любопытством осматривал корабль, к удивлению моряков влезал на мачты, приглашая следовать за собой самого адмирала, каковую честь он вежливо отклонил, ссылаясь на свою тучную комплекцию. На следующий день утром увидели побережье Англии, и тут услышали пушечный салют, произведенный из города Арфот (Deptford), потом посольство перебралось на яхты «Мэри» и «Генриетта и Изабелла», а Петр, чтобы не быть узанным, поместился на грузовом баркасе. Суда вошли в Темзу, шли всю ночь и остановились у доков св. Екатерины, совсем рядом с Тауэром; там опять пересели, но теперь уже на гребные суда, прошли мимо Тауэра, потом под Лондонским мостом, и 21 января 1698 г. недалеко от него на берег Англии вступил Петр.

В то время Лондон был крупнейшим городом Европы: в начале XVIII в. численность его населения составляла 675 тыс. человек. Он интенсивно отстраивался после Великого пожара 1666 г., когда почти все Сити выгорело дотла: исчезло более 13 тыс. домов, 80 церквей, строения на Лондонском мосту, более 50 зданий лондонских торговых гильдий, склады

²¹ Устрялов. Т. 2, С. 400–401.

²² Разгневанный Петр, увидев Брюса, отписал «князю-кесарю»: «Зверь, – долго ль тебе людей жечь? И сюды раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ывашкою [т. е. с Бахусом]. Быть от него роже драной!» (цит. по кн.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 73).

и пр. Властям представили два плана восстановления и перепланировки города, но радикальные меры по изменению города так и не были проведены в жизнь: не хватило средств и помешало право частной собственности – «дом англичанина его крепость», хотя и были приняты важные постановления, регулирующие застройку. Восстанавливались старые и строились новые церкви по проектам известного архитектора Кристофера Рена, достраивался и его грандиозный собор св. Павла. Восстановление шло быстрыми темпами и уже через короткое время Сити покрылось новыми кирпичными домами с черепитчатыми крышами (деревянные дома с соломенными уже совсем исчезли), к западу от Сити в Вест-энде на бывших пустырях росли дома и особняки богатых владельцев.

Город являлся важным морским портом (в год приезда Петра Лондонский порт посетило 13 444 корабля), а Темза, самая главная и оживленная магистраль города, была покрыта десятками больших и малых судов, на ее берегах к востоку от города находились многочисленные верфи и доки. Единственный мост через Темзу кишел толпами прохожих, улицы оглашались криками сотен торговцев: «А вот голландские носки, четыре пары за шиллинг!», «Горячие печеные груши и яблоки!» Быт лондонцев разительно отличался от того, к какому привык Петр в России: уличное освещение, сотни магазинов, конечно, привлекли его внимание. Город предлагал много возможностей для ищущих отдыха и развлечений: работали театры, пользовавшиеся неизменным вниманием лондонцев, на улицах чрезвычайно много новомодных кофейных домов, превратившихся в общественные клубы, где можно было не только выпить кофе или шоколад, но и почитать газеты и послушать завсегдатаев. Многих лондонцев и приезжих привлекали сады Воксхолла на правом берегу Темзы, где можно было посетить представления фокусников, актеров, жонглеров; отдохнуть; закусить в тавернах и ресторанах.

По прибытии Петр вышел на берег Темзы поблизости от современного моста Хангерфорд (Hungerford) и расположился со свитой в одном доме из числа трех, заранее нанятых для него на Норфолк-стрит²³. По просьбе царя дом был выбран небольшой, совсем не роскошный, но с обязательным выходом на реку. Ныне он, как и вся улица, сломан, улицы Норфолк не существует – она шла к югу от Стренда к реке и помещалась между современными Саррей-стрит и Эрандел-стрит (Surrey and Arundel Streets). Здесь все теперь застроено заново (как пишет английский историк, все «безобразно перестроили»²⁴).

Сразу же после приезда Петр и его спутники сели за обед, в это время появился королевский посланник с приветствием от короля. Сам король Вильгельм III посетил Петра через два дня. Чтобы не привлекать внимания (возможно, по просьбе Петра), он приехал в скромном экипаже, сопровождаемый только несколькими спутниками. Петр не был одет для приема и встретил короля в рубашке с короткими рукавами. Как сообщал об этом венский посол, «король перед тем, как отправиться в парламент, совершенно инкогнито сделал визит царю в карете графа Ромни и в сопровождении только этого графа, Альбермарля и одного гвардейского капитана и застал его неодетым, в одном только жилете. Датский принц Георг сделал также визит, причем это свидание происходило стоя. Царь еще не отдал ответных визитов. Его образ жизни совершенно необыкновенный. Он спит вместе с так называемым князем Александром (Имеретинским), с одним медиком и еще с тремя или четырьмя лицами в одной небольшой комнате...»

Король вошел в маленькую комнату, где Петр ночевал – окна в комнате не открывались со времени его приезда и воздух был настолько спертым, что король, невзирая на холод и на свою астму, попросил открыть окно. Визит продолжался только полчаса да был еще

²³ До исследований британского историка Иана Грея считалось, что Петр остановился на Бакингэм-стрит (Buckingham street), № 15.

²⁴ *Grey I. Peter the Great in England // History Today. 1956, № 4. P. 227.*

омрачен тем, что на короля прыгнула обезьяна, которую зачем-то привез Петр, и почти все время визита пришлось улаживать неприятный инцидент. На следующий день Петра посетил принц датский Георг, муж будущей королевы Англии Анны. Это были единственные официальные визиты в первое время: Петр старался соблюдать инкогнито. Только 23 января 1698 г. он нанес ответный визит королю Вильгельму III. Тогда король жил не у реки в старинном дворце Уайтхолл*, с XVI в. служившем королевской резиденцией начиная с Генриха VIII. Так как речной воздух действовал на его астму, он выбрал сравнительно далеко расположенный Кенсингтонский дворец*, который еще и сейчас является помещением для членов королевской фамилии. Петр I приехал сюда, сопровождаемый только двумя спутниками и адмиралом Митчеллом, и, боясь, что его узнают, поспешно прошел через заднюю дверь.

Петр вообще избегал парадных приемов, людных мест, непроизводительной траты времени и все время старался быть как можно менее заметным. Так, во время визита в парламент, он настоял на том, чтобы его никто не видел, и поэтому он поместился в небольшой комнатке с окошком под самой крышей, из которого был виден зал заседаний, что дало повод одному из лондонских остряков сказать, что он видел одновременно двух царей – одного на земле (т. е. в зале Парламента), другого на небе (под крышей).

В Кенсингтонском дворце Петра привлекли не картины и другие произведения искусства: все его внимание было поглощено устройством, стоявшим на королевском камине и показывающим направление ветра. В это посещение Петр согласился позировать одному из самых тогда известных европейских живописцев Готфриду Кнеллеру, создавшему прекрасный портрет царя, возможно, самый лучший и, как свидетельствовали современники, очень похожий на оригинал. Те англичане, которые не знали Петра, но видели его портрет на родине, тут же узнавали царя в Москве. Портрет находился в Виндзоре, потом во дворце Хэмптон-корт, а сейчас он вернулся в Кенсингтонский дворец, в то месте, где был написан более 300 лет тому назад.

Зима 1698 г. была весьма суровой, и Темза покрылась льдом. Поэтому Петр не плавал по реке и не посещал доков, а оставался в Лондоне. Надо думать, что сопровождающие показывали Петру то, что обычно видят туристы в Лондоне. Известно, что он осматривал Монумент:* об этом посещении было записано в журнале путешествия под 4 апреля 1698 г.: «Были в городе и на столбе, с которого весь Лондон знать». Автор «Деяний Петра Великого» Иван Голиков рассказывает более подробно: «...восходил еще на тот высокий столп, который построен в память бывшего в Лондоне великаго пожара, который приписывали Римским Католикам, с котораго видал весь город; он рассматривал его в зрительную трубу, и у предводивших его спрашивал о всем с великою подробностию».

Царь посетил Королевское общество (аналог Академии наук), обсерваторию в Гринвиче*, замок Тауэр*, был на фабриках и в мастерских и везде требовал, чтобы ему показывали работающие машины, он изучал чертежи, спрашивал о технических деталях.

Он побывал в часовой мастерской под вывеской «Циферблат и Корона» («Dial and Crown») на Эссекс-стрит (Essex Street) недалеко от оживленной улицы Стренд. Мастерская принадлежала Джону Карте, у которого царь приобрел часы. Рассказывали, что Петр настолько увлекся часовым мастерством, что научился чинить и собирать часы. Он также купил чучела крокодила и меч-рыбы, нашел время поинтересоваться, из чего делают в Англии гробы, купил один и послал его в Москву. Дело в том, что в России делали их долбленными из дуба, нужного для флота и других нужд, а в Англии из дешевых сортов древесины, что не прошло мимо внимания Петра.

В парламенте он внимательно выслушал прения по поводу налогового законодательства и был удивлен размерами поступлений по новому закону – полтора миллиона фунтов, но ему сообщили, что ранее законам в казну поступали в три раза более крупные суммы.

Как вспоминали, Петр тогда сказал своим русским спутникам: «Весело слышать, когда подданные открыто говорят своему царю правду, – и добавил, – вот чему надо учиться у англичан». Правда, он же и предостерег: «Английская вольность здесь [т. е. в России] не у места, как к стене горох».

Почти сразу после приезда, 25 января, он посетил театр, где видел пьесу «Пророчица, или Диоклетиан» ("The Prophetess, or Diocletian"). Второй раз Петр побывал в театре 24 февраля, когда шла пьеса «Королевы-соперницы, или, смерть Александра Великого» ("The Rival Queens, or The Death of Alexander the Great"). Может быть, было и третье посещение – 20 февраля.

Где же находился тот театр, в котором побывал Петр? Как утверждает английский исследователь – в саду Дорсет* (Dorset Garden), который был также известен как Герцогский театр (Duke's Theatre – сцена его была украшена гербом герцога Йоркского), построенный архитектором Кристофером Реном.

Конечно, все внимание публики было приковано к появлению такого необыкновенного гостя, и Петру пришлось в ложе прятаться за спины своих спутников. Театральная постановка его не очень заинтересовала, возможно, сказывалось незнание языка, хотя с ним все время находился переводчик (тот самый адмирал, который привез его в Англию – Джон Митчелл).

Однако посещение театра не осталось вовсе бесплодным: Петр познакомился с актрисой Летицией Кросс, которая и разделяла с ним удовольствия жизни во все время его пребывания в Англии. Любопытный рассказ об этом был записан механиком царя Андреем Нартовым: «Царь Петр Алексеевич во молодых летах, в 1698 г., будучи в Лондоне, познакомился чрез Меншикова, который неотлучно при нем в путешествии находился и в роскоши и сладострастии утопал, с одной комедианткой по прозванию Кросс, которую во время пребывания своего в Англии иногда для любовной забавы имел, но никогда однако ж сердца своего никакой женщине в оковы не предавал, для того чтобы чрез то не повредить успехам, которые монарх ожидал от упражнений, в пользу отечества своего воспритых. Любовь его не была сильная и нежная страсть, но единственно только побуждение природы. А как при отъезде своем с Меншиковым послал он к сей комедиантке пятьсот гиней, то Кросс, будучи сим подарком недовольна, на скупость российского царя жаловалась и просила его, чтоб он государю о сем пересказал. Меншиков просьбу ея исполнил, донес его величеству, но в ответ получил следующую резолюцию: Ты, Меншиков, думаешь, что я такой же мот, как ты! За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила своим передом». На сие Меншиков отвечал: «Какова работа, такова и плата»».

При посещении Королевского общества (Royal Society) Петр встретил многих из тех, с кем общался в Англии, т. к. они были членами Общества, или, как их называют, fellows. Образованное незадолго перед тем, в 1660 г., общество, полное название которого звучит, как «Королевское общество для развития знаний о природе», в которое избирались наиболее выдающиеся представители научной мысли Англии, существует и сейчас, пользуясь огромным авторитетом во всем мире. Оно тогда находилось в Грэшем-Колледж (Gresham College) (в переулке Барнардз-инн (Barnard's Inn) в Сити недалеко от площади Холборн (Holborn)). Утверждалось, что Петр беседовал с астрономом, математиком и физиком Эдмундом Галлеем, когда он посетил Гринвичскую обсерваторию. Возможно, что он в той же Гринвичской обсерватории беседовал с Фарварсоном, математиком, которого уговорил уехать в Москву, где его и подстерегла смерть – на улице Сретенке недалеко от Сухаревой башни, где он преподавал в Навигацкой школе.

Во время плаваний по Темзе Петр неоднократно проходил мимо Гринвичского госпиталя и всегда думал, что это роскошное здание было королевским дворцом, но когда посетил его и узнал, что оно предназначено для содержания престарелых моряков, был настолько

поражен, что как-то сказал королю: «Если бы я был советником вашего величества, то я бы перевел двор в Гринвич, а Сент-Джеймский дворец превратил бы в богадельню».

Несколько раз Петр посетил Тауэр, где ему показывали тюрьму, в которой «честных [т. е. знатных] людей содержат за караулом», рассказывали о событиях, связанных с замком, и показали всякие редкости, но поостереглись обратить его внимание на топор, которым отрубили голову королю Карлу I, боясь, что разгневанный таким напоминанием царь может схватить его и выбросить в Темзу, «дабы не давать повода вспоминать о том, какое впечатление на его отца царя Алексея и на весь русский народ произвела казнь короля».

Тауэр привлекал Петра главным образом тем, что там находился монетный двор, управляющим которого был знаменитый ученый Исаак Ньютон, но Петр вряд ли встретился с ним, т. к., вероятно, Ньютон тогда жил в Кембридже. В Тауэре Петр внимательно ознакомился с производством и отделкой монет – русские монеты и русское денежное хозяйство были примитивны, и Петр по возвращении в Россию занялся кардинальным реформированием монетного дела, в частности чеканкой на иностранных машинах новых монет, избавляясь от ненавистных ему «старый вшей», как он называл крошечные и небрежно сделанные русские копейки.

Во время пребывания Петра I в Лондоне его привели в Вестминстер-холл*, где он увидел много людей в мантиях и париках. Ему сказали, что все они юристы, законники. «Законники? – удивился Петр. – В моем государстве только двое таких законников, и когда только вернусь, обоих повешу». Петр посетил верфь под Лондоном, в Редрифф (недалеко от Детфорда), где для него строился корабль, а также поехал в городок Чэтем у впадения реки Медуэй в Темзу и наблюдал за спуском на воду военного корабля на верфи в Редклифе (так назывался небольшой городок, где были построены первые доки, теперь лондонский район Rotherhithe), основанной еще королем Генрихом VIII.

Специально для Петра король Вильгельм устроил морские маневры и пригласил его в Портсмут. Петр был восхищен увиденным и сказал адмиралу Митчеллу, что быть английским адмиралом лучше, чем русским царем, чем его, вероятно, и не удивил. На обратном пути царь и сопровождающая его небольшая свита остановились в селении примерно на полдороги от Лондона. Сохранился любопытный счет, по которому можно судить, как ели в то время россияне. За завтраком съели половину барана, четверть ягненка, десять куриц, двенадцать цыплят, семь дюжин яиц, выпили три кварта (кварта несколько больше литра) бренди и шесть кварт вина с пряностями; обед же состоял из 5 стоунов (один стоун равен 6,3 кг) говядины, одного барана весом 56 фунтов (фунт – это почти 0,5 кг), трех четвертей ягненка, плеча и филе телятины, 8 куриц, 8 кроликов, двух дюжин с половиной сухого вина и дюжины кларета.

Как ни старался Петр сохранить инкогнито (его имя так ни разу и не появилось в «London Gazette», единственной официальной тогда газете), это ему не удавалось: его узнавали на улицах, в пабах, на верфях. Как писал английский историк Томас Маколей в своей «Истории Англии», «его величественная фигура, его лоб, показывающий ум, его пронзительные черные глаза, его татарский нос и рот, его приветливая улыбка, выражение страсти и ненависти тирана-дикаря в его взгляде, когда он хмурил брови, и в особенности странные нервические конвульсии, по временам обращавшие на несколько секунд его лицо в предмет, на который нельзя было смотреть без ужаса, громадное количество мяса, которое он пожирал, пинты водки, которые он выпивал и которая, по рассказам, была заботливо приготовлена его собственными руками, шут, юливший у его ног, обезьяна, гримасничавшая у спинки его стула, – все это было несколько недель любимым предметом разговоров. А он между тем избегал толпы с гордой застенчивостью, разжигавшей любопытство»²⁵.

²⁵ Маколей Т. Полное собрание сочинений: В 15 т. СПб., 1864. Т. 13. С. 65–66.

Но бывало и так, что он оставался не узанным. Как-то он вместе с маркизом Кармартемом шел по Стренду, одной из главных и оживленных лондонских улиц, его толкнул носильщик с большой ношей на плече. Петр чуть было не ударил носильщика, но тут вмешался Кармартен, остановил его, а носильщику сказал, что он грубо толкнул самого царя. Носильщик обернулся, посмотрел и презрительно сказал: «Ха, царь! Все мы тут цари!» И пошел прочь как ни в чем не бывало. Можно представить себе, чем окончилась бы такая же сценка в Москве...

Петр посетил главу англиканской церкви архиепископа Кентерберийского в его резиденции, Ламбетском дворце*. О беседе с ним ничего не известно, отмечается только, что там Петр завтракал, причем, как пишут мемуаристы, почему-то отказавшись есть, а также то, что на Петра произвела впечатление библиотека архиепископа. При виде ее он сказал, что никак не мог предполагать, что на свете может быть так много печатных книг, что и неудивительно, ибо в России даже в домах богатых и образованных вельмож находилось совсем немного книг. Петр присутствовал на церемонии причащения и рукоположения и «остался очень доволен».

Больше известно о встречах и беседах Петра с епископом Солсберийским Бернетом, написавшим о них в «Истории моего времени», опубликованной в 1766 г.

Очень возможно, что Петр сам просил короля Вильгельма о встрече с англиканским священником: наряду с вопросами чисто прикладными – судостроением, ремеслами, мастерскими – Петра интересовали вопросы религии, которыми он интересовался еще в московской Немецкой слободе. По приказанию короля и церковных властей епископ Бернет встретился с царем, они долго беседовали и заинтересовали друг друга, встречи продолжались и впоследствии. Бернет оставил одни из первых воспоминания о Петре: «Он человек очень горячего нрава, вспыльчивый и очень жестокий в своих страстях. К тому же он разжигает свой пыл употреблением большого количества водки, которую он сам и делает с большим старанием. Это человек, подверженный судорогам, которые охватывают все его тело, и его голова тоже, как кажется, поражена этим. У него нет недостатка в способностях и он обладает знаниями в большей степени, чем это можно было бы ожидать от его образования, которое было слишком незначительным. Отсутствие рассудительности и неуравновешенность проявлялись в нем достаточно часто. Кажется, он быть предназначен самой природой скорее корабельным плотником, нежели великим князем – это было его основным увлечением и предметом изучения, пока он был здесь. Он многое создавал своими руками и практически самостоятельно делал модели кораблей. Он рассказывал мне о своих планах по поводу великого флота на Азове, с помощью которого он планировал напасть на Турецкую империю. Однако создавалось впечатление, что он не способен выполнить такой великий план, хотя впоследствии в нем обнаружился большой талант вести войны, по сравнению с тем, как казалось в тот момент. Он вроде бы понимал наши доктрины, но не стремился менять положение вещей в Московии. Конечно, он решил поддерживать образование и учить своих людей, отправляя некоторых из них в путешествия по разным странам, а также приглашая иностранцев приехать и пожить среди них. Он, казалось, все еще был обеспокоен интригами своей сестры. В его характере было сочетание и увлеченности, и жестокости. Он решителен, но мало понимает в войне и, кажется, не совсем интересуется этим. После того как я часто встречался с ним и много беседовал, мне остается только преклоняться перед силами господнего провидения, давшего такому жестокому человеку абсолютную власть над такой большой частью света».

В частном письме епископ сообщал, что 17 марта 1698 г. он провел у царя Петра четыре часа: «Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучил Святое Писание. Из всего, что я говорил ему, он всего внимательнее слушал мои объяснения об авторитете христианских императоров в вопросах

религии и о верховной власти наших королей. Я убедил его, что вопрос о происхождении Св. Духа есть тонкость, которая не должна вносить раскола в церковь. Он допускает, что иконам не следует молиться и стоит лишь за сохранение образа Христа, но этот образ должен служить лишь как воспоминание, а не как предмет поклонения. Я старался указать ему великие цели христианства в деле совершенствования сердца человеческого и человеческой жизни, и он уверил меня, что намерен применить эти принципы к самому себе. Он начинает так сильно привязываться ко мне, что я едва могу от него оторваться».

Епископ заканчивает это письмо знаменательными словами: «Царь или погибнет, или станет великим человеком». Как вполне справедливо отозвался наш выдающийся историк В. О. Ключевский: «Петр одинаково поразил его [Бернета] своими способностями и недостатками, даже пороками, особенно грубостью, и ученый английский иерарх не совсем набожно отказывается понять неисповедимые пути провидения, вручившего такому необузданному человеку безграничную власть над столь значительной частью света».

Петр встречался не только с представителями официальной англиканской церкви, он интересовался и другими деноминациями христианских верований. В «Юрнале», тщательно отмечавшем встречи и посещения Петра, под 3 апреля 1698 г. записано: «Были в квекорском костеле». Историк Общества друзей, или, как их иногда называют, квакеров, пишет, что они «всегда стремились найти себе прозелитов между государями, и во время пребывания в Лондоне Петра двое из них успели получить доступ к этому удивительному человеку, в котором высочайший гений привился к самому дикому корню. Они объяснили ему через переводчика основные начала своей религии и представили ему экземпляр «Апологии Баркляя» и несколько других книг, относящихся к их вере...». Одним из этих квакеров был Уильям Пенн, основатель колонии Пенсильвания в Северной Америке. Во время другой встречи Петру передали несколько квакерских сочинений на немецком языке. «Петр был чрезвычайно любознателен и, желая знать все, так интересовался этими оригинальными людьми, дважды хотевшими его видеть, что после не раз приходил на квакерские митинги в Детфорде, чтобы видеть их богослужение».

Петр не пропускал даже малой возможности походить по Темзе, в журнале его пребывания в Англии обязательно записывается: «ходили на двух яхтах за Улич», «ходили на маленькой яхте с Кармартемом», «ездили на двух яхтах в Улвич». Бывало и так, что Петр, будучи не очень опытным судоводителем, сталкивался с другими судами на реке, и с него требовали возмещение ущерба. Король Вильгельм обязательно оплачивал все издержки.

Свободное время Петр проводил со своими спутниками в лондонских тавернах. Все историки передают как легенду рассказ о том, что владеец одной из них после отъезда Петра из Англии назвал ее *Muscovy Czar's Head*, т. е. «Голова московского царя», заказал портрет царя-клиента и вывесил его над входом. Некий Ваксель, собиратель редкостей, якобы купил в 1808 г. эту вывеску, а взамен предложил хозяину копию. Этот рассказ появился в 1877 г. в журнале «Древняя и Новая Россия» в статье историка Н. Н. Фирсова «Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне», которая была переводом так называемой «Книги Дней» Чемберса, где под каждым днем года сообщались различные занимательные сведения. Из статьи Фирсова ее и взял известный исследователь биографии Петра М. М. Богословский.

Неожиданное продолжение этого рассказа-легенды недавно было предложено читателям авторами лучшего и наиболее полного исследования петровского Великого посольства Д. и И. Гуревичами. Они выяснили, что «некий Ваксель» в действительности существовал и в начале XIX в. жил в Лондоне и работал представителем российского департамента водяных коммуникаций. Он был коллекционером, и его собрания оказались в Петербурге. Авторы выяснили, что этот якобы легендарный портрет уже давно известен: он опубликован в монументальном исследовании М. П. Алексеева о русско-английских литературных свя-

зях с указанием его местонахождения – петербургской Публичной библиотеки²⁶. На обеих сторонах доски, где сохранились отверстия и следы от кронштейна, к которому крепилась вывеска, рукой неопытного художника нарисованы два портрета Петра I. На одной стороне есть надписи «Czar of Muscovy» и «Edwd. Wild» (т. е. имя хозяина – Эдвард Уайлд). При внимательном рассмотрении оказалось, что имя хозяина заканчивается запятой, и, как предположил известный литературовед и историк русско-британских связей Харви Питчер, после нее должно было быть еще одно слово. Самым правдоподобным здесь могло быть слово, обозначающее, кем был этот Уайлд: «taverner» (содержатель таверны), или «publican» (содержатель паба), или «proprietor» (владелец), либо «innkeeper» (содержатель гостиницы). На другой стороне этой вывески написано также «Czar of Muscovy» и под ним слово «hasted», что, казалось бы, не имело никакого смысла; но можно предположить, что после слова «hasted» было еще слово – возможно, что им было «away», т. е. полностью надпись могла читаться как «Czar of Muscovy Hasted Away» – «покинувший нас царь Московии»²⁷.

Много времени Петр проводил с своим новым английским другом маркизом Кармартеном. Неудивительно, что маркиз, знаток кораблестроения (он спроектировал и построил яхту, подаренную Петру) и любитель выпивки, понравился московскому царю. Особенно Петру полюбилось выпивать с ним коньяк с перцем, а также и некий напиток, называемый «Nectar Ambrosia», который царь приказал приобрести в большом количестве, для того чтобы отвезти на родину.

Перегрин Осборн, маркиз Кармартен, был сыном лорда Данби, известного политического деятеля, уличенного в получении взятки и находившегося в немилости и не у дел. Сыну его было за сорок, он был значительно старше Петра, и царя привлекало в маркизе то, что он был морским волком, участвовал в нескольких сражениях, получил чин контр-адмирала.

Еще до прибытия в Лондон Петр мог узнать о маркизе Кармартене из письма, полученного посольством на имя Лефорта: «Есть токмо единая особа изо всей Европы, которой совершенно в знании строения всяких кораблей имеет, каковы оные быть ни могут, так что король почасту ему сам удивлялся». Конечно же, оба быстро сошлись и часто встречались.

Яхта «Royal Transport», подаренная Петру, была выдающимся произведением кораблестроительного искусства – самым быстроходным судном британского флота 25 метров длиной, с наклонным мачтами, несущими большие паруса, и 24 пушками для салютов.

Она была отправлена в Россию, но судьба ее оказалась печальной. Пока она оставалась на стоянке в Архангельске, Петр ходил на ней, когда приезжал туда; во время перегона яхты в Петербург она попала в шторм и затонула.

Кроме этой яхты, подаренной ему королем, он приобрел еще одну, «малую яхту», за которую было заплачено некоему Ивану Калсуну 150 гиней.

С маркизом Кармартеном Петр заключил и выгодный для того договор, по которому в Россию он мог ввозить табак в продолжение 7 лет ежегодно не менее 3000 бочек (не менее 500 фунтов в бочке) «травы никоцианы», и по условию договора «никому иному, ни под каким предлогом в государствах и землях Его Царского Величества никоциану садить и растить и иным каким ни есть людям привозить позволено не будет». В счет пошлин Кармартен уплатил уже сразу 12 тысяч фунтов, которые пошли на текущие расходы посольства.

Вскоре Петр покинул Лондон и переселился поближе к корабельным верфям, в ближний городок Детфорд.

²⁶ Русско-английские литературные связи. М., 1982. С. 84–85.

²⁷ «Hasted away» – ушедший, покинувший, ушедший, отправившийся. Этот предложный глагол встречается в стихотворении Robert Herrick (1591–1634): «Fair daffodills, we weep to see You haste away so soon: As yet the early rising sun Has not attained his noon». «Прекрасные нарциссы, мы оплакиваем ваше быстрое исчезновение еще до того, как рано встающее солнце достигло зенита».

6 февраля 1699 г. Петр съездил туда, а через три дня «после полудня, в 3-м часу» и вовсе перебрался. На верфи он изучал теорию корабельной архитектуры, консультируясь у инспектора флота Энтони Дина (Anthony Dean), автора книги «Теория судовой архитектуры». Правда, царь никак не мог удержаться от того, чтобы не поработать самому и, как вспоминали, работал на верфи наравне со всеми, «и, кажется не было такого искусства или ремесла, с которым он не ознакомился в больших или меньших подробностях»²⁸. Петр жил недалеко от королевского арсенала Вулич (Woolwich) для «отведения метания бомб» и, конечно, не мог не увидеть там «лабораториум, где огнестрельные всякие вещи и наряжают бомбы».

В Детфорде английское правительство наняло для царя частный дом, принадлежавший известному государственному деятелю, писателю, мемуаристу, ботанику Джону Ивлину (John Evelyn). Замечательный дом был, прекрасно украшен и обставлен дорогой мебелью. В доме у хозяина обычно собиралось изысканное общество ученых и литераторов. Сад являлся гордостью хозяина, известного ученого-садовода, который потратил на него более сорока лет: любовно распланировал и наполнил редкими растениями.

В 1693 г. Ивлин уехал из Лондона и жил за городом, а свой дом Сейес Корт в Детфорде сдавал жильцам, последним из которых был герой многих морских сражений адмирал Бенбоу. Адмиралу совсем не хотелось покидать уютный дом, но его попросили от имени короля уступить. Для Петра было удобно, что дом находился недалеко от верфи и из него можно было пройти на верфь, для чего проделали в ограде специальный проход для него.

Он прожил в этом доме со своими спутниками около двух месяцев. Хотя и адмирал Бенбоу, по мнению хозяина дома, не был идеальным жильцом, но он никак не мог себе представить, что сделали с его ухоженным домом высокопоставленные гости из России.

Слабое представление об этом может дать официальная опись, составленная комиссией под руководством самого Кристофера Рена, призванной определить степень ущерба и размер вознаграждения за убытки.

Вот несколько выдержек из нее, могущих дать представление о нравах русских жильцов: «спальня, обитая голубой отделкой, и голубая кровать, обитая внутри светло-желтым шелком, вся измарана и ободрана»; «коленкоровая кровать с занавесями испятнана и изорвана в клочки, а большое индийское одеяло прорвано во многих местах»; «палевая кровать разломана на куски»; «14 голландских плетеных стульев все сломаны и испорчены»; «12 стульев со спинками, обитыми драгетом, сильно испорчены»; «обитая темным камлотом кровать сильно порвана и испорчена»; «черный панельный стол и рундуки сломаны и испорчены»; «пара каминных крюков с медными рукоятками, лопатка и щипцы сломаны». И так страница за страницей. Не только вся мебель в большом доме была переломана, но много предметов вообще исчезло: «7 отлогих стульев сломаны и утрачены»; «6 кожаных стульев утрачены, 2 перины и 2 подушки потеряны». Но пострадали не только мебель и белье: «20 прекрасных картин сильно замараны, а рамы все разбиты. Несколько прекрасных чертежей и других рисунков, изображающих лучшие виды, утеряны». Описание того, что стало с домом, заключается такой строчкой: «Все полы попорчены грязью и рвотой».

Сам дом также пришлось чинить, для чего требовалось фламандских изразцов 100 футов, черепицы для поправки каминных труб 90 фунтов, 300 стекол в окнах, 240 футов сосновых и 170 футов дубовых балясин и много еще чего. Знаменитый и прекрасный сад был весь изрыт и испорчен, а редкие деревья сломаны. Комиссия определила убытки в огромную по тем временам сумму – 320 фунтов стерлингов, уплаченных английской казной.

Прав был знаменитый историк В. О. Ключевский, когда писал о пребывании Петра с его компанией в Детфорде: «Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преуве-

²⁸ Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 107.

личенную... Видно, что пустившись на Запад за его наукой, московские ученики не подумали, как держаться в тамошней обстановке. Зорко следя там за мастерствами, они не считали нужным всмотреться в тамошние нравы и порядки, не заметили, что у себя в Немецкой слободе они знали с отбросами того мира, с которым теперь встретились лицом к лицу в Амстердаме и Лондоне, и, вторгнувшись в непривычное им порядочное общество, всюду оставляли здесь следы своих московских обычаев, заставлявшие мыслящих людей недоумевать, неужели это властные просветители своей страны».

Известный филолог А. М. Панченко, воспитанный на давней советской традиции оправдывать все что ни попало, лишь бы это было сделано русскими, упрекает Ключевского, который, по его мнению, «зря приходит в ужас и напрасно конфузится за своих соотечественников», и глубокомысленно замечает, что в Англии того времени, видите ли, вообще много пили, не приводя, правда, сведений о том, что после пирушек люди «вообще» гадили в собственном жилище...

В Детфорде ныне все перестроено и ничего не осталось от того времени, когда тут жили адмиралы и цари, почти все здесь застроено муниципальными домами. Но название «Царская улица» все еще есть, как и улица Сейес Корт (Sayes Court), где стоял дом Джона Ивлина и где жил Петр.

В 1998 г., отмечая 300-летие визита царя Петра в Англию, в Детфорде открыли памятник, который навязал городу скульптор Шемякин (см. главу «Свидетельства русско-британских связей»).

Прощальный визит королю Петр нанес 28 апреля 1698 г. и, как рассказывают, при прощании он неожиданно для всех вынул из кармана что-то небрежно завернутое в коричневую оберточную бумагу и передал Вильгельму. Когда король развернул сверток, то увидел огромный рубин, который, как говорят, стоил 10 тыс. фунтов.

Эскадра кораблей, на одном из которых был Петр, вышла в открытое море 5 мая и направилась к берегам Голландии.

Петр не только внимательно знакомился с Англией, но нанял там на службу в России около 500 человек, в числе которых были капитаны, лоцманы, корабельные плотники, парусные и компасные мастера, граверы, кузнецы, артиллеристы и др.

От Англии у Петра остались хорошие воспоминания – как передавал И. И. Голиков в «Деяниях Петра Великого», «часто Его Величество говаривал, что английский остров «лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света». Толико то полюбила Англия государю»²⁹.

Конечно, Петра в первую очередь интересовало морское дело, как с практической, так и с теоретической стороны, но он предстает перед нами и как живо интересовавшийся самыми разными предметами. Этот молодой человек – ему тогда еще не исполнилось и 26 лет, получивший весьма скудное образование, отличался необыкновенной любознательностью, огромной тягой к знаниям, интересом ко всему новому, соединенным с желанием сразу же приложить узнанное к практическим применениям на родине, и не прав был Ключевский, считая, что в западной Европе Петр «поспешил прежде всего забежать в мастерскую ее культуры и не хотел, по-видимому, идти никуда больше, по крайней мере оставался рассеянным, безучастным зрителем, когда ему показывали другие стороны европейской жизни. Возвращаясь в Россию, Петр должен был представлять себе Европу в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами»³⁰.

Роль Великого посольства была весьма значительна, и, как пишет автор книги о Петре Роберт Мэсси, «последствия этого 18-месячного путешествия оказались чрезвычайно важ-

---

²⁹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... М., 1837. Т. I. С. 474.

³⁰ Ключевский В. О. Сочинения. Курс русской истории. М., 1958. Т. 4. С. 27.

ными, даже если вначале цели Петра казались узкими. Он поехал в Европу с решимостью направить свою страну по западному пути. На протяжении веков изолированное и замкнутое старое Московское государство теперь должно было догнать Европу и открыть себя Европе. В определенном смысле эффект оказался взаимным: Запад влиял на Петра, царь оказал огромное влияние на Россию, а модернизированная и возрожденная Россия оказала в свою очередь новое, огромное влияние на Европу. Следовательно, для всех трех – Петра, России и Европы – Великое посольство было поворотным пунктом».

Александр I

Александр I был первым после Петра Великого русским монархом, посетившим Великобританию. Герой только что закончившейся войны со смертельным врагом Великобритании Наполеоном, освободитель Европы, к которому относились почти с религиозным обожанием, русский император Александр I в 1814 г. прибыл в Великобританию.

Еще в Париже он получил письмо от любимой сестры Екатерины: «Есть ли еще в истории монарх-завоеватель, характер которого превозносился бы и как образец добродетели, – пишет она. – Необыкновенно приятно слышать все то, что о Вас говорят и, воздав хвалу, добавляют: "Все это ничто, надо знать его душу". Не браните меня, я Вам это передаю потому, что просто задыхаюсь от восторга. Увидите сами, преувеличиваю ли я». Это была его первая поездка после триумфального завершения войны с Наполеоном, и Александр I решил посетить своего союзника, ликующую Великобританию.

Корабль великобританского флота «Импрегнбл» («Несокрушимый») с Александром и королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом на борту, сопровождаемыми большими свитами, пересек бурный Ла-Манш (Александр с огорчением был вынужден признать, что он не будет моряком – так его укачало) и 6 июня (н. ст.) 1814 г. пришвартовался у пристани города Дувр, салютовавшего им пушечными выстрелами крепостных орудий. Вся пристань была заполнена десятками тысяч зрителей, ожидавших «умиротворителя вселенной» и героев прошедшей войны.

Как только гости заняли приготовленные для них кареты, народ выпряг лошадей и повез обоих монархов. В их свите был знаменитый прусский полководец Блюхер, сыгравший решительную роль в битве при Ватерлоо (его русские солдаты прозвали «фельдмаршал Форверц»: его любимым словом было «Vorwärts!» – «Вперед!»). Восторженная толпа англичан окружила Блюхера и несла его на руках до города, по дороге отрезая кусочки от его мундира... В гостинице он появился в лохмотьях³¹.

На следующий день рано утром – в четыре часа – просто в почтовой коляске, «дабы избежать помешательств от чрезвычайного стечения народа», гости отправились в Лондон, где в пригороде Блекхит* (Blackheath) Александра встретил русский посол князь Христофор Ливен и сообщил ему, что у Лондонского моста его ожидают многотысячные толпы. Александр решил избежать их и кружным путем проехал на улицу Пикадилли* в Пултеней-отель («Pulteney Hotel»), где его встретила любимая сестра Екатерина. Сразу же после приезда Александр отказался принять приглашение принца-регента поселиться в одном из королевских дворцов, предпочтя отель, где жила сестра. Правда, злые языки утверждали, что решающую роль в этом выборе сыграли новомодные ватерклозеты, оборудованные в здании...³² Лондонцы испытали немалое разочарование, от того, что не смогли встретить Александра в Блекхите, ведь, как вспоминала потом княгиня Ливен, «англичане любят, чтобы короли показывались на публике при полном параде». Несмотря на эти огорчения, они быстро простили своего кумира, и вскоре Пикадилли была запружена зрителями, к которым на балкон время от времени выходил Александр и под приветственные крики раскланивался с ними.

В этот же день Александр ждал принца-регента (замещавшего тогда на престоле своего душевнобольного отца) у себя в отеле, но так и не дождался: как было сообщено ему, принц из-за толп не может появиться на улицах, ибо он не хотел присутствовать при триумфе сво-

³¹ Он дал свое имя высоким тяжелым ботинкам – blucher boots.

³² Он отказался поселиться в королевской резиденции, предложенной ему принцем-регентом, что могло выглядеть намеренной демонстрацией пренебрежения Александра своим хозяином.

его гостя. Пришлось Александру садиться в экипаж посла и ехать в Карлтон-хауз* (Carlton House), который был расположен не так уж и далеко.

Большую часть визита, который продлился довольно долго – почти три недели, Александр присутствовал на разного рода приемах и праздниках и на представлениях – в театре «Хеймаркет» и в Королевском театре Ковент-гарден. Светская хроника, конечно, не преминула отметить увлечение императора – он явно предпочитал графиню Сару Джерси (Sarah Jersey) (бывшую любовницу принца!) всем другим поклонницам, которым было несть числа. Даже после утомительного путешествия он предпочел не отдохнуть, а появиться среди ночи на балу у Сары Джерси в ее дворце Остерли-хауз* (Osterley House).

Александр с сестрой под восхищенные возгласы зевак совершали конные прогулки по Гайд-парку или же в полях Хемпстеда и Хайгейта. Популярным он был необыкновенно – даже герцог Кентский пожелал назвать свою дочь, родившуюся через три года после этого визита, в честь русского императора – Александриной. Эта была та самая знаменитая королева, известная более под своим вторым именем – Виктория.

10 июня на скачках в Аскоте все внимание было обращено не столько на сами скачки, сколько на гостей. Александр I произвел смотр 15-тысячного войска в Гайд-парке, он ездил верхом «по важнейшим лондонским улицам... и осматривал все народные здания». При посещении Английского банка император отметил, что все виданное им «в полной мере оправдывает славу, которою пользуется Англия в разсуждении торговли, истинного богатства и честнаго характера жителей».

Сообщалось, что Александр настолько увлекся политическими порядками, что как-то, беседуя с представителями партии вигов о пользе оппозиции, сказал, что он позаботится о создании в России *un foyer d'opposition* (центра оппозиции), естественно, только «честной и благонамеренной», что по возвращении в родные пенаты, конечно же, было прочно забыто.

Особенно торжественным был прием, устроенный 18 июня 1814 г. лорд-мэром в огромном старинном парадном зале ратуши Сити – Гилдхолле*. При проезде гостей порядок на улицах города обеспечивали восемь тысяч солдат, все улицы по маршруту проезда были плотно заполнены народом (как сообщалось, население Лондона, насчитывавшего около миллиона жителей, увеличилось в дни визита на 200 тысяч человек).

В зале Гилдхолла поставили три кресла – для Александра I, прусского короля и принца-регента; на огромных столах, накрытых на 470 приглашенных, красовался знаменитый золотой сервиз, стоивший 200 тысяч фунтов стерлингов, и на них «было все, что могли произвести природа, искусство, время года и различные страны света». Сотни приглашенных представляли собой живописное зрелище: «Разноцветные стекла длинных окошек отражались изумрудами и яхонтами и распространяли лучезарный свет на все предметы, возвышая новыми прелестями розовые ланиты женщин, наполнявших галереи, или одевая их алебастровые груди очаровательною тенью».

Гостей приветствовали песней «Oh, the Roast Beef of Old England!», которая вызвала необычайный прилив чувств и у присутствующих:

When mighty Roast Beef was the Englishman's food,
It ennobled our brains and enriched our blood.
Our soldiers were brave and our courtiers were good.
Oh! the Roast Beef of old England,
And old English Roast Beef!...
(Когда могучий ростбиф был едой англичан,
Он облагораживал наши умы и питал нашу кровь.
Наши солдаты были храбры и наша страна процветала.
О, ростбиф старой Англии!

О, старый английский ростбиф!)

Растроганные гости-англичане еще долго оставались в Гилдхолле – многие «пили тосты до трех часов утра».

На следующий день после приема в Сити Александр попросил посла князя Ливена организовать его встречу с представителями квакеров в Лондоне³³. О них ему рассказала сестра, побывавшая на собрании квакеров. Александр, никого не предупреждая, появился в доме квакеров, который тогда находился в переулке св. Мартина (St. Martin's Lane) на месте современного театра герцога Йоркского (the Duke of York's Theatre) около Черинг-Кросс-стрит. Он присутствовал на молитвенном собрании и пригласил двоих членов «Общества друзей», как себя называли квакеры, прийти в отель Пултни. После длительного разговора с ними император пригласил их приехать в Петербург. Двое известных квакеров – Вильям Аллен и Стефан Греллэ де Мобилье – побывали в России в 1818 г.: дневник этой поездки опубликован в журнале «Русская старина» в 1874 г.

Где бы ни появлялся Александр, его и его свиту окружали огромные восторженные толпы. Как рассказывает очевидец, «большого труда стоило Блюхеру удержать народ, чтоб не раскладывал его кареты (т. е. не выпрягал лошадей. – *Авт.*), а Платова, который ехал верхом, так стеснили, что не мог он ни шагу подвинуться ни в одну сторону. Всякой хватал его за руку и почитал себя счастливейшим человеком, когда удавалось ему пожать ее. Часто пять человек держались за него, каждый за палец и передавали оный по очереди знакомым и приятелям своим. Весьма хорошо одетые женщины отрезывали по волоску из хвоста графской лошади и завертывали тщательно сию драгоценность в бумажку».

Александра даже как-то чуть было не задавили при посещении лондонского пригорода Ричмонд*, небольшого городка, расположенного на высоком берегу Темзы, откуда открывались красивые виды. Александр «сказал, что никогда не видал столь прелестного местоположения» (один из русских эмигрантов сравнивал его с видом с Воробьевых гор в Москве). На вершине холма стояло здание гостиницы и таверны «Star and Garter», т. е. «Звезда и Подвязка», откуда император последовал во дворец Хемптон-корт* (Hampton Court).

Александр I посетил собор св. Павла*, где его приветствовал хор, состоявший из одиннадцати тысяч (!) мальчиков и девочек, исполнивших гимн в честь освободителей Европы, Камберлендский дворец* на улице Пэлл-Мелл, Кенсингтонские сады*, Вестминстерское аббатство*, арсенал в Вуличе*, куда он отправился на «англинских судах» из центра города. Там ему показали новейшее секретное английское вооружение – ракеты военного инженера Уильяма Конгрева. Как писали тогда, «полковник Конгрев показал также в разных видах ужасное действие адских ракет, им изобретенных. Сие последнее удивило и ужаснуло великодушное сердце Государя»³⁴.

Император в воскресенье 12 июня присутствовал на обеде в церкви русского посольства. Александр осмотрел также инвалидный дом в Челси*, обсерваторию и морскую богадельню в Гринвиче*. Визит императора Александра окончился в понедельник 27 июня 1814 г., когда от отплыл в Остенде.

С Александром в Англии пребывала и его свита, в которой выделялся атаман Матвей Платов – он в особенности пользовался вниманием англичан. Его подвиги, его экзотическая внешность, одежда – все вызывало неудержимое любопытство и восхищение.

Правда, надо сказать, что, незадолго перед тем в Лондоне в 1813 г. побывал другой казак, Александр Земленухин, посланный с депешами к русскому послу, и прибытие его вызвало неподдельный интерес лондонцев, наслышанных о свирепых казаках из русских

³³ Дом для собраний квакеров переместился в переулок св. Мартина в 1779 г.

³⁴ Свиньин П. Ежедневные записки в Лондоне. Спб., 1817. С. 226.

степей, наводивших ужас на врагов. Его встречала громадная толпа, ему хотели было поднести значительную сумму денег, но заменили дорогой саблей, в честь его сочинили песню «Казак», перевод которой появился в журнале «Сын Отечества»:

Ура! горят, пылают селы,
Седлай коня, казак!
Ура! мечи отмщенья стрелы
Где скрылся лютый враг,
Багрово зарево являет...

Его пригласил принц-регент, казак присутствовал на обеде у лорд-мэра, где, по наблюдению корреспондента газеты «Morning Chronicle», «к счастью для самого и элегантного собравшегося общества, он пил умеренно».

Матвея Платова встречали огромные толпы народа, которые, по выражению «Московских ведомостей», «громко изъявляли ему свое уважение». Город Лондон преподнес ему саблю в драгоценной оправе, Оксфордский университет наградил докторским дипломом, принц-регент преподнес ему свой портрет, украшенный драгоценностями, а в ответ Платов подарил принцу-регенту своего ветерана-коня, бывшего с ним во всех походах и который был с ним в Лондоне. Живописец сэра Томаса Лоуренса написал портрет атамана Платова, который приезжал к нему в студию, находившуюся на 67, Russel Square (№ 67 на Рассел-сквер; дом этот снесен).

Платов вывез из этого путешествия своеобразный «сувенир» – молоденькую англичанку. Рассказ об этом передает П. А. Вяземский: «Кто-то, помнится Денис Давыдов, выразил ему свое удивление, что, не зная по-английски, сделал он подобный выбор. "Я скажу тебе, братец, – отвечал он, – это совсем не для *хфизики*, а больше для *морали*. Она добрейшая душа, и девка благодная; а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять *ярославская баба*"».

Вообще старый казак приехал в Россию настоящим англоманом. По воспоминаниям посетившего его английского офицера, ехавшего из Индии через Дон в Великобританию, «атаман, казалось, с удовольствием подражал англичанам даже и в привычке обедать поздно вечером и в манере сервировки стола... [За столом Платов] произнес тост и от себя: "Вся Британская нация – мои друзья и настоящие друзья России"».

Посещение Александром Англии легло в основу сказки Лескова «Левша»: искусный мастер был с императором за границей, когда атаман Платов показал Александру подпись русского мастера на пистолете, которым он восхищался как произведением английского оружейного искусства. В ответ мастер Левша подковывает блоху, которая, правда, после этого перестала прыгать...

Александр и принц-регент (будущий король Георг IV) не чувствовали симпатии друг к другу, принц завидовал военной славе своего гостя, а встречи Александра с оппозицией, его откровенное пренебрежение принятыми правилами отнюдь не способствовали установлению хороших отношений между ними. Александр хотел представить себя в глазах Европы, только что освободившейся от невиданного еще тирана, самым справедливым, самым доступным, самым либеральным из всех монархов. Отсюда и его заигрывания с оппозицией, отсюда и его намеки на введение конституции и оппозиции.

Как еще отмечали многие современники, Александр поддался влиянию сестры, невзлюбившей принца-регента. Некоторые говорили, что он находится под ее башмаком; по-английски это звучит еще более выразительно: «под управлением нижней юбки» – *under petticoat government*. Александр вел себя по отношению к принцу-регенту Георгу совершенно непозволительно даже с точки зрения обычного этикета: он постоянно опаздывал на

встречи: так, например, на обеде в Гилдхолле сотни гостей дожидались его более часа. Он явно не обращал на него внимания. Так, опоздав на прием, данный принцем-регентом (Георгом), Александр бестактно извинился тем, что встречался с лордом Греем, лидером оппозиции, а в другой раз, разговаривая с Георгом, он увидел лорда Грея и тут же прервал разговор, бросил собеседника и подошел к Грею.

Александр и его сестра, не особенно скрываясь, вмешивались в матримониальные дела королевской семьи, что совсем не способствовало установлению нормальных отношений. Как писал Меттерних австрийскому императору, принц-регент сказал ему: «Если бы ваш император прибыл к нам, то Англия бы увидела настоящего монарха, а теперь она вынуждена удовлетворяться зрелищем северного варвара». Но не только принц-регент был настроен против Александра, но и члены правительства весьма отрицательно отзывались о нем.

Александр бестактным поведением умудрился совершенно испортить отношения с королевским двором и даже способствовал сближению его с оппозицией. А в конце концов он достиг того, что облегчил переговоры о создании коалиции Австрии, Франции и Англии против России, которое и было заключено в следующем, 1815 г.: «В чаду своего величия... Александр ни минуты не подозревал о возможности такого заговора, столь же ловкого, как и нахального, а граф Нессельроде (русский вице-канцлер), очевидно, благодушно прозевал все это дело, как низкопоклонный царедворец и бездарный дипломат»³⁵.

Непрерывная череда приемов, балов, визитов и различного рода увеселений (по словам жены Нессельроде, «великолепные непрекращающиеся обеды совсем лишили меня способности соображать, и я чувствую полную пустоту в голове») отнюдь не способствовали серьезным переговорам с членами британского правительства.

В понедельник 27 июня 1814 г. Александр отправился на корабле из Дувра на континент, где он и высадился в Остенде.

---

³⁵ Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. Спб., 1910. С. XI.

Николай I

Неожиданно для себя и для всей Российской империи царем после смерти Александра I стал его младший брат Николай. Будучи третьим по старшинству после Александра I и Константина Павловича, он не готовился к роли императора, верховного самодержца, повелителя миллионов подданных. Получил он обычное для Романовых воспитание и образование, и интересно отметить, что до семи лет нянюшкой у него была шотландка, дочь лепного мастера, приглашенного императрицей Екатериной в Россию. Звали ее Евгенией Васильевной Лайон, Николай ее обожал, называл «няней-львицей» (lion – лев), а она привязалась к нему необыкновенно. Воспитателем его император Павел предполагал назначить не кого иного, как графа Семена Романовича Воронцова (долголетнего посла в Великобритании), но назначение это не состоялось.

Александр I вознамерился было обучать младших братьев – Николая и Михаила – вместе с простыми смертными, для чего и открыли Лицей, но спохватился и решил, что от этого все-таки надо воздержаться (а то случилось бы, что Пушкин и Николай были бы одноклассниками...). Ему «с первой минуты не нравилось воспитывать своих братьев в общественном заведении»³⁶, и, как и было обычно в романовской семье, дети получили домашнее образование. Николая обучали известные ученые, специалисты в своей области, но он относился к ним с большим пренебрежением, и единственное, что ему безоговорочно нравилось и в детстве и в зрелом возрасте – воинская муштра. Еще в детстве, только проснувшись, он тут же принимался за военные игры или же, надев гренадерскую шапку и взяв алебарду, направлялся будить брата и заниматься с ним экзерцициями. Он сам, по своей охоте, подражал солдатам и часами стоял в карауле днем, а то и вскакивал посреди ночи, чтобы хоть немного постоять с ружьем на плече...

Мать его, императрица Мария Федоровна, старалась отвлечь сына от любимого занятия мужской половины Романовых – военных упражнений и парадомании, но ее благие пожелания остались втуне, и ей так и не удалось направить внимание Николая на более возвышенные предметы. Пристрастие к муштре сделалось «единственным и истинным его наслаждением». По словам очевидца, единственное, что он делал идеально, это «когда он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним сравниться, и показывал также барабанщикам, как им надлежало бить»³⁷.

В программу обучения входило и обязательное знакомство великого князя с необъятной Россией, а также и с Европой, причем в качестве необходимой для посещения страны выступала Великобритания, или, как она обычно именовалась русскими, Англия. Как настаивала императрица Мария Федоровна, включение Англии, «этой достойнейшей внимания страны», было обязательным. Единственный изъян ее заключался, по мнению русских, в излишних свободах. Один из руководителей русской внешней политики граф Нессельроде даже составил наставление для Николая Павловича, в котором его предостерегает от возникновения желания ввести что-то похожее на английские политические институты в российскую действительность. Нессельроде признавал, что «нельзя удержаться, чтобы не отдать должной дани восторга общественному и политическому строю Англии», но он считал, «что было бы опасно, в порыве восторга, впасть в столь распространенное заблуждение, что возможно привить этот строй и другим народам и государствам»³⁸. Но, как справедливо пола-

---

³⁶ Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 98. С.58.

³⁷ Шильдер Н. Император Николай I. М., 1997. Кн. 1. С. 19.

³⁸ Там же. С. 74.

гает биограф, от Николая Павловича нельзя было и ожидать таких предосудительных стремлений к конституционным учреждениям.

Великий князь Николай Павлович 13 (25) сентября 1816 г. отправился из Петербурга через Берлин и несколько других германских городов в Брюссель и Кале, откуда на борту королевской яхты «Royal Sovereign» прибыл 18 ноября в портовый город Дил и через Дувр приехал в Лондон. Николай остановился в доме герцога Сент Олбанс на небольшой улице Стретфорд Плейс рядом с Оксфорд-стрит (теперь это здание, построенное в 1774 г. лордом Стретфордом, занимает Восточный клуб – the Oriental Club).

В Великобритании Николай провел довольно долгое время – около четырех месяцев. Он побывал во многих городах, гостил у владельцев поместий и замков, встречался с представителями высшего общества; но не сообщалось ни об одном посещении известного литератора, ученого или же предпринимателя, но в результате Николай как-то умудрился получить, как выразился один из сопровождавших его, «полное понятие об образе жизни английских людей и их гостеприимстве». Путешествия эти проделывались в спешном порядке: «Трудно поделить тем впечатлением, какое произвел на меня, – вспоминал другой сопровождающий великого князя, – вид стольких городов, замков и живописных местностей, ибо мы ведем чисто кочевую жизнь, быстро переезжая с места на место. Так, например, чем бы остановиться на несколько дней для подробного осмотра Бристоля и Бата, двух больших городов, представляющих много интересного, мы проведем там лишь по несколько часов»³⁹. Другое дело курортный город Брайтон, где в начале января 1817 г. Николай гостил у принца-регента «без малейшего стеснения, пользуясь вниманием и расположением принца; погода стояла прекрасная, устраивались прогулки и балы, на которых являлись первейшие красавицы в мире и гремела музыка».

В Англии его сопровождал капитан Уильям Конгрев, изобретатель знаменитых ракет, известных в Европе под его именем «конгревских». Николай Павлович вообще предпочитал общаться с военными: так, он несколько раз виделся со знаменитым полководцем герцогом Веллингтоном, но и не преминул побывать на крупном лондонском пивоваренном заводе компании Meux & Co в центре города около театра на Друри-лейн (Drury Lane). Николай посетил известный арсенал и артиллерийский завод в Вуличе, где тогда ввели в действие новую паровую машину, приводящую в действие многотонный молот. Там в доке стоял русский фрегат «Меркурий», на борту которого Николай принимал принца-регента.

Отдел придворных новостей газеты «The Times» был полон известий о визите великого князя: он посещает такие обязательные для туристов достопримечательности, как Британский музей, госпиталь для найденных (Foundling Hospital)*, Тауэр*, собор святого Павла*, Гилдхолл*, Английский банк*, Ковент-гарден*, Парламент*, а также очень тогда популярный музей Уильяма Баллока на Пикадилли*, осматривает тюрьму King's Bench*.

Тогда же он побывал на улице Пэлл-Мэлл на выставке картин художника Бенджамина Уэста, американца, всю свою творческую жизнь прожившего в Великобритании, где король Георг III покровительствовал ему, назначив историческим живописцем при дворе. Уэст был одним из основателем Королевской академии искусств и ее президентом, он оказал решающее влияние на развитие живописи в США.

Кроме всего прочего, великий князь очень заинтересовался петушиными боями и провел полтора часа, наблюдая такое занимательное зрелище, а также бой боксеров и травлю привязанного быка собаками (это жестокое зрелище, популярное в Средние века, было запрещено только в 1835 г.).

В феврале 1817 г. Николай посетил графа Пемброк, зятя русского посла Семена Романовича Воронцова, в поместье Уилтон-хауз*, наполненном богатыми художественными кол-

³⁹ Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 1.

лекциями. Там он в память визита посадил дуб, который и посейчас здравствует в парке поместья; около него табличка с такой надписью: «*Quercus Cerris* planted by the Grand Duke Nicholas afterwards Emperor of Russia February 3rd 1817» – «*Quercus Cerris* (разновидность дуба, который называется турецким или австрийским. – *Авт.*) посажен великим князем Николаем, впоследствии императором России, 3 февраля 1817 года».

Что же вынес Николай из знакомства с общественными и политическими организациями Великобритании? А вот что: «Если бы, к нашему несчастью, какой-нибудь злой гении перенес к нам эти клубы и митинги, делающие более шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление».

В высшем свете великий князь пользовался большим успехом. Один из свидетелей его появления в обществе оставил описание наружности Николая: «Это необыкновенно пленительный юноша (ему тогда исполнилось 20 лет. – *Авт.*)... Его лицо – юношеской белизны с необыкновенно правильными чертами, красивым открытым лбом, красиво изогнутыми бровями, необыкновенно красивым носом, изящным малиновым ртом и тонко очерченным подбородком... Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и тем не менее очень прилична. Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова жестами. «Если все сказанное им не отличалось изысканностью, зато он, во всяком случае, был чрезвычайно занимателен и, по-видимому, обладал несомненным талантом ухаживать за женщинами. В нем проглядывает большая самонадеянность при совершенном отсутствии притязательности».

«Что за милое создание! Он дьявольски хорош собою! Он будет красивейшим мужчиною в Европе! – восхищалась леди Кемпбелл, строгая и чопорная гофмейстерина. – Даже если не все, что он говорил, было очень остроумно, то, по крайней мере, все было не лишено приятности; по-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать»⁴⁰.

Таким он был в английском женском обществе, а вот что увидел зоркий наблюдатель в России: «Едва вышел из отрочества, два года провел в походах за границей, в третьем проскакал он всю Европу и Россию и, возвратясь, начал командовать Измайловским полком. Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были как будто предвестием всех напастей, которые посетят Россию во дни его правления... Никто не знал, никто не думал о его предназначении; но многие в неблагосклонных взорах его, как в неясно-писанных страницах, как будто уже читали историю будущих зол. Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду: он совсем не был любим».

После прощального приема у принца-регента 10 марта 1817 г. Николай выехал из Великобритании через Дувр в Кале, оттуда поехал в Мобеж, где находился русский оккупационный корпус.

Еще одно путешествие Николай Павлович совершил много позже, почти через четверть века, в 1844 г. – он тайно, под псевдонимом графа Орлова, отправился в Великобританию для важных переговоров.

Для оценки намерений Николая I предпринять путешествие в Великобританию необходимо сказать об отношениях между двумя государствами в 40-х гг. XIX в. Великобритания со все большей подозрительностью рассматривала непрекращающиеся попытки России развить экспансию в сторону Константинополя и Ближнего Востока, прикрываясь заботой о судьбе христиан и храмов Палестины и в то же время открыто заявляя о необходимо-

⁴⁰ Исторический вестник, 1886, № 2, стр. 351.

сти водрузить русский флаг на берегах Босфора, о завоевании его⁴¹, установления русского господства в Малой Азии и тем самым доминирования в восточной части Средиземноморья, непосредственно угрожая жизненно важным коммуникациям Великобритании. Вообще говоря, стремление николаевской России занимать господствующее положение в Европе резко противоречило основному принципу политики островной Великобритании – поддерживать равновесие на европейском континенте.

Для Николая, державшего в своих руках внешнюю политику России (как, впрочем, и внутреннюю), было необходимо нейтрализовать Великобританию, самую могущественную страну мира, а если возможно, привлечь ее на свою сторону в своих замыслах раздела Турции. Будучи уверен в собственных дипломатических способностях, он предпринял довольно неожиданный шаг – вызвался сам (правда, инкогнито – под именем графа Орлова) приехать в Лондон.

Николай I, уверенный в том, что его всегда примут, счел возможным сообщить только 18 мая, что он появится в Лондоне 20-го числа. Он привык в России являться к подчиненным как снег на голову и тут не отказался от своих привычек. В Англии при этом известии переполошились: ничего не было готово, королева была на седьмом месяце беременности, да еще и саксонский король должен был прибыть в то же время. Для обоих визитеров отвели Букингемский дворец и поспешили с приготовлениями.

Николай прибыл в Лондон около полуночи, остановился в русском посольстве (на Дувр-стрит, № 30), приказал принести кожаный мешок с сеном, расставить койку и тогда же, не дожидаясь утра, отправил письмо супругу королевы принцу Альберту о своем желании увидеть Викторию.

На следующий день он был принят в Букингемском дворце, нанес несколько визитов, а на следующий день вечером отправился с вокзала Паддингтон в Виндзор, но, правда, перед отъездом успел походить по магазинам: заказал на Бонд-стрит серебряную посуду и ювелирные изделия на огромную тогда сумму – 5 тысяч фунтов стерлингов, а также забежал в зоосад (!).

Более всего времени он провел в Виндзорском замке, резиденции королевской семьи; там он, наконец-то переодевшись в военный мундир (в штатском он чувствовал себя неловко), с удовольствием наблюдал за военным парадом. Николай был на знаменитых скачках в Аскоте, объявив, что он жертвует 500 фунтов стерлингов на ежегодный приз, выплачиваемый в продолжение его царствования. Внимательная королева Виктория заметила: «Он мне напоминает дядю Леопольда – он так же любит наблюдать за хорошенькими симпатичными лицами и восхищаться ими». Николай пожертвовал значительные суммы на памятники Нельсону и Веллингтону. В Лондоне император посетил многих представителей английской аристократии, и в их числе леди Екатерину Пемброк, дочь Семена Романовича Воронцова, хозяйку имения Уилтон-хауз, где он побывал еще юношей. Герцог Девонширский, бывший посол Великобритании в Петербурге, дал в его честь большой праздник в своем имении Чизуик (Chiswick)*. Во время его короткого пребывания поляки-эмигранты, жившие в Лондоне, устроили демонстрации, раздавали листовки, называя его тираном похуже Нерона или Калигулы, и собрали большой митинг протеста, на котором присутствовало 1200 человек. Николай покинул Великобританию 9 июня 1844 г., пробыв здесь всего восемь дней. Королева Виктория, которая противилась визиту и уступила только по настоянию министров, признала, что «в конечном итоге, я очень довольна, что император приехал».

---

⁴¹ Писатель Достоевский прямо призывал: «Рано или поздно, а Константинополь должен быть наш, и хотя бы в будущем только столетии! Это нам, русским, надо всегда иметь в виду, всем неуклонно».

Она считала, «что в нем много доброты и благородства, хотя и смешанных с деспотизмом и жестокостью. Не знаю почему, но мне его жаль. Думаю, что его громадная власть тяжелым грузом лежит на его плечах. Он был воспитан с большой суровостью нелюбящей его матерью и полусумасшедшим отцом, затем внезапно он был брошен в гущу военных событий»⁴².

Николай пытался договориться с английским правительством о разделе Турции, которая, как он считал, вот-вот прекратит свое существование: «Она умрет, она должна умереть. Это будет критическим моментом». Николай объявил английским министрам, что в России есть только два мнения по отношению к Турции: одни считают, что она при смерти, а другие, что уже умерла. Сам он, добавил Николай, придерживается второго мнения. Он попытался навязать великобританскому правительству формальное соглашение о совместных действиях против Турции, на что Англия, конечно, не могла согласиться: выход России с ее огромной армией на берега Средиземного моря был бы губительным для английских коммуникаций с колониями. Он не преминул прибегнуть и к шантажу, заявив: «Думаю, что мне придется привести свои войска в движение». Но английские министры совершенно здраво оценили царские наскоки и отменили все предложения Николая.

Внезапный визит Николая I, считавшего себя способным дипломатом, окончился полным провалом, что и было доказано через десять лет участием Англии в Крымской войне и поражением николаевской России.

---

⁴² Эмерсон Б. Царь Николай I и королева Виктория // Британия и Россия. М., 1997. С. 261.

Александр II

Как и многие другие великие князья, сын Николая I, наследник престола Александр Николаевич, также посетил Великобританию. В первый раз он побывал там, когда ему был 21 год (он родился 18 апреля 1818 г.). Приезд в Лондон наследника русского престола, занимаемого тогда его отцом императором Николаем I, так ненавидимым всеми европейскими демократами, вызвал брожение среди множества политических изгнанников, которым Британия, страна свободы, дала убежище.

У русского посла в Великобритании существовало подозрение о возможном покушении на наследника русского престола, о чем он донес в Петербург. Сопровождавший Александра в этом визите граф А. Ф. Орлов отнюдь не был уверен в невозможности покушения; Николай сам позднее рассказывал, получив сообщение о предполагаемом покушении: «Я дважды прочитал эту депешу и мое первое движение было отменить поездку в Англию, хотя я и считал ее крайне полезной. Но поразмыслив, я вознес мысль мою к Богу и тайный голос мне сказал: "Александр не грозит опасность; я возвращу тебе его здоровым и невредимым". Тогда я перестал колебаться и показал депешу Орлову. Тот был крайне встревожен ею, но я успокоил его своею верою в судьбу, сказав ему: "Полагаюсь на тебя и на провидение. Наследник поедет в Англию и проведет в ней то время, что предназначено моей инструкцией"».

Что сыграло большую роль – провидение или заменявший его Орлов, не ясно, но поездка оказалась благополучной.

Александр 21 апреля 1839 г. переправился из Нидерландов в Британию на голландском пароходе «Цербер», прибывшем в город Грейвзэнд. В. А. Жуковский, сопровождавший своего воспитанника, записал в дневнике: «21 апреля (3 мая), пятница. Проснулся уже в устье Темзы. Бесперывный прилив кораблей и пароходов. Искал место Гревзэндского монастыря. Помню место, где читал это в детстве... Переезд в Лондон. Мы живем близ Grosvenor Square, Brook Street, Hotel Mivards. У меня три горницы. Это лучший или один из лучших трактиров в Лондоне. Но я не замечаю этой разительной чистоты и этой точности»⁴³.

Наследника русского престола непрерывно приглашали на балы, обеды, концерты. На приеме Русской компанией, происходившем в Лондонской таверне* (London Tavern), он выступил с речью на английском языке, сказав: «С удовольствием пользуюсь настоящим случаем, чтобы открыто заявить, как тронут я приемом, оказанным мне в этой благородной стране, не только королевой и министрами ее величества, но также, – смею сказать без аффектации, но с гордостью, – каждым англичанином в отдельности. Никогда, никогда это не изгладится из моей памяти».

Он побывал в парламенте, совершил обзор обычных достопримечательностей – собора святого Павла*, Тауэра*, Вестминстерского аббатства*, тюрем, доков, туннеля под Темзой, Колизея в Риджентс-парке*, где показывалась диорама Лондона, представленная с верхушки купола собора св. Павла, посетил Ричмонд и Оксфорд, где ему поднесли диплом доктора права. Он также был и на скачках в Эпсоме и Аскоте. Конечно же, среди светских удовольствий не обошлось и без парада, который принимал наследник в центре Лондона, в Сент-Джеймском парке, и посещения арсенала в Вуличе.

Королева Виктория принимала Александра в Виндзорском замке, и их знакомство быстро переросло во взаимное чувство симпатии. Вот строки из опубликованных писем королевы Виктории. Двадцатилетняя девушка пишет: «Я видела князя... мы обедали в Георгиевском зале, который был великолепен. Великий князь вел меня в зал... Я прямо влюбилась в великого князя; он милый и очаровательный молодой человек. После 12 мы проследо-

⁴³ ОТЕЛЬ находился на Brook Street. Рядом с Grosvenor Square проходит не Brock Street, а Brook Street.

вали в столовую к ужину, а потом мы полчаса танцевали мазурку. Великий князь пригласил меня на тур и я согласилась (никогда не танцевала этого танца раньше), и это было очень приятно; великий князь так силен, что, кружась в танце, нужно быстро следовать за ним, как в вальсе, что было очень хорошо... Все было очень весело; я пошла спать без четверти три, но не могла заснуть до пяти часов».

На следующий день, 28 мая 1834 г., Александр прощался с королевой Викторией: «... лорд Пальмерстон привел великого князя, собиравшегося уходить. Великий князь выглядел бледным и голос его срывался, когда он произнес: "Слова не могут выразить всего, что я чувствую", он сказал, как глубоко признателен он за ту доброту, которую встретил, что он надеется вернуться опять и что он верит в то, что все это приведет к укреплению уз дружбы между Англией и Россией. Затем он пожал и поцеловал мою руку и я поцеловала его в щеку; он поцеловал мою щеку очень тепло и нежно... Я почувствовала большое огорчение из-за ухода такого милого и дружелюбного молодого человека, в которого, думаю, я была немного влюблена»⁴⁴.

Александр покинул Британию 29 мая 1830 г.

Второй раз он побывал здесь уже как император.

Мария, единственная и горячо любимая дочь Александра II, вышла замуж за второго сына королевы Виктории Альфреда, герцога Эдинбургского. Она родилась в 1853 г., через четыре года после смерти своей старшей сестры, и стала баловнем отца, не чаявшего в ней души. Нянюшками ее были, как обычно в императорской семье, англичанки, она получила хорошее образование, а ее воспитательницами были А. Ф. Тютчева, дочь поэта, и графиня А. А. Толстая, двоюродная сестра писателя Л. Н. Толстого. О Марии Александровне отзывались как об образованной, умной и милой девушке.

В 1872 г. она встретила Альфреда – ему тогда было 28 лет, а ей 19; они понравились друг другу.

Альфред родился в 1844 г., мальчиком он мечтал о море и посвятил себя морской службе, пройдя все ступени ее и достигнув чина адмирала флота, командуя флотом Пролива (Channel Fleet), потом Средиземноморским флотом (Mediterranean Fleet) и Девонпортской военной гаванью.

Ни мать – королева Виктория, ни отец – император Александр не были в восторге от предполагаемого брака. Надо сказать, что Романовы имели разветвленные матримониальные связи со многими династиями европейских владетельных домов, но с королевской династией первой мировой державы – Великобритании – их не было, хотя первые предложения поступали довольно давно, еще со времени Ивана IV в XV столетии. Королева Виктория не стремилась к установлению родственных связей с Романовыми, которых она считала неискренними и заносчивыми, да и вообще она предпочитала не смешивать родственные отношения с межгосударственными.

С российской стороны родители постоянно говорили о том, что они не настаивают на замужестве Марии, что она вольна делать так, как хочет. Однако принц Альфред настаивал на своем предложении, и Мария, а с нею и родители, в конце концов согласились. В июне 1873 г. состоялась помолвка в замке Югендгейм недалеко от Дармштадта, столицы герцогства Гессен (Альфред был наследным принцем герцогства).

Для русской стороны было обязательным сохранение православного исповедания и проведение обряда в Петербурге, и, таким образом, Альфред был единственным из детей Виктории, который женился не в Британии, а его свадьба была единственной, на которой королева не присутствовала.

---

⁴⁴ Queen Victoria in Her Letters and Journals. Lnd, 1984. P. 51.

Под Рождество, 23 декабря 1873 г., Альфред прибыл в Петербург, встречали его сам император, великие князья, дипломатический корпус и множество сановников. Церемонию назначили на 11 января, а до того гости знакомились в городом и окрестностями. Особенно поразил их праздник Богоявления на Неве, с выходом духовенства, с блистающими мундирам придворных, с тысячами народа, столпившегося на речных берегах. Отправляли невесту за море с богатым приданым: за три дня до свадьбы во дворце выставили приданое, в котором обращали на себя внимание четыре шубы, а в особенности одна – из черного, как смоль, соболя, а также семьдесят платьев, драгоценности и серебряный сервиз на сорок персон в русском стиле. Для того чтобы пресечь толки о каком-то огромном денежном приданом, в журнале «Гражданин» написали, что оно составляет только миллион рублей из казны и полагающуюся ей часть из доходов удельных имений (т. е. принадлежащих императорской семье) в 120 тысяч рублей.

Бракосочетание по православному обряду происходило в церкви Зимнего дворца, а по англиканскому, на котором настояла королева Виктория, в Александровской зале, где устроили алтарь.

Как записал в дневнике министр государственных имуществ П. А. Валуев, «я никогда еще не видел Зимнего дворца так полным и переполненным. Из известнейших лиц присутствовали, кроме Государя и Императрицы, Цесаревича и Цесаревны, десять Великих Князей, четыре Великих Княгини, кронпринцы прусский и датский, принц Валлийский, принцесса Валлийская, кронпринцесса прусская, принцесса М. М. Баденская, принцесса Ольденбургская, принц Артур Великобританский, герцог Кобургский, три принца Ольденбургских и принц Александр Гессенский. Иностранцев разных свит до 50. Многочисленность наших придворных чинов со дня на день становится неудобнее. От них нигде нет места. Я должен был выйти из церкви и потому не присутствовал при бракосочетании по нашему обряду, но хорошо видел и слышал английский обряд... Великая Княжна, несмотря на бремя бриллиантового венца, бархатной мантии и пр., выдержала оба обряда без изнеможения. В пять часов был обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случилось, чтобы обедавших за один раз бывало более 500. Во время обеда г-жа Патти превзошла самую себя и покрыла своим голосом не только оркестр, но и шум 600 тарелок с вилками и ножами и движение 400 официантов».

В этот же день в Лондоне все русское посольство во главе с графом Ф. И. Бруновым присутствовало на торжественном молебне в церкви на Уэлбек-стрит (Welbeck Street).

Альфред и Мария отбыли в Великобританию 16 (28 н. ст.) февраля 1874 г., там по прибытии их встречали весьма торжественно: общественные здания были иллюминированы, украшены флагами, во многих церквях раздавался колокольный звон, в Тауэре и Сент-Джемском дворце произвели салют 41 пушечным выстрелом, а при встрече в Виндзоре устроили фейерверк, на который пошло 30 пудов горючих материалов, и в заключение развели костер, который, как сообщали газеты, был высотой 50 футов и состоял из нескольких тысяч связок хвороста и множества бочек с парафином и смолой.

Как отметила тогда газета «Таймс», «мы все должны радоваться, если отныне Англия и Россия будут соединены союзом мира, но народное чувство преисполнено тою простою радостью, что сын королевы Виктории вступил в брак, согласно избранию своего сердца».

В Лондоне Альфред и Мария поселились во дворце Кларенс-хауз* (Clarence House), где для супруги построили православную церковь, куда назначили особого священника⁴⁵.

О любимой и единственной дочери (у него было шесть сыновей и одна дочь) Александр II очень скучал и в мае 1874 г. решил увидеть ее. Он прибыл в Дувр на яхте «Держава»

⁴⁵ См. главу «Русская церковь».

13 мая 1874 г. и был встречен там дочерью с мужем, вместе с «несметными толпами», и в сопровождении принца и принцессы Уэльских отправился в Виндзор.

Королева Виктория была поражена тем, как изменился Александр с тех пор как они последний раз встречались: вместо «очаровательного и милого юноши» она увидела его «ужасно изменившегося, такого худого, с таким постаревшим, таким печальным, таким обеспокоенным лицом».

После приема в Виндзоре Александр вернулся в Лондон. Он, конечно, присутствовал на службе в русской церкви, на концерте в Альберт-холле, на балу в Букингемском дворце, присутствовал на празднике, данном в его честь 17 мая в Хрустальном дворце, построенном к Всемирной выставке 1852 г. и перенесенном к тому времени из Гайд-парка в лондонский пригород Сиднэм*. Праздник оказался грандиозным, и газеты были полны описаний его. Вот один из таких отчетов: залы огромного дворца «...были изукрашены в этот вечер всевозможными флагами, среди коих естественно преобладали знамена и штандарты России, также целую пирамидою самых роскошных роз, часть коих расположена была шпалерами вокруг королевской ложи. Сия последняя, равно как и расположенные насупротив ее амфитеатром галереи для хора музыкантов и певцов, были украшены в главных пунктах российскими императорскими гербами и королевскими великобританскими. В галереях для музыкантов расположились хор певцов и певиц до 2.500 человек и несколько хоров музыкантов из Дрюриленского оперного ее величества театра и военных. Концерт начался за два почти часа до приезда Его Величества, и публика, которой, мимоходом будь сказано, набралось в этот вечер свыше ста тысяч человек, видимо, осталась довольна русскими народными мелодиями незабвенного Глинки... Наконец, по данному сигналу, в громадном здании воцарилась благоговейная тишина, оркестр соединенных музыкантов заиграл Преображенский марш, и чрез несколько мгновений во дворец вошел Государь Император, ведя под руку Принцессу Вельскую. Это был самый величественный момент всего праздника. Сотысячная публика устремила все свои взоры на шествие Августейшего Повелителя восьмидесятимиллионного народа, при звуках русского марша, и благосклонно отвечавшего на безмолвные изъявления почтения зрителей...

Вторая часть концерта продолжалась до семи часов вечера, и Государь, видимо, остался доволен грандиозным эффектом, производимым голосами хора из 2.500 артистов обоого пола. Концерт заключился английским королевским гимном... Государь Император изволил выйти на балкон переднего фасада здания, насупротив которого был зажжен великолепный фейерверк. Выход Государя был встречен еще более торжественными кликами «ура», в особенности, когда публика увидела горевшим разноцветными огнями главный щит, на котором красовалась следующая надпись на английском языке: "Александрю II, Освободителю Русских крестьян"⁴⁶.

В его честь 18 мая был дан завтрак в Гилдхолле, на котором присутствовали 3000 гостей, а в имени Чизуик* (Chiswick), там, где встречали его отца Николая I, состоялся ужин, данный принцем Уэльским. Везде в городе, где появлялся Александр II, народ приветствовал его криками «Царь-Освободитель!». Александр покинул Британию 21 мая 1874 г.

В откликах британской прессы подчеркивалось, что как бы не разрешились сомнения о будущей внешней политике России, невозможно не воздать хвалы русскому государю за его внутреннюю политику (имелись в виду освобождение крестьян от крепостной зависимости и реформы в России).

Однако тесные дружественные отношения между двумя странами установились много позже – в то время существовало много нерешенных проблем в Средней Азии, где активно осуществлялась русская экспансия.

⁴⁶ Московские ведомости, 1874, 19 мая.

Новая невестка казалась Виктории «непосредственной и воспитанной», но не более того, и никак, по ее мнению, не могла сравниться с Александрой, супругой наследника престола принца Уэльского Эдуарда, одной из самых красивых принцесс Европы. Отношения со свекровью были натянутые, обе они не ладили друг с другом; Марии совсем не нравился Лондон, в особенности его климат, да и английская пища.

Виктория была резко настроена против русской экспансии на Ближнем Востоке, выступала вдохновительницей антирусских выступлений во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Когда дело дошло до мобилизации английского средиземноморского флота, то она настояла на том, чтобы ее сын и зять русского императора принц Альфред был послан на театр возможных военных действий против России...

Альфред в 1893 г. стал владетельным герцогом Саксен-Кобург и покинул вместе с супругой и детьми Лондон. В возрасте 49 лет он унаследовал престол герцогства Саксен-Кобург-Гота, в связи с чем семья переехала в столицу его город Кобург. Альфред умер молодым – в 1900 г. ему было всего 56 лет.

У него и Марии Александровны был единственный сын, названный также Альфредом, который стрелялся 25 января 1899 г. из-за скандала с любовницей. Случилось это как раз во время празднования 25-летия совместной жизни родителей. Сын выжил и его отправили в больницу, но через две недели он скончался.

Кроме него у Альфреда и Марии было четыре дочери: Мария (1875–1938) вышла замуж за принца Фердинанда, вступившего на королевский престол Румынии в 1914 г. (их внук король Михай был последним румынским королем, которого Сталин наградил орденом Победы и свергнул с престола); вторая дочь Александра (1878–1942) была замужем за великим герцогом маленького германского государства Хессе; третья дочь, родившаяся на острове Мальта и названная Мелитой (Викторией-Мелитой) (1875–1938), вышла замуж за брата русской императрицы Александры Федоровны, но через семь лет развелась и вскоре стала супругой великого князя Кирилла Владимировича, племянника Николая II; четвертая дочь Беатриса (1884–1966) вышла замуж за дон Альфонсо, инфанта Испании.

О Марии Александровне оставил воспоминания князь С. М. Волконский, видевший ее в Ницце, где она часто жила после кончины мужа: «Марию Александровну всегда вспоминаю с удовольствием. Человек с ясным взглядом на вещи. Оставшись совершенно русской, она вместе с тем приобрела от долгой жизни в Англии и Германии, как бы сказать, более свободный угол зрения на наши русские условия и обстоятельства. Помню, был у нее в Ницце, в ее вилле Favron. Долго беседовали о том, что делалось в России, в частности о полосе официального ханжества, которое тогда выразилось в московском всенародном говении: "Всегда государи говели; никогда не считали нужным об этом кричать на перекрестках". И помню, как она тут же сокрушалась о том, до какой степени в России в этом отношении отуманены умы. С братом своим Сергеем она о некоторых вопросах уже не может говорить...»⁴⁷

Она, последний ребенок Александра II, скончалась в Цюрихе 22 октября 1920 г. на 68-м году жизни.

---

⁴⁷ Волконский С.М. Воспоминания. Т.2. М., 2004 С.160

Александр III

Император Александр III не часто выезжал на пределы России: он вообще проводил много времени, не появляясь на публике и живя затворником в Гатчинском дворце, спрятавшись там от террористов.

В Великобритании он побывал в 1873 г., будучи наследником престола. Тогда семья императора Александра II выехала за границу: специальный поезд, на котором следовали сам император, его сыновья – наследник Александр с женой Марией и Владимир – и сыновья наследника-цесаревича Георгий и Николай, сначала отправился из Петербурга в Вену, а потом все отбыли в Штутгарт, столицу Вюртемберга, и затем в Дармштадт, столицу великого герцогства Гессенского. Оттуда великий князь Александр с женой и детьми отправился далее: конечным пунктом их поездки была Великобритания, куда очень желала попасть его жена Мария Федоровна, или Минни, как ее звали в семье, – ведь она хотела встретиться с любимой сестрой Александрой, ставшей женой принца Уэльского, наследника престола. Он присутствовал на бракосочетании Александра и Марии в Петербурге, и они собирались отдать ему визит.

Императорская яхта «Штандарт» 4 июня 1873 г. пришвартовалась к пристани предместья Лондона Вулич*, где их встречали принц Уэльский Эдуард (или Берти, как его называли в семье) и принцесса Александра. Оттуда они в экипажах проследовали в Лондон под приветствия собравшихся лондонцев и остановились недалеко от Букингемского дворца в Марльборо-хауз*, резиденции принца Уэльского. Как и многие другие высокопоставленные посетители, Александр и Мария бывали в театре и клубах, на балах и обедах и, конечно, присутствовали на скачках. В то же время Лондон был занят экзотической фигурой персидского шаха, в честь которого давались разного рода празднества, и, как записал Александр в дневнике, «вообще нельзя сказать, что было сильно весело и приятно наше пребывание в Лондоне. Так мне надоели все эти празднества для Шаха. Несносно и даже нет времени спокойно провести время и посмотреть хорошенько Лондон».

Интересно отметить, что королева Виктория не сразу пригласила наследника русского престола – только 9 июня, на пятый день визита, он получил приглашение в Виндзорский замок на завтрак, после чего они прогулялись по замечательному парку: «Парк идеальный и что за аллеи – чудо!» – записал Александр⁴⁸.

Он наблюдал за маневрами британских судов на рейде порта Портсмут; чета много ездила по Великобритании – в городе Гулль (Hull) в присутствии Александра спустили на воду яхту «Цесаревна», строившуюся по его заказу.

Они провели в Великобритании два месяца, которые все-таки оставили о себе хорошую память. Александр и Мария Федоровна отбыли 1 августа 1873 г. с острова Уайт на яхте «Штандарт».

Александр и Мария знали друг друга давно и были соединены трагедией, случившейся в семье Александра II: дело в том, что Мария (ее полное имя Мария-София-Фредерика-Дагмара), дочь короля Дании, очень милая, живая девушка обратила на себя внимание старшего сына императора Александра II и наследника престола, великого князя Николая и стала его невестой, но он скончался от туберкулезного менингита и, как рассказывали, перед смертью взял с нее и со своего брата Александра слово сочетаться браком.

В июне 1866 г. Александр приехал в Копенгаген и сделал ей предложение, которое было принято. После перехода в православие Дагмара стала Марией Федоровной и впоследствии императрицей. Мария Федоровна блистала при российском дворе: в отличие от

⁴⁸ Цит. по кн.: *Боханов А. Н.* Судьба императрицы. М., 2004. С. 234.

супруга, она любила балы, приемы, маскарады, увеселения. По воспоминаниям, она «не сходила с паркета» по 4–5 часов подряд.

Брак был очень прочным: Александр был человеком религиозным, прекрасным семьянином, с развитым чувством ответственности; семья со временем разрослась: первенец родился в 1867 г., это был будущий император Николай II, потом первая дочь – Ксения, сын Михаил и самая младшая – дочь Ольга (один сын умер двух лет, а другой – заболел туберкулезом и скончался молодым).

Александр Александрович не готовился стать императором, его не готовили к этой ответственной роли и предназначали к военной карьере. Он не получил глубокого образования, да и не был способным учеником. К. П. Победоносцев, начиная преподавать ему законодательство, записал: «Сегодня, после первых занятий с цесаревичем Александром, я пробовал спрашивать великого князя о пройденном, чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего – и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей, удивительная». С. Ю. Витте, хорошо знавший императора, писал, что «Император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности – походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти – и тем не менее, он своею наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и, вместе с тем, твердость, – несомненно импонировал».

На престол он вступил после убийства своего отца и в манифесте, написанном К. П. Победоносцевым, который своей задачей ставил «подморозить» Россию, подчеркнул, что важнейшими задачами будут возвращение к неким «исконным русским началам». Он аннулировал многие реформы своего отца, ограничил доступ народа к образованию, ужесточил цензуру, ликвидировал автономию университетов, выбрал себе совершенно неспособных к плодотворной работе министров. Прав был поэт Блок: «В те годы дальние, глухие, В стране царили сон и мгла»...

Отношения с Великобританией развивались при нем довольно неравномерно.

Александр провозгласил обеспечение повсюду русских интересов, что, в частности, выразилось в экспансии на южных границах. Так, в продолжение его царствования владения России увеличились почти на полмиллиона кв. км, причем покорение новых стран в Средней Азии производилось, как отметил русский историк и философ Г. П. Федотов, с «чрезвычайной жестокостью»⁴⁹. Активное продвижение России на юг, по направлению к границам Индии, серьезно осложнило отношения с Великобританией, доведя их почти до открытого разрыва. Российская империя под руководством так называемого «царя-миротворца», как прозвали его придворные льстецы, тихо, но упорно завоевывала независимые государства Средней Азии, выдвигаясь к зоне влияния Великобритании и прямо угрожая ей. Русская экспансия вызывала не только настороженное внимание англичан, но прямое их противодействие.

Несмотря на, казалось бы, несокрушимое здоровье, Александр III скончался очень рано – не дожив до 50 лет – от болезни почек, и на престол вступил его старший сын Николай.

---

⁴⁹ Г. П. Федотов. Судьба империй // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

Николай II

Возможно, что из всех русских монархов наиболее тесно связан с Англией, ее языком и реалиями, был Николай II. Объясняется это прежде всего тем, что он женился на принцессе Алисе (ее полное имя Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса), которая воспитывалась в Англии. Ее родителями были дочь английской королевы Виктории Алиса и великий герцог Гессен-Дармштадский Людвиг IV. Мать скончалась, когда дочери было шесть лет, и бабушка, королева Виктория, очень любившая внучку, заменила ей мать.

Принцесса Алиса, хотя и носила титул принцессы Гессенской, по воспитанию и предпочтениям была ближе к Англии, чем к Германии (она знала английский лучше, чем немецкий, и была более англичанкой, а не немкой; обвинять ее в шпионаже в пользу кайзеровской Германии, как это делалось в России во время Первой мировой войны, было совершенно несправедливо). Французский посол в Петербурге Морис Палеолог писал, что «ее воспитание, ее обучение, ее умственное и моральное образование также были вполне английскими. И теперь еще она – англичанка по своей внешности, по своей осанке, по некоторой непреклонности и пуританизму, по непримиримой и воинствующей строгости ее совести, наконец, по многим своим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все, что проистекает из ее западного происхождения. Основа ее натуры стала вполне русской...»

Николай в первый раз побывал в Англии еще мальчиком, летом 1873 г., когда ему было пять лет. Тогда его родители, император Александр III и императрица Мария Федоровна, пробыли там два месяца с визитом (см. главу «Александр III»). Свои впечатления о Великобритании Николай записал уже взрослым, когда он в июне 1893 г. отправился в качестве шафера на свадьбу герцога Йоркского Георга, или, как его звали близкие, Джорджи, с 1910 г. короля Великобритании. Николай сообщил в письме в Россию о Лондоне и его достопримечательностях: «Я никогда не думал, что город так сильно мне понравится»⁵⁰.

Николая принимала королева Виктория, записавшая в дневнике: «Прибыл молодой Цесаревич, и я встретила его наверху лестницы. Все присутствующие были в военной форме, и все старались оказать ему любезность. Он милый и очень похожий на Джорджи (его кузена). Он говорит по-английски, и почти без ошибок... Он очень прост и скромен»⁵¹.

На свадьбу съехались представители многих европейских династий. Николай и Георг были очень похожи, одинаково причесывались и отпустили похожие бородки: тогда многие путались, поздравляя Николая со свадьбой, а жениха Георга, принимая за Николая, настоятельно просили подойти к началу свадебной церемонии.

Цесаревича поселили во дворце Марльборо*, и Эдуард, принц Уэльский, первый модник Европы, взял шефство над русским родственником: «Дядя Берти, конечно, прислал мне каких-то портного, сапожника и шляпника», – сообщил он матери⁵².

Николай и Георг еще мальчиками знали друг друга с того времени, когда Александр III и Мария Федоровна, родители Николая, посетили Великобританию летом 1873 г. Они были двоюродными братьями: их матери, датские принцессы Дагмара и Александра, приходились сестрами. Они часто виделись друг с другом, обмениваясь неизменно дружескими письмами.

Познакомились же Николай и его будущая жена Алиса (ее в Англии звали Аликс или Алики, Alicy) еще тогда, когда ей было 12 лет. Она приехала в Россию в 1884 г. на свадьбу старшей сестры Эллы (Елизаветы) с великим князем Сергеем, братом императора Алек-

⁵⁰ Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990. С. 30.

⁵¹ Queen Victoria in Her Letters and Journals. Lnd, 1984. P. 325.

⁵² Там же.

сандра III, а в следующий раз они встретились через пять лет, в 1889 г. Тогда они часто бывали друг с другом, и к этому времени можно отнести их взаимное чувство, но решительное же объяснение произошло в 1894 г., когда Николай сделал предложение Аликс. Королева Виктория была против этого брака. Она считала, что Алиску могла бы выйти замуж за ее внука принца Альберта, которого она очень любила. Когда Виктория узнала о том, что брак Алисы и Николая все-таки состоится, она писала: «Кровь застывает в жилах, когда я думаю о ней, такой молодой, очень возможно возведенной на этот ненадежный трон. Это такое беспокойство в мои года! О, как я бы желала не потерять мою любимую Alicky...»⁵³ (какая прозорливость! Двадцать один год спустя предвидение ее оправдалось самым страшным образом...)

Алиса, несмотря на сомнения и на то, что пришлось менять вероисповедание, согласилась быть его супругой. О помолвке было объявлено 6 апреля 1894 г. В июне 1894 г. Николай посетил Великобританию. С яхты «Полярная звезда» он вступил на английскую землю в Грейвсенде, а оттуда на поезде он прибыл на вокзал Ватерлоо в Лондоне и попал «в объятия своей нареченной, которая выглядела любящей и еще более красивой, чем всегда», – записал он в дневнике.

Он и Аликс провели три дня в городке Walton-on-Thames в коттедже старшей сестры Аликс Виктории Баттенбергской, а оттуда переехали в Виндзор к королеве Виктории и потом в другой королевский замок – в Осборн на острове Уайт.

Обряд бракосочетания состоялся 14 ноября этого же года (к тому времени прошло менее месяца с кончины Александра III, происшедшей 20 октября).

Узнав о помолвке Николая и Аликс, принц Георг писал Николаю 21 апреля 1894 г.: «Желаю тебе и дорогой Аликс всех радостей и счастья теперь и будущем. Мне в самом деле доставляет удовольствие думать, что все, наконец, устроилось и что великое желание твоего сердца сбылось: мне ведь известно, что уже несколько лет ты любишь Аликс и хочешь жениться на ней».

Именно в царствование Николая II отношения России и Великобритании коренным образом улучшились. На протяжении многих лет Великобритания оставалась твердым оплотом против агрессивных устремлений России – русско-турецкие войны 1828–1829 и 1877–1878 гг., Крымская война, афганский кризис 1885 г., русская авантюра 1905 г., направленная против Японии, самым отрицательным образом влияли на государственные отношения.

С проникновением России в Среднюю Азию, жестоким покорением независимых государств Великобритания опасалась растущей российской экспансии в сторону Афганистана и Индии. Царь Александр III, которому льстецы дали имя «Миротворец», направлял эту экспансию и шантажировал англичан явными приготовлениями к военным действиям. Только в 1907 г., движимые необходимостью соединения усилий для противостояния милитаризации и агрессивных устремлений Германии, обе державы пошли на урегулирование взаимных претензий: была подписана конвенция о разделении сфер влияния, начавшая собой поворот во взаимных отношениях, ознаменовавшаяся тесным союзом во время Первой мировой войны.

Встреча Николая и Эдуарда была логическим продолжением сближения двух государств после многих десятилетий взаимного недоверия. Продолжением и закреплением этого поворота был визит в Россию английского короля Эдуарда VII в 1908 г. – это было первое посещение России главой Великобритании. Правда, встреча была не на русской земле, но на ее территории – на борту императорской яхты, стоявшей на рейде Ревеля (следующее посещение главой государства произошло только в 1994 г., когда в Россию прибыла королева Елизавета II).

⁵³ Queen Victoria in Her Letters and Journals. Lnd, 1984. P. 329.

В конце мая 1908 г. на рейде города Ревеля появились несколько роскошных яхт – короля Эдуарда VII «Виктория и Альберт», императора Николая II «Штандарт» и императрицы Марии Федоровны «Полярная звезда».

Выбор такого способа проведения этой встречи был обусловлен боязнью террористических выступлений русских революционеров. Николай II мотивировал отказ провести встречу в Петербурге тем, что Эдуард «...привык у себя в Англии свободно повсюду ходить, а потому и у нас захочет вести себя так же. Я его знаю, он будет посещать театры и балет, гулять по улицам, наверно, захочет заглянуть и на заводы и на верфи. Ходить с ним вместе я не могу, а если он будет без меня – вы понимаете, какие это вызовет разговоры. Поэтому будет лучше, если он сюда [в Петербург] не приедет»⁵⁴.

Решили встречаться на рейде порта Ревель. Эдуарда VII сопровождала правительственная делегация в составе постоянного заместителя государственного секретаря по иностранным делам Ч. Гардинга (посла в Петербурге в 1904–1906 гг., потом вице-короля Индии в 1910–1916 гг.), первого морского лорда адмирала Д. Фишера и популярного генерала (позднее фельдмаршала) Д. Френча. С российской стороны вместе с Николаем II и его семьей прибыли П. А. Столыпин и министр иностранных дел А. П. Извольский. Переговоры происходили между ними, в то время как и Николай, и Эдуард занимались представительскими функциями (что и было весьма предусмотрительно, ибо Николай во время встречи с германским императором Вильгельмом в 1905 г. – так называемой Бьеркской – настолько напортил дело сближения с Великобританией, что пришлось отказываться от его договоренностей).

Чередой шли приемы и торжественные мероприятия – Николай принял звание адмирала британского флота, чем весьма гордился; ему английский король преподнес морскую саблю (сохранившуюся в собрании Царскосельского Екатерининского дворца-музея), на клинке которой красовалась надпись: «Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому Николаю II от любящего его дяди Эдуарда. Ревель 1908 г.» Значительно позднее, уже в конце царствования, ему вручили жезл фельдмаршала великобританской армии.

В ответ на визит Эдуарда VII в следующем году Великобританию посетил Николай II. Визит проходил с 2 по 7 августа 1909 г., когда он остановился на острове Уайт. Британская полиция рекомендовала Николаю не посещать Лондон из-за возможности покушения.

Более Николай не был в Великобритании, но, несмотря на занятость и Николая, и Георга, они обычно писали друг другу на Рождество, не уставая напоминать о хорошем отношении друг к другу: «Ты часто в моих мыслях, дорогой Ники, я уверен, ты знаешь: я никогда не меняюсь и всегда остаюсь прежним для моих старых друзей», – пишет Георг 28 декабря 1907 г.

В ответ на поздравление со вступлением на престол и соболезнование по поводу смерти короля Эдуарда Георг заканчивает письмо: «В мыслях я постоянно с тобой. Благослови тебя Бог, мой дорогой старина Ники, и помни, что ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего друга». Переписка участилась в дни войны – союзнические обязательства еще более укрепили родственные отношения между обеими монархиями.

Последним письмом Георга Николаю II, которое он прочел, было письмо от 17 января 1917 г., но уже через 44 дня Николай перестал быть и главнокомандующим русской армией, и русским императором.

После отречения Николая II от престола за себя и за царевича Алексея и передачи его брату Михаилу, который отказался от престола до решения Учредительного собрания, бывший император жил некоторое время в Царском Селе, в Александровском дворце под охраной, а по сути дела, под арестом.

⁵⁴ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 127.

Временное правительство сознавало, что с Романовыми надо было что-то делать, и те, кто был в его составе, отнюдь не желали кровавой развязки: «Бывший император и его семья не были больше политическими врагами, а скорее просто человеческими существами, нуждавшимися в нашей защите. Мы рассматривали любое проявление мстительности как недостойное свободной России», – вспоминал Керенский. Но отнюдь не Временное правительство решало этот вопрос. Те, кто заседал в Советах, были полны злобы и желали только убийства Романовых.

Уже 4 марта Керенскому сообщили, что Николай обратился к Временному правительству со следующими просьбами: разрешить ему проезд из Ставки в Царское Село для воссоединения с членами его семьи и гарантировать безопасность временного пребывания ему, его семье и свите вплоть до выздоровления детей (они тогда заболели корью), предоставить и гарантировать беспрепятственный переезд в Романов (Мурманск), что, естественно, предполагало отъезд в Англию (была еще одна просьба, которую посчитали крайне наивной: возвратиться после окончания войны в Россию для постоянного проживания в Ливадии).

И Николай, и его жена не понимали, насколько возбуждены были революционные толпы, и не сознавали, насколько они сами были далеки от понимания того, что делалось в России. Уже 7 марта 150 депутатов Петроградского совета заявили: «В широких массах рабочих и солдат, завоевавших для России свободу, существует крайнее возмущение и тревога вследствие того, что низложенный с престола Николай II Кровавый, уличенная (!) в измене России жена его, сын его Алексей, мать его Мария Федоровна, а также все прочие члены дома Романовых находятся до сих пор на полной свободе и разъезжают по России и даже на театре военных действий, что является совершенно недопустимым и крайне опасным для восстановления нормального порядка и спокойствия в стране и в армии»⁵⁵. Они потребовали немедленного ареста Романовых.

На неистовые требования казни царя и царицы: «Смерть царю, казните царя», Керенский на заседании Московского совета 7 (20) марта 1917 г. имел мужество бросить в лицо разъяренной толпе, что «этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска»⁵⁶.

Оттуда с легкостью возможно было бы переправить беглецов за границу, но еще надо было добраться до порта Романов... Существовала также возможность попасть в Финляндию – совсем рядом, переправившись туда, можно было уже не бояться за судьбу семьи бывшего императора, однако на пути стоял Петроград, полный солдат и матросов, тот Петроград, в котором правил Совет рабочих и солдатских депутатов, ни в коем случае не пропустивший бы Романовых. Это было исключено. Как записал в дневнике французский посол Морис Палеолог, «...со дня на день, я сказал бы, почти с часу на час, я вижу, как утверждается тирания Совета, деспотизм крайних партий, засилье утопистов и анархистов»⁵⁷.

В истории неудавшейся отправки императора и его семьи в Великобританию немало неясного: те, кто принимал участие в событиях тех дней, пытаются переложить ответственность за неудачу на других, снять ее с себя и отмежеваться от причастности к трагическому финалу этой истории. Было опубликовано немало мемуарных свидетельств и исследований на эту тему. После отречения от престола и взятия власти Временным правительством Великобритания признала совершившиеся изменения в управлении Россией, но, несмотря на это, король Георг послал телеграмму Николаю, в которой он выражал сочувствие ему и уверял

---

⁵⁵ Красный архив. 1937. № 2. С. 122–123.

⁵⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 336–337 (Приложение)

⁵⁷ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1990. С. 273.

в дружеских чувствах⁵⁸. Эту телеграмму английский посол Бьюкенен не имел возможности вручить Николаю, бывшему под арестом в Царском Селе, и передал ее Милюкову, министру иностранных дел, а он решил, что так как она адресована царю, который уже не царь, так как он отрекся, то и передавать не нужно. Николай так и не узнал о последнем письме двоюродного брата.

В первые же дни после отречения военный кабинет Великобритании обсуждал планы по спасению Николая – 19 марта была отправлена телеграмма английскому послу, с предложением ему заявить, что любое насилие над императором или членами его семьи «будет иметь самые прискорбные последствия и глубоко шокирует общественное мнение Великобритании».

Бьюкенен 21 марта 1917 г. встретился с Милюковым: «Когда его величество был еще в ставке, я спросил Милюкова, правда ли, как это утверждают в прессе, что император был арестован. Он ответил, что это не вполне правильно. Его величество лишен свободы, – превосходный эвфемизм, – и будет доставлен в Царское под эскортом, назначенным генералом Алексеевым. Поэтому я напомнил ему, что император является близким родственником и интимным другом короля, прибавив, что я буду рад получить уверенность в том, что будут приняты всяческие меры для его безопасности. Милюков заверил меня в этом. Он не сочувствует тому, сказал он, чтобы император проследовал в Крым, как первоначально предполагал его величество, и предпочитал бы, чтобы он остался в Царском, пока его дети не оправятся в достаточной степени от кори, для того чтобы императорская семья могла выехать в Англию. Затем он спросил, делаем ли мы какие-нибудь приготовления к их приему. Когда я дал отрицательный ответ, то он сказал, что для него было бы крайне желательно, чтобы император выехал из России немедленно. Поэтому он был бы благодарен, если бы правительство его величества предложило ему убежище в Англии, и если бы оно, кроме того, заверило, что императору не будет дозволено выехать из Англии в течение войны. Я немедленно телеграфировал в министерство иностранных дел, испрашивая необходимых полномочий»⁵⁹.

Британский военный кабинет собрался в тот же день, 21 марта, и заявил, что пока не сделано еще никакого приглашения, но предложил, что царь может искать убежища либо в Дании, либо в Швейцарии, а не в Великобритании. Получив это известие, Милюков официально попросил предоставить убежище в Великобритании, на что британское правительство, не мешкая, недвусмысленно заявило: «Выполняя просьбу русского правительства, король и правительство его величества с готовностью предоставляет убежище императору и императрице в Англии, с условием, что они будут пользоваться им в течение войны»⁶⁰ – и добавило, что это сделано именно и только по просьбе России. Это добавление говорит о том, что уже тогда англичане беспокоились об эффекте, который может оказать приглашение бывшего самодержца на общественное мнение Великобритании.

Бьюкенен продолжает в мемуарах: «23 марта я уведомил Милюкова, что король и правительство его величества будут счастливы исполнить просьбу Временного правительства и предложить императору и его семье убежище в Англии, которым, как они надеются, их величества воспользуются на время продолжения войны. В случае если это предложение будет принято, то русское правительство, прибавил я, конечно, благоволит ассигновать необходимые средства для их содержания. Заверяя меня в том, что императорской семье будет упла-

⁵⁸ *Nicolson H.* King George the Fifth. Lnd 1953. P. 299. (Письмо от 19 марта 1917 г.: «Events of last week have deeply distressed me. My thoughts are constantly with you, and I shall always remain your true and devoted friend as you know I have been in the past» («События прошлой недели глубоко расстроили меня. Мои мысли постоянно с тобой, и я всегда буду твоим настоящим и преданным другом, каким я был, как ты знаешь, все эти годы»).

⁵⁹ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 233.

⁶⁰ *Summers A., Mangold T.* The File on the Tsar. Lnd., 1979. P. 247 (далее Summers).

чиваться щедрое содержание, Милюков просил не разглашать о том, что Временное правительство проявило инициативу в этом деле»⁶¹. Милюков в своих мемуарах подтверждал, что «Бьюкенен ответил на мою просьбу о содействии этому отъезду, что король Георг с согласия министров предлагает царю и царице гостеприимство на британской территории, ограничиваясь лишь уверенностью, что Николай II останется в Англии до конца войны».

Форин офис подтвердил приглашение еще и директивой своему послу, где говорилось в весьма решительных выражениях: «Вам следует немедленно и весьма срочно убедить русское правительство абсолютно безопасно препроводить все императорское семейство в порт Романов так скоро, как будет возможно... Мы полагаемся на русское правительство в деле обеспечения личной безопасности Его Величества и его семьи»⁶².

Временное правительство колебалось: оно не хотело обвинений в «предательстве революции» и в потворстве возможной реставрации монархии, да еще и было необходимо способствовать работе только что созданной Чрезвычайной комиссии для расследования деятельности старого режима, следовательно, Временное правительство само не настаивало самым решительным образом на отъезде царя, не желая подвергнуться ожесточенной критике. Бьюкенен вполне справедливо замечает, что «...так как противодействие Совета, которое оно [Временное правительство] напрасно надеялось преодолеть, становилось все сильнее, то оно не отважилось принять на себя ответственность за отъезд императора и отступило от своей первоначальной позиции... и так как оно не было хозяином в собственном доме, то весь проект в конце концов отпал».

Однако есть документы, прямо говорящие о том, что после всех уверений короля Георга и кабинета министров в возможности приема Николая и семьи в Великобритании король начал решительно настаивать на невозможности приезда императора. В письме секретаря короля от 30 марта 1917 г. министру иностранных дел говорится, что «король серьезно обдумывал предложение правительства императору Николаю и его семье прибыть в Англию. Как вам, без сомнения, известно, король является близким личным другом императора и, следовательно, будет рад сделать все для помощи ему в этом кризисном положении. Но Его Величество, исходя не только из опасностей путешествия, но из общих соображений целесообразности, не может не сомневаться в том, необходимо ли советовать предоставить им право проживания в этой стране. Король был бы рад, если вы проконсультируетесь с премьер-министром, так как Его Величество знает, что никакого определенного решения по этому вопросу русским правительством еще не принято»⁶³. Такое совершенно неожиданное предложение повергло министра иностранных дел Великобритании в шок и заставило его напомнить королю о неприличии этого неожиданного отказа, но король продолжал настаивать на нем. Он настойчиво напоминал о том, что он получает много писем о нежелательности приезда в Великобританию русского императора и о том, что было неправильно связывать британскую монархию с этим приглашением. Так, в один день 24 марта Георг направил два письма министру иностранных дел, утверждая, что высказываются отрицательные мнения о приглашении русских императора и императрицы: «...по всему, что он слышит и читает в печати, пребывание в нашей стране экс-императора и императрицы было бы сурово осуждено обществом и несомненно скомпрометировало бы положение короля и королевы, от которых, как уже везде полагают, будто бы исходила инициатива»⁶⁴.

---

⁶¹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 233.

⁶² Summers. P. 247–248.

⁶³ Nickolson H. King George the Fifth. Lnd., 1953. P. 301.

⁶⁴ Kenneth R. King George V. N.Y., 1984. P. 212; Мейлунас А., Мироненко С. В. Николай и Александра. М., 1998. С. 558.

В конце концов кабинет министров отступил, и к 13 апреля о приглашении уже не заговаривали и посол Бьюкенен заявил о том, что «мы будем должны, по всему вероятно, отказаться от приглашения»⁶⁵.

По воспоминаниям Керенского, Временное правительство даже летом 1917 г. еще не отказывалось от возможности отправки Романовых в Великобританию и запросило, когда британский крейсер может быть послан за ними: «Я не помню точно, когда это было, в конце июня или в начале июля, когда британский посол пришел очень расстроенный... Со слезами на глазах, не в силах сдерживать свои чувства, сэр Джордж информировал нас об окончательном отказе британского правительства предоставить убежище бывшему императору России. Я не могу процитировать точный текст письма, но могу сказать определенно, что этот отказ был сделан исключительно из соображений внутренней британской политики». И Керенский продолжает: «...уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, Временное правительство, получили категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны въезд бывш. монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен. Утверждаю, что если бы не было этого отказа, то Вр. правительство не только посмело, но и вывезло бы благополучно Николая II и его семью за пределы России, так же, как мы вывезли его в самое тогда в России безопасное место – в Тобольск. Несомненно, что если бы корниловский мятеж или октябрьский переворот застали царя в Царском, то он бы погиб, не менее ужасно, но почти на год раньше».

Как сэр Джордж Бьюкенен, так и премьер-министр Ллойд-Джордж решительно возражали Керенскому, настаивая на том, что британское предложение убежища никогда не было аннулировано и что провал всего плана произошел исключительно из-за того, что Временное правительство, по словам Бьюкенена, «не было хозяином в своем доме». Того же мнения придерживался и бывший премьер-министр России В. Н. Коковцов.

Конечно, Ллойд-Джордж совсем не приветствовал прибытие царской семьи в Великобританию. Он писал в «Военных мемуарах» о России: «Русский ковчег не годился для плаванья. Этот ковчег был построен из гнилого дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана избрала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке. Руль захватила беспорядочная толпа советников».

Можно высказать такое предположение о причине отказа Георга V принять русского самодержца в апреле 1917 г.: Россия только что вступила на путь демократического развития, продолжая сохранять союзнические обязательства, бывший монарх не пользовался никаким авторитетом ни в России, ни в Великобритании, где его и императрицу считали ответственными за неудачи на фронтах, и приглашение Николая и семьи в таких условиях было весьма нежелательно, тем более что бывшему императору ничего пока непосредственно не грозило.

Другое дело было после захвата власти самыми радикальными и непредсказуемыми политическими кругами в России – большевиками. Царь тогда находился не в Петербурге, а далеко от центра всех событий, в тихом Тобольске. Вот оттуда его можно было бы попытаться переправить в Великобританию.

В марте 1918 г. в Лондон приглашают норвежского подданного Иоанаса Лида (Jonas Lied), который занимался предпринимательской деятельностью в Сибири, имел флотилию судов, склады и конторы и прекрасно знал положение дел там. В Лондоне его принимают высшие члены правительства, к приглашению имеет непосредственное отношение сам король, с Иоанасом встречаются принц Уэльский, великий князь Михаил Михайлович и, главное, ведут переговоры руководители британской разведки. Речь идет о спасательной экспедиции – Лид должен был организовать посадку Романовых на борт одного из своих

---

⁶⁵ Summers. P. 251.

кораблей, который направился бы к устью Оби, где его ожидали британские военно-морские корабли. Но премьер-министр Ллойд-Джордж был активно против и, как вспоминал друг Лида, «он буквально убил царя», а через три недели большевики перевезли царя в Екатеринбург⁶⁶...

В мае 1918 г. британская разведка планировала освобождение Николая, совершив налет на дом Ипатьева в Екатеринбурге, где содержался он с семьей. Группа из шести офицеров должна была переправить его на британский крейсер. Руководитель операции отправил телеграмму в Лондон с просьбой выделить ему значительную сумму денег на операцию. Предположительно, большевики перехватили телеграмму и англичане предпочли не рисковать.

Но надо отметить, что хотя нерешительность и неспособность Временного правительства обеспечить безопасность семьи Николая, общая неразбериха в России и неожиданные решения и метания англичан привели к трагическому исходу, тем не менее многим членам семьи Романовых удалось покинуть Россию и уехать именно в Великобританию.

---

⁶⁶ *Summers*. P. 252–260.

Императрица Мария Федоровна, великие князья и княгини

После неожиданной ранней кончины Александра III Мария Федоровна с ее властным характером пользовалась уважением при дворе, но не смогла противостоять влиянию Александры Федоровны и Распутина. Она открыто не вмешивалась в политику, но пыталась высказать свое мнение, если считала, что необходимо остановить губительное развитие событий. О ее позиции можно судить по письмам любимой сестре, ее испытанному другу королеве Англии Александре, и можно только удивляться ее прозорливости.

Она писала об Октябрьском манифесте 1905 г. с обещанием гражданских прав и свобод, конституции и созыва Государственной думы, против которого выступали так много монархистов: «У Ники не было иного выхода, кроме как сделать этот большой шаг – последний шанс для спасения. Было бы лучше, если бы он сделал это раньше и по доброй воле...»; а вот что она писала своей сестре, английской королеве, о Распутине: «Ты, наверное, помнишь, что несколько лет назад у Алики появилась привычка тайком встречаться с простым крестьянином, который молится с ней и является ее духовником и утешителем... С весны начали даже писать в газетах, правда, не называя ее имени, но заявляя, будто он принадлежит к аморальной секте, что это страшный человек и т. п. Тут же эти газеты оштрафовали и запретили, что было величайшей глупостью. Потом и в Думе задали бестактный вопрос министру, потребовав объяснений. Ко мне приходили многие люди и умоляли переговорить с императорской семьей, чтобы спасти династию. Утверждают, что ситуация еще хуже, чем перед революцией. И вот я наконец решилась и предупредила, что буду в Царском к чаю... Умы столь возбуждены, и единственное, что может их успокоить, это высылка этого человека, тогда, возможно, удастся избежать необходимости давать в Думе объяснения в связи с запросом, что вылилось бы в настоящий скандал. Тут Алики вскочила с дивана и заявила, что такого уникального человека нельзя отдалять от себя... Она погрязла в этих странных и экзальтированных вещах... Ей следовало бы не забывать о своих обязанностях в этом мире, но она живет только для себя... Глупа и пуста. Ах, если бы Ники с самого начала проявлял побольше воли!»

Мария Федоровна прекрасно понимала, кем иницируются постоянные перемещения в правительстве: «Алики вмешивается во все дела еще больше (министр иностранных дел Сазонов был смещен по ее настоянию)... Остается лишь со страхом и ужасом ждать жутких последствий. Силы характера ему [Николаю II] недостает, а он сам этого не чувствует».

Отречение Николая она восприняла крайне болезненно, ее дочь говорила, что она «никогда не видела мать в таком состоянии. Сначала она молча сидела, затем начинала ходить туда-сюда, и я видела, что она больше выведена из себя, нежели несчастна. Казалось, она не понимала, что случилось, но винила Алих [Александру Федоровну]»⁶⁷.

Уже потом, после отречения Николая, она писала брату в Данию: «Можно было, конечно, это предчувствовать, но именно такую ужасную катастрофу предвидеть было нельзя! Как, оказывается, сильно были возбуждены умы! Как долго играли с огнем! ~~~ Одна ошибка следовала за другой, почти каждую неделю смена министерства...»⁶⁸

В 1915 г. Мария Федоровна переехала в Киев, поближе к линии военных действий, где вместе с дочерью Ольгой вплотную занималась деятельностью общества Красного Креста, главой которого она была с 1880 г. Она постоянно посещала госпитали, организовывала

⁶⁷ Кудрина Ю. В. Мария Федоровна Романова: последние годы // Отечественная история, 1997, № 6.

⁶⁸ Кудрина Ю. Крымский полон вдовствующей императрицы // Московский журнал. 2000, № 6.

курсы и школы для выздоравливающих, поддерживала работу датского Красного Креста в России. После отречения Николая она побывала у него в Ставке – это было последнее свидание матери и сына, больше они не увидели друг друга. Она записала тогда: «...один из самых горестных дней моей жизни, когда я рассталась с моим любимым Ники!.. Ужасное прощанье! Да поможет ему Бог!» Мария Федоровна вернулась в Киев, где ее застала революция. Вот запись из ее записной книжки: «10/23 марта. «Прибыли в Киев в 1 час дня. Все изменилось – на станции никого, только на перроне люди в гражданском. Ни одного флага над дворцом... Наконец получила телеграмму от моего Ники. Он прибыл в Царское Село. Говорят, что он не получил разрешения видеть свою собственную семью... Ужасные негодяи!..»⁶⁹

Ее вынудили оставить город, и она вместе с семьями дочерей Ольги и Ксении переехала в Крым. В имении Ай-Тодор поселились Ксения и ее муж великий князь Александр Михайлович с детьми Андреем, Федором, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием; рядом в имении Кореиз жила другая дочь Ирина со своим мужем князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым и с их маленькой дочерью Ириной; в имении Дюльбер – великие князья Петр Николаевич с женой Милицей Николаевной и детьми Марией, Романом и Надеждой и Николай Николаевич с супругой Анастасией Николаевной и ее сыном князем Сергеем Георгиевичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским. Они находились под домашним арестом, ожидая каждый день настоящего. Их сторожили солдаты из Ялты и моряки Черноморского флота.

Крым при большевиках пережил настоящий погром. Его называли «всероссийским кладбищем» – десятки тысяч (говорили о 150 тысячах) офицеров и гражданских лиц были подвергнуты жестоким пыткам, повешены, зарублены, утоплены в море, расстреляны. И все это делалось после широкообещательных обещаний большевиков: в письме за подписью председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета М. И. Калинина и председателя Совета народных комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) обещалось, что «...честно и добросовестно перешедшие на сторону Советской власти не понесут кару. Полную амнистию гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения».

Масштабы репрессий достигли такого уровня, что даже центральные власти забеспокоились вакханалией убийств, но на местах предьявляли прямые приказы председателя Крымского ревкома Бела Куна и секретаря Крымского обкома большевиков Розалии Залкинд («Землячки»).

Большевистский Ялтинский совет требовал казни Романовых, но вышестоящий Симферопольский ждал указаний из Москвы, а тем временем Марию Федоровну и других перевели в Дюльбер, где им пришлось пережить немало опасностей. Их изолировали от внешнего мира: Ф. Ф. Юсупов вспоминал, что «в Дюльбере к пленникам никого не впускали. Навещать их позволили только двухлетней дочери нашей. Дочка стала нашим почтальоном. Няня подводила ее к воротам именья. Малышка входила, пронося с собой письма, подколотые булавкой к ее пальтецу. Тем же путем посылался ответ. Даром что мала, письмоноша наша ни разу не сдрейфила. Таким образом знали мы, как живут пленники...»

Они спаслись лишь благодаря моряку Задорожному, прикинувшемуся большевиком: «Однажды я встретил Задорожного. Мы немного прошли вместе. Поспрошав о пленниках, я сказал, что хочу поговорить с ним. Он удивился и смутился. По всему, боялся, что его увидят вместе со мной. Я предложил ему прийти ко мне поздно вечером, в темноте. Войти незаметно можно через балкон моей комнаты на первом этаже. Он пришел в тот же вечер и

⁶⁹ Кудрина Ю. В. Мария Федоровна Романова: последние годы // Отечественная история, 1997, № 6. С. 144.

приходил еще после. Жена часто сидела с нами. Часами мы придумывали, как спасти императрицу Марию Федоровну и близких ее.

Становилось все очевидней: цербер наш Задорожный предан нам душой и телом. Объяснил он, что хочет выиграть время, пока препираются о судьбе пленников кровожадные ялтинцы с умеренными севастопольцами, желавшими, в согласии с Москвой, суда. Я посоветовал ему сказать в Ялте, что Романовых надо везти на суд в Москву, а убить их – они и унесут все государственные тайны с собой в могилу. Задорожный так и сделал. Однако все трудней становилось ему оберегать пленников. Ялтинцы заподозрили неладное, уж и его самого положение висело на волоске».

После занятия Крыма немцы предложили свою помощь императрице, которая отвергла ее – она считала невозможным, чтобы Романовы получали помощь от врагов.

Попытки спасения Марии Федоровны и других Романовых предпринимались и со стороны датского и испанского королевских домов. Весной 1919 г., когда большевики подходили к Крыму, по приказанию английского короля линкор «Марльборо», находившийся на дежурстве в Черном море, был послан в Крым для спасения императрицы Марии Федоровны. Но императрица согласилась на это лишь с условием, чтобы и все, кому угрожала в окрестностях Ялты опасность, тоже были эвакуированы.

В холодное и туманное утро линкор подошел к крымским берегам, 7 апреля он был в порту Ялты, откуда он проследовал в небольшую бухту рядом с Кореизом, где на борт корабля поднялись императрица и ее родственники – всего 50 человек, из которых 38 женщин. В числе их были императрица Мария Федоровна, великие княгини Ксения Александровна с детьми Федором, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием, великие князья Николай Николаевич младший и Петр с их супругами Анастасией и Милицей, а также князь Феликс Юсупов-старший с женой Зинаидой и Феликс-младший с супругой Ириной и маленькой дочерью. Из Кореиза корабль вернулся в Ялту, где были приняты на борт еще некоторые пассажиры и несколько тонн багажа. Из Ялты отходил также и британский сторожевой корабль, на котором находились несколько сотен офицеров, отбывавших в Севастополь. Когда он медленно проходил мимо «Марльборо», на борту которого стояла императрица, офицеры, построившись на борту, запели русский гимн «Боже, царя храни». Как пишет очевидец – британский моряк, лейтенант линкора, это было торжественное, незабываемое и трогательное зрелище⁷⁰.

Он продолжает: «Днем 11 апреля 1919 г. «Марльборо» тихо, без эскорта, вышел из ялтинского порта и направился в море. Наши пассажиры долго стояли на корме, смотря на великолепную панораму крымских берегов, постепенно уходящую из виду. В то время мы еще не знали, что с отходом нашего корабля все оставшиеся в живых члены династии Романовых покидают Россию навсегда, и эта династия, правившая с 1613 г., окончилась». Как вполне справедливо говорила дочь Александра III великая княгиня Ольга Александровна, «... трагедия состояла в том, что несмотря на ужасы, свидетелями которых мы были в 1917 г., никто из нас не мог предвидеть террора 1918 г. Я полагаю, именно это и явилось причиной крушения Дома Романовых: все мы еще воображали, будто армия и крестьянство придут нам на помощь. Это было слепотой и даже кое-чем похуже».

В этот день вдовствующая императрица Мария Федоровна записала в дневнике: «11 апреля. Пятница. Встала рано, еще до того, как в 9 часов мы снялись с якоря. Я поднялась на палубу как раз в тот момент, когда мы проходили мимо корабля адмирала, на котором играла музыка. У меня сердце разрывалось при виде того, что этот прекрасный берег мало-помалу скрывался за плотной пеленой тумана и наконец исчез за нею с наших глаз навсегда. Позднее установилась замечательная, ясная и тихая погода. Забыла вчера написать, что благодаря

---

⁷⁰ Pridham F. Close of a Dynasty. London, 1956.

моим мольбам всех наших несчастных офицеров охраны взяли на борт английского корабля. Он прошел в непосредственной близости от нас в полнейшей тишине, которую внезапно нарушили громкие крики «ура!», не смолкавшие до тех пор, пока мы могли слышать их. Этот эпизод, в равной мере красивый и печальный, тронул меня до глубины души»⁷¹.

Мария Федоровна прибыла в Великобританию 9 мая 1919 г. В Портсмуте, куда вошел военный корабль, ее встречала сестра Александра (Аликс), а потом они «...в 6 1/2 часа вечера прибыли в Лондон, где нас встретили дорогой Джорджи [король Георг V], Мэй [королева], маленькая Минни [дочь греческого короля Георга I и великой княгини Ольги Константиновны] со своими двумя старшими девочками, младшая Мария Пав[ловна] [дочь великого князя Павла Александровича], Дмитрий [сын великого князя Павла Александровича], одетый в английскую военную форму... Мишель Михайлович [великий князь] тоже был среди встречающих, он сильно постарел. Затем мы с Аликс и Торией [Виктория, дочь короля Георга VI] отправились в Марльборо-Хаус... Я здесь, и это для меня словно сон. Как я рада, что, пережив все эти жуткие времена, мы наконец-то снова собрались все вместе. Обедала я наедине с Аликс»⁷².

Итак, встречал Марию Федоровну сам король, что было весьма необычно: так встречали только глав государств; но отношения с ее родственниками не ладилась, и через несколько месяцев она переехала на родину в Копенгаген; но и там она зависела от датского короля, который недолюбливал ее, проверял счета за электричество, ограничивал расходы, которые она отнюдь не желала сокращать. Ей помогал английский король Георг V, выделивший ежегодную пенсию в размере 10 тыс. фунтов стерлингов. С Марией Федоровной была дочь Ольга и ее семья – муж, полковник Н. А. Куликовский, и внуки Тихон и Гурий. Часто приезжала и старшая дочь Ксения. До конца жизни Мария Федоровна отказывалась верить в смерть ее любимого Ники...

Она скончалась в 1928 г. в возрасте 81 года и была похоронена в соборе, где находились могилы (в родовой усыпальнице) датских королев, но 26 сентября 2006 г. ее прах с почестями перезахоронили в Петербурге в Петропавловском соборе, рядом с могилой ее любимого Александра.

Вместе с матерью из Крыма уехала и старшая дочь ее Ксения Александровна вместе с детьми. Ее муж великий князь Александр Михайлович уехал за границу раньше – он решил отправиться во Францию на Версальскую конференцию, где хотел убедить руководителей союзных держав в необходимости борьбы против узурпаторов законной власти – большевиков.

---

⁷¹ Мария Федоровна. Дневники. М., 2005. С. 324.

⁷² Там же. С. 337.

Александр Михайлович и Ксения Александровна

Старшая дочь императора Александра III родилась в 1875 г. и девятнадцати лет вышла замуж по любви за красавца и умницу великого князя Александра Михайловича.

Они были родственниками, правда, не близкими: ее избранник был двоюродным братом ее отца-императора, который не был в особом восторге от этого выбора, но дал в конце концов свое согласие на брак. Как вспоминал С. Ю. Витте, «но вел. кн. Ксения Александровна была страшно влюблена в великого князя Александра Михайловича, и в конце концов император Александр III выдал ее замуж за Александра Михайловича, хотя он очень не любил этого великого князя... ко всему, что касалось великого князя, Александр III всегда относился критически, всегда все ему не нравилось».

Витте оставил и такие слова о самой Ксении: «Про эту великую княжну, нынешнюю великую княгиню, ничего, кроме самого хорошего, сказать нельзя. Она женщина безусловно образцовая во всех отношениях».

Великий князь Александр родился в 1866 г. в семье наместника Кавказа Михаила Николаевича и с детства дружил с Николаем, будущим императором: Ники и Сандро, как его называли в семье, были закадычными друзьями.

Сандро в юности увлекся морем и сделал флотскую карьеру, в двадцать лет начинал мичманом в гвардейском морском экипаже, участвовал в ряде плаваний, командовал броненосцем «Ретвизан», был начальником отряда минных крейсеров на Балтийском море, младшим флагманом Балтийского флота, в 1902–1905 гг. возглавлял созданное по его инициативе Главное управление торгового мореплавания и портов. Он выступал против русской авантюры на Дальнем Востоке, окончившейся гибелью флота и постыдным поражением в войне против Японии.

С его именем связано создание русской военной авиации, он основал авиационную школу под Севастополем, и в Первую мировую войну был генерал-инспектором военно-воздушного флота.

В 1918 г. он с семьей жил в своем имении Ай-Тодор в Крыму; большевики его арестовали, угрожали расправиться с ним и со всеми Романовыми (см. главу «Императрица Мария Федоровна, великие князья и княгини»). После заключения перемирия с Германией в Севастополь вошел британский флот и, как рассказывает Александр Михайлович, «его командующий адмирал Кэльторп сообщил нам о предложении Короля Английского дать в наше распоряжение пароход для отъезда в Англию. Вдовствующая Императрица поблагодарила своего царственного племянника за его внимание, но отказалась покинуть Крым, если ей не разрешат взять с собою всех ее друзей, которым угрожала месть большевиков. Король Георг изъявил и на это свое согласие, и мы все стали готовиться к путешествию. Желая увидеть главы союзных правительств, собравшиеся тогда в Париже, чтобы представить им доклад о положении в России, я обратился к адмиралу Кэльторпу с письмом, в котором просил его оказать содействие к моему отъезду из Крыма до отъезда нашей семьи, которая должна была тронуться в путь в марте 1918 г. Адмирал послал за мною крейсер, чтобы доставить меня из Ялты в Севастополь, и мы условились с ним, что я покину Россию той же ночью на Корабле Его Величества "Форсайт"».

Итак, Александр Михайлович с сыном Андреем уехал в Париж, где тогда проходила мирная конференция, во время которой он предполагал встретиться с руководителями держав-победительниц с расчетом убедить их в необходимости поддержать здоровые силы сопротивления бандитам, захватившим власть в России, однако его никто не хотел слушать – державы-победительницы не желали вмешиваться в русские дела, не было ни сил, ни политического желания, ведь существовала и опасность внутренних беспорядков. Как писал

великий князь, только Уинстон Черчилль произнес «горячую речь в пользу немедленного вмешательства в русские дела и борьбы с большевизмом». Черчилль понимал, к каким разрушительным последствиям приведет политика невмешательства в русские дела⁷³.

Великий князь остался, как он писал в мемуарах, в Париже до конца жизни. Он не воссоединился с женой Ксенией Александровной, которая поселилась в Великобритании, следуя приглашению английского короля Георга V эвакуироваться из Крыма вместе с матерью и остальными (кроме Андрея) сыновьями на корабле «Марльборо».

Ксения Александровна активно участвовала в жизни небольшой русской колонии, помогала беженцам, продавая акварели своей работы, патронировала русский Красный Крест, который приобрел четыре здания, открыв в них «Русские дома», приюты для пожилых русских эмигрантов.

Георг V предоставил ей Фрогмор-коттедж в парке королевской резиденции Виндзор. Ее зять Феликс Юсупов и дочь Ирина приехали к ней летом 1935 г.: «Теща собирала в этот год всех своих детей – случай редкий, особенно для Ростислава и Василия, давно живших в Америке и женившихся там же. Оба женились на княжнах Голицыных. Жен их я почти не знал. Впрочем, видел, что они совершенно разные, но равно обворожительны и милы.

Семейный сбор этот был на радость и теще, и всем нам, но оказался последним в Виндзоре. В ту зиму умер король Георг V, и великую княгиню уведомили, что надлежит ей переехать из Фрогмора в Хэмптон-Корт». Там новый король Эдуард VIII предоставил ей Wilderness House, который перед этим был существенно перестроен.

Как мне сообщил сотрудник дворца-музея Хэмптон-корт Алисон Хилд, она жила здесь с сыном Андреем (1894–1981) и с невесткой Елизаветой, урожденной герцогиней ди Сассо-Руффо. Свадьба их состоялась в Крыму 12 июня 1918 г., в самое сложное тогда время, перед тем как они, вместе с императрицей Марией Федоровной, были вынуждены покинуть Россию.

Во время бомбардировки Англии немецкими самолетами 20 октября 1940 г. бомба разорвалась совсем близко от дома, и тогда была убита Елизавета, жена князя Андрея. Она была неизлечимо больна раком, и семья считала, что Елизавета спаслась от невыносимых страданий.

В этом же доме в Хэмптон-парке жили и дети князя Андрея. Один из них, Михаил, вспоминал, как он вместе с братом Андреем выручал туристов, заблудившихся в лабиринте, устроенном около дворца, руководя ими с верхнего этажа дома.

Только во время Второй мировой войны Ксения Александровна жила в королевском замке Балморал в Шотландии.

Ксения Александровна скончалась 86 лет 29 апреля 1960 г. и была похоронена в той же могиле, где лежали останки ее мужа Александра Михайловича, умершего в 1933 г., на кладбище Рокбрюн у Ментоны на южном берегу Франции.

От брака с Александром Михайловичем у нее было шесть детей – одна дочь и пятеро сыновей.

Дети остались за рубежом и таким образом спаслись от преследований большевиков. Дочь Ирина вышла замуж за князя Феликса Юсупова (см. главу «Ирина Александровна»). Старший сын Андрей (1897–1981) сначала жил во Франции, потом переехал с женой в Англию. Когда семья великого князя жила в Крыму, он женился 12 июня 1918 г. на герцогине Елизавете Фабрициевне Сассо-Руффо, дочери герцога Сассо-Руффо и Натальи Александровны Мещерской. У них было трое детей – Ксения (1919–), Михаил (1920–) и Андрей

---

⁷³ «14 февраля 1919 г. Уинстон Черчилль произнес на закрытом заседании мирной конференции горячую речь в пользу немедленного вмешательства в русские дела и борьбы с большевизмом... Нужно добавить, что во время мирной конференции Уинстон Черчилль являлся единственным европейским государственным деятелем, который ясно отдавал себе отчет в опасности большевизма (Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2004. С. 304).

(1923–). Его супруга умерла в 1940 г. и он второй раз женился в 1942 г. на Надин МакДугал; от брака с ней – дочь Ольга (1950–).

Сын Федор (1898–1968) женился в Париже в 1923 г. на княжне Ирине Павловне, дочери от морганатического брака великого князя Павла Александровича и княгини Ольги Валериановны Палей. Он жил во Франции.

Никита (1900–1974) в 1922 г. в Париже женился на графине Марии Илларионовне Воронцовой-Дашковой. У них было два сына – Никита (1923–) и Александр (1929–). До Второй мировой войны семья его жила то во Франции, то в Англии, а после войны, после нескольких переездов, – в США, в Калифорнии, но его похоронили у могил отца и матери в Рокбрюн (южный берег Франции).

Князь Ростислав Александрович (1902–1978) жил в Англии, он имел от первых двух браков (на княжне Александре Павловне Голицыной и на Алис Эйлкен (Eilken) двоих детей – Ростислава (1938–) и Николая (1945–). Он похоронен на кладбище в Ницце. Там же могила его третьей жены Ядвиги-Марии-Гертруды-Евы фон Шаппуис (von Chappuis). Василий Александрович (1907–1989) жил в США, в Сан-Франциско.

Князь Дмитрий (1901–1980) участвовал во Второй мировой войне, был офицером британского флота, и, как вспоминал его зять Феликс Юсупов, «Дмитрию... с тех пор как мы не виделись, не поздоровилось, особенно в дюнкеркские дни, когда вместе с английскими моряками участвовал он в эвакуации войск». Позднее Дмитрий Александрович жил в Париже и женился там на светлейшей княжне Надежде Романовской-Кутузовой.

Ирина Александровна (Ф. Ф. Юсупов)

От брака с Александром Михайловичем у любимой дочери императора Александра III и императрицы Марии Федоровны было шесть детей – одна дочь и пятеро сыновей. Дети остались за рубежом и таким образом спаслись от преследований большевиков. Дочь Ирина вышла замуж за князя Феликса Юсупова.

Юсуповы, как и многие другие представители высшей знати в России, происходили отнюдь не из славян, и не были Рюриковичами, потомками предводителей шаек варягов, нападавших на мирных жителей по всей Европе и которых, согласно древнейшей «Повести временных лет», славянские племена, рассорившиеся друг с другом, призвали установить порядок и владеть ими: «Вся земля наша добра есть и велика и изобилна всемъ, а нарядника в ней нсть, пойдете к намъ княжати и владети нами».

Предками Юсуповых были ногайские князья, кочевники, родоначальником их был Юсуп или Юсуф-мурза, который происходил от того самого Едигея, принесшего столько горя москвичам: в 1408 г. он подступил к Москве, взять город не сумел, но ограбил, разорил и поджег все посады и окрестности.

Юсуф поступил на службу к московскому царю, которому служил и его брат Иль-мурза и сыновья. При царе Алексее Михайловиче правнук Юсуфа крестился под именем Дмитрия Юсупова-Княжево. Главную часть богатств Юсуповых заложил князь Григорий Дмитриевич при Петре I, а приумножили его сын Борис и внук Николай.

Юсуповы – одна из самых богатых семей в России, они владели значительными имениями в различных губерниях и несколькими фабриками, им принадлежало имение Архангельское под Москвой, дворцы в Петербурге, Москве и в Крыму.

Последняя представительница рода княжна Зинаида Николаевна Юсупова вышла замуж за графа Феликса Сумарокова-Эльстона, которому было разрешено присоединить фамилию и титул Юсуповых, так что они и потомки их титуловались князьями Юсуповыми, графами Сумароковыми-Эльстон. У них было двое сыновей – Николай и Феликс.

Семейное предание гласило, что над родом Юсуповым тяготеет кара за то, что их предки изменили магометанству и приняли православие. Суть этого проклятия заключалась в том, что все, кроме одного, наследники мужского пола, родившиеся в семье, не проживут больше двадцати шести лет.

Николай Юсупов, любимец матери и отца, должен был наследовать и титул, и герб, и богатство знатного рода, но... все кончилось трагедией. Его вызвал на дуэль муж женщины, за которой он ухаживал. На дуэли Николай был убит: до двадцати шести лет ему не хватило полгода...

Феликс Юсупов с юношеских лет был связан с Великобританией: его послали учиться в Оксфорд; отсюда он писал матери: «Странно, как с самого детства я всегда стремился в Англию, точно чуял, что здесь найду то, чего мне всегда не доставало, а именно товарищей и друзей своего возраста. Моя теперешняя жизнь так мало имеет общего со старой, что мне кажется, что я живу во второй раз и я уверен, что именно теперешняя моя жизнь укрепит меня для будущего и нравственно осветит»⁷⁴. Он в 1909 г. основал Русское общество Оксфордского университета с целью способствовать связям между университетом и Россией. Интересно отметить, что оно и сейчас существует и насчитывает около 300 членов, как сту-

---

⁷⁴ Цит. по кн.: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов : «За все благодарю...». М., 2003. С. 175.

дентов и аспирантов, так и преподавателей. Члены общества организуют встречи с российскими гостями, отмечают различные культурные события.

В Лондоне студента Юсупова охотно принимали во многих аристократических домах: чаще всего он бывал в семье великого князя Михаила Михайловича и его супруги Софии, графини Торби, а также у принцессы Виктории Баттенбергской.

В «Мемуарах» он писал: «... поехал навестить великого князя Михаила Михайловича, брата моего будущего тестя, жившего с семьей в прекрасном именье близ Лондона. Находился он в ссылке с тех пор, как женился на графине Меренберг, внучке Пушкина. Имела она также титул графини Торби. Была она необычайно приветлива и любима лондонцами. Страдала она от мужнина злоязычия. Великий князь день и ночь поносил свою русскую родню. Но с него спрос был невелик, а вот ее жалели. Было у них трое детей: сын по прозвищу Бой и две прехорошенькие девочки Зия и Нэда. Учась в Оксфорде, я часто видел их».

Перед тем как покинуть Англию, он писал матери 7 июля 1912 г.: «С завтрашнего дня вплоть до моего отъезда, каждый день мне дают прощальные завтраки, чай, обеды и ужины. Я прямо не понимаю, почему они со мной так возятся. На днях я видел графиню Потоцкую, которая мне сказала, что меня в Англии так любят, как еще никогда не любили ни одного иностранца, и что всюду и со всех сторон ей говорят про меня, и т. к. она очень любит меня, то ей было очень приятно это слышать»⁷⁵.

«С тоской в сердце покинул я Англию, – вспоминал он об этом времени, – оставляя стольких друзей. Чувствовал я, что некий этап жизненный завершен»⁷⁶. И действительно, в его жизни начинался новый период... Феликса, князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон и Ирины, племянницы императора. В 1915 г. у них родился единственный ребенок – дочь Ирина.

Юсупов тяжело переживал положение дел в России, чехарду в правительстве, неспособность императора править, пагубное влияние императрицы, распутинщину. Как писал он уже в эмиграции, «наша родина не могла быть управляема ставленниками по безграмотным запискам конокрада, грязного и распутного мужика. Старый строй неминуемо должен был привести Романовых к катастрофе». Намерение избавить Россию от позора, от ненавистного Распутина, пришло к Ф. Ф. Юсупову после долгих раздумий. Он писал в воспоминаниях: «Видя, что помощи мне ждать неоткуда, я решил действовать самостоятельно. Чем бы я ни занимался, с кем бы ни говорил, – одна навязчивая мысль, мысль избавить Россию от ее опаснейшего внутреннего врага терзала меня. Но вместе с тем внутренний голос мне говорил: «Всякое убийство есть преступление и грех, но, во имя Родины, возьми этот грех на свою совесть, возьми без колебаний. Сколько на войне убивают неповинных людей, потому что они «враги Отечества». Миллионы умирают... А здесь должен умереть один, тот, который является злейшим врагом твоей Родины. Это враг самый вредный, подлый и циничный, сделавший путем гнусного обмана всероссийский престол своей крепостью, откуда никто не имеет силы его изгнать... Ты должен его уничтожить во что бы то ни стало...»

Когда он решился пойти на это, как на единственный выход из безнадежного состояния, грозившего гибелью государству, то действовал смело и твердо.

В группу заговорщиков вошел великий князь Дмитрий Павлович, с которым Юсупов был близок: «Великий князь, как я и ожидал, сразу согласился и сказал, что, по его мнению, уничтожение Распутина будет последней и самой действенной попыткой спасти погибающую Россию». К Юсупову присоединились также депутат Государственной думы монархист Владимир Пуришкевич, доктор из санитарного отряда Пуришкевича С. С. Лазверт и поручик Я. С. Сухотин, контуженный на войне и лечившийся в Петрограде.

---

⁷⁵ Там же. С. 281.

⁷⁶ Юсупов Ф. Ф. Мемуары. М., 1998. С. 138.

Юсупов пригласил Распутина, давно добивавшегося знакомства с его женой красавицей Ириной, во дворец на Мойке. Живучего Распутина накормили пирожными с цианистым калием, но яд не подействовал, потом выстрелили в него, но и тогда его ничего не брало, и только во дворе, куда он выбежал, его в конце концов убили. Тело погрузили на автомобиль, отвезли к реке и сбросили в прорубь. Потом его нашли вмерзшим в лед, отвезли для вскрытия и погребения. Многие подробности, сообщавшиеся в печати и тогда, и в последнее время, в частности о том, что Распутин еще был жив под водой, что в него стреляли не только Пуришкевич и Дмитрий Павлович, но и некий английский разведчик, просто выдуманы.

Весть о расправе с Распутиным мгновенно распространилась по России и везде она была встречена с открытой радостью – настолько общество устало от придворных сплетен и грязи.

Николай II не решился строго наказать заговорщиков. Юсупова выслали в его имение в Курскую губернию. В 1918 г. Юсуповы жили в Крыму, в своем имении вместе с родителями. Рядом жили императрица Мария Федоровна с дочерью Ольгой и великий князь Александр Михайлович с семьей.

Когда Мария Федоровна согласилась покинуть большевистскую Россию на английском военном корабле «Марльборо», она поставила условием взять на борт и всех ее родственников в Крыму. Так Юсуповы попали за рубеж.

Еще в начале Первой мировой войны Юсуповы, как и многие другие аристократические фамилии, перевели свои заграничные счета в Россию. Все то, что оставалось в России, конечно, пропало после октябрьского переворота, но Юсуповы спасли то, что имели на себе при отъезде. После Крыма они прибыли на Мальту, заложили там бриллиантовое кольцо и на полученные средства смогли переехать в Париж, поселившись на первое время в давно знакомой им по предыдущей жизни гостинице «Вандом».

У Юсупова за границей осталась немалое имущество: в парижском гараже стоял один из многих его автомобилей, он владел виллой в Швейцарии, а однажды его посетил знаковый ювелир и передал ему мешочек с бриллиантами, которые остались у него после переделок старинных ожерелий для Ирины. Что весьма важно для него, Феликс Юсупов продолжал владеть купленной в 1912 г. квартирой в Лондоне, что давало право ему и Ирине постоянно жить в Великобритании как британским налогоплательщикам.

В первый приезд в Великобританию Юсупов остановился в лондонском отеле «Ритц» и, как он вспоминает, «в первый вечер в гостинице, чтобы заглушить тоску, стал напевать под гитару и вдруг услышал стук. Стучали в дверь, смежную с соседним номером. Я решил, что мешаю кому-то, и замолчал. Стучать продолжали. Я встал, отпер дверь, открыл... на пороге стоял великий князь Дмитрий... Мы не знали друг о друге ничего, пока он не услышал за стеной лондонского гостиничного номера мой голос. Мы так обрадовались встрече, что проговорили до утра» (они не видели друг друга после высылки их из Петербурга декабрьской ночью 1916 г.).

Из гостиницы Юсупов переехал в свою старую лондонскую квартиру: «Как же обрадовался я, когда очутился в своей квартире на Найтсбридж! Только тут теперь и был мой собственный угол! И прекрасно было все, с ним связанное! Вспоминал я о том, однако, не без грусти, с войной многих друзей юности я не досчитался»⁷⁷.

Квартира в фешенебельном районе Лондона (в Найтсбридже) около Гайд-парка (15 Parkside, Kensington) вскоре после их приезда стала местом сбора русских эмигрантов. Они прекрасно себя чувствовали там, обедая за счет хозяев, останавливаясь там и даже живя довольно долгое время. Юсупов часто развлекал гостей рассказом об убийстве Распутина, который со временем становился все более и более драматичным. Ирине все это не нра-

⁷⁷ Юсупов Ф. Ф. Воспоминания. С. 259.

вилось, но ей приходилось оставаться слушателем и зрителем, хотя и безучастным. Потом он, желая остановить постоянные просьбы рассказать об этих событиях, написал историю убийства, вошедшую в двухтомник воспоминаний.

Первое время в эмиграции Юсуповы жили довольно свободно, и Феликс Феликсович считал необходимым помогать эмигрантам, оказавшимся в Великобритании в трудном положении: «Беженцы из России прибывали, и первейшим долгом казалось мне помогать им». Юсупов рассказал о своей благотворительной работе: «Будущее было еще неясно, но ясно было, что беженцам-соотечественникам необходима помощь. По приезде в Лондон я тотчас снесся с графом Павлом Игнатьевым, председателем русского отделения Красного Креста. Требовалось прежде всего организовать мастерские для трудоустройства эмигрантов, обеспечить военных бельем и теплой одеждой. Одна милая англичанка, миссис Лок, предоставила нам помещение в своем особняке на Белгрэйв-сквер. Помогла мне и графиня Карлова, вдова герцога Джорджа Мекленбург-Стрелицкого. Женщина была достойнейшая, энергичная, умная, любимая всей русской колонией. Она сразу же взяла на себя управление мастерскими. Шурья мои Федор с Никитой и многие английские наши друзья пришли на подмогу. Дело стало расти. Вскоре на Белгрэйв-сквер повалили не только безработные эмигранты, но и те, кому просто приходилось туго. Дело, стало быть, ширилось, а средств не прибавлялось. Деньги таяли быстро. Поехал я по большим промышленным городам Англии. И встретил всюду сочувствие и понимание – не только словом, но и делом. Результат поездки превзошел все ожидания. Благотворительные вечера, устроенные с помощью друзей-англичан, также пополнили нашу кассу. Самой большой удачей оказалась пьеса Толстого "Живой труп", сыгранная в Сент-Джеймском театре с Генри Эйнли в главной роли. Великий артист не только сыграл. После спектакля он обратился к публике с потрясающей речью, призывая сограждан помочь русским беженцам, их недавним союзникам. С утра и до вечера сидели мы на Белгрэйв-сквер. Ирина занималась беженками, а мы с графиней Карловой за большим столом принимали беженцев-мужчин – нескончаемый поток людей. Приходили за работой, советом, помощью».

Вместе с русским предпринимателем Петром Зеленовым Юсупов приобрел дом № 28 на Уэлсли-роуд в районе Чизуик* (Chiswick), который они отдали для беженцев из России.

В 1920 г. Юсуповы покинули Великобританию и уехали в Париж, а в доме на Уэлсли-роуд, перешедшем полностью к Зеленову, работал русский Красный Крест, устроивший там гостиницу и школу.

В Париже Юсуповы купили здание бывшей конюшни, где открыли ателье шляп под названием «ИРФЕ» (по первым буквам их имен – ИРинаФЕликс), которое стало вскоре модным; а через короткое время филиал ателье был открыт и в фешенебельном центре Лондона, на Беркли-стрит.

Если Феликс любил общество, развлечения, игру на гитаре, цыганские романсы, то спокойная и тихая Ирина была полной противоположностью ему, и, несмотря на это, супруги прожили долгую и счастливую жизнь – они относились друг к другу с любовью и пониманием.

Феликс Феликсович скончался 80 лет от роду в 1967 г. и был похоронен рядом с матерью на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем, а в 1970 г. рядом с ними похоронили Ирину Александровну.

Единственная дочь Юсуповых Ирина (1915–1983) в 1938 г. вышла замуж за графа Николая Дмитриевича Шереметева (1904–1979), а внучка Ксения Николаевна (род. 1942) была замужем за греком Илиасом Сфири, который работал в компании «Шелл»; у них одна дочь Татьяна (1968–). Она вышла замуж за Алексиса Джаннакопулоса, но развелась с ним и вышла второй раз за Антона Вамвакидиса; от этого брака две дочери – Марилия (2004–) и Джасмин Ксения (2006–).

Михаил Михайлович

Из всех Романовых наиболее тесно был связан с Великобританией великий князь Михаил Михайлович.

Он родился в 1861 г. в семье брата императора Николая I Михаила, назначенного наместником Кавказа, и жены его принцессы Баденской Цецилии Августы (в России Ольги Федоровны).

Из пятерых сыновей Михаила Николаевича только двое – Александр и Михаил – уцелели от кровожадности большевиков: Александру Михайловичу удалось покинуть Россию в 1918 г. (он уехал в Париж на Версальскую конференцию), а Михаил Михайлович уже жил в Великобритании. Сергея Михайловича убили в июле 1918 г. под городом Алапаевском на Урале, а Николая и Георгия Михайловичей расстреляли во дворе Петропавловской крепости в январе 1919 г.

У Михаила было две страсти, два любимых дела в жизни – военная служба и женщины. Миш-Миш, как его прозвали в петербургском обществе, с удовольствием служил в гвардейском Егерском полку и пользовался большим успехом в столичных салонах: «Его располагающая внешность, благородное сердце и способности танцора сделали его любимцем петербургского большого света».

Как рассказывает его брат великий князь Александр Михайлович, «достигнув совершеннолетия в 20 лет и получив право распоряжения своими средствами, он начал постройку роскошного дворца». Дворец был построен на Адмиралтейской набережной (№ 8) в Петербурге по проекту архитектора Месмахера. Заказывая дворец, великий князь сказал архитектору: «У нас должен быть приличный дом...», но по иронии судьбы он в этом доме не прожил и дня...

Как вспоминал брат, «под словом мы надо было понимать его и его будущую жену. Он еще не знал, на ком он женится, но он во что бы то ни стало собирался жениться на ком-нибудь и как можно скорее. Так, он задумал жениться на дочери великого герцога Гессенского, потом на дочери принца Уэльского. В постоянных поисках царицы своих грез он делал несколько попыток жениться на девушках, не равного с ним происхождения. Это создавало тяжелые осложнения между ним и нашими родителями и ни к чему не привело».

Он предложил руку и сердце графине Екатерине Игнатьевой. В январе 1888 г. статс-секретарь А. А. Половцев записал в дневнике: «Михаил Михайлович решительно задумал жениться на второй дочери гр. Игнатьева, что, разумеется, далеко не радует Вел. Князя и Вел. Княгиню [отца и мать Михаила]. Кроме неравенства, в этом браке пугает сближение с семейством, состоящим из завязтых интриганов... Встречаю Михаила Николаевича [отца Михаила], который... передавал мне содержание своего разговора с Государем [Александром III] относительно намерения Михаила Михайловича жениться на гр. Игнатьевой, что Государь, отказав наотрез в разрешении на подобный брак, назвал Михаила Михайловича дураком, сколько я могу догадаться, потому что он, не спросив родителей, обещал гр. Игнатьевой на ней жениться».

Через два года автор дневника записывает: «27 (февраля). 1890. Вторник. Застаю Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольгу Федоровну [родители Михаила] в большом расстройстве. Из совокупности их сообщений и других, полученных мною из верных источников сведений, оказывается, что произошло следующее: Вел. Кн. Михаил Михайлович, уже два года влюбленный в дочь гр. Игнатьева, отправился к Государю, бросился на колени и стал умолять его разрешить ему этот брак. Разжалобленный своим двоюродным братом, Государь сказал, что постарается это устроить. Разумеется, Михаил Михайлович просил об этом разрешении под условием выезда за границу и даже полного отречения от всех своих

Великокняжеских прав и преимуществ. После такого, хотя и несколько уклончивого, но, без сомнения, весьма знаменательного в устах Самодержца ответа, влюбленный Князь прождал несколько дней и, не видя ни малейшего осуществления данного ему обещания, послал своего брата Александра (*persona grata* в Аничкове) напомнить Государю о данном обещании. Ответ был такой же. Через несколько дней Цесаревич [наследник Николай Александрович] со слов Государя повторил то же самое. Так прошло дней десять, после коих 26 февраля, пред разездом из Аничкова Дворца после выхода, Государь пригласил к себе Вел. Кн. Михаила Николаевича и объявил ему, что по здравом размышлении он полагает всего лучше отправить Михаила Михайловича служить в отдаленный угол империи!..»

Но вместо «отдаленного угла» великий князь Михаил оказался в Италии в Сан-Ремо и, уже не спрашивая ничьих разрешений, женился, но не на Игнатъевой, а на другом предмете своих воздыханий, графине Софье Меренберг, дочери принца Нассау (небольшого германского княжества) от морганатического брака с графиней Натальей Меренберг (дочерью Пушкина), которой герцог Люксембургский даровал титул графини Торби. Бракосочетание состоялось в русской церкви в городе Сан-Ремо 26 февраля 1891 г.

Узнав о своеволии Михаила, Александр III выключил его из рядов армии и воспретил въезд в Россию: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имевший места», – телеграфировал император отцу Софьи принцу Нассау Николаю Вильгельму.

Конечно, решение императора Александра III было ударом для великого князя, но он знал, на что шел, так что, по крайней мере, все это не было неожиданностью. Так случилось, что строгость Александра III спасла жизнь Михаилу Михайловичу: ведь его братья погибли от рук большевиков.

Несколько лет Михаил Михайлович с супругой жили в Каннах на собственной вилле «Казбек», названной в память детских лет, проведенных на Кавказе. В 1901 г. великий князь с супругой переехали в Великобританию и поселились в замке Киль-холл в Стаффордшире (на севере Англии), а впоследствии поселились в одном из самых известных лондонских дворцов – Кенвуд-хауз* (Kenwood House).

Он заключил договор о найме дворца с мебелью сроком на 21 год с платой 2200 фунтов стерлингов в год и в 1910 г. поселился в нем с супругой, детьми – сыном Михаилом, дочерьми Анастасией и Надеждой (их в Англии звали Зиа и Нада) и многочисленными собаками. Во дворце некоторые комнаты были заново оформлены, проведен электрический свет, конюшни переделаны в гараж. Страстный игрок в гольф, он превратил часть луга в поле для игры в гольф, а также в площадку для крикета. Журнал «Country Life» в 1913 г. опубликовал статью, описывающую дом великого князя, в котором устраивались балы для выходящих в свет дочерей. Кенвуд-хауз видел блестящие приемы и праздники: здесь в 1914 г. на балу присутствовали английские король и королева, через два года – прием по случаю свадьбы Надежды и принца Георга Баттенбергского (Джорджа Маунтбеттена), и позже – Анастасии и майора Харольда Уэрнера, владельца имения Лутон-Ху. Несмотря на многие отрицательные и даже насмешливые отзывы о великом князе, многие его поступки вызывают уважение.

Великий князь Михаил Михайлович был известен своей щедрой благотворительностью. Его избрали президентом Хэмпстедского госпиталя, обязанности которого он выполнял до кончины. С его помощью госпиталь привлекал большие частные средства, сам князь подарил ему полностью оборудованный автомобиль-скорую помощь, первый такой в Лондоне. Он же был и президентом Художественного общества Хэмпстеда и он же оборудовал на прудах Хэмпстеда вышку для прыжков в воду, надеясь способствовать этим олимпийским успехам Британии. С началом войны он предоставил часть Кенвуда для госпиталя и стал руководителем Англо-Русского общества.

Несмотря на то что его жена имела титул и по рождению, и по жалованному герцогом Люксембургским, Михаил Михайлович добивался для нее британского титула. С этой целью он, когда Николай разрешил ему приехать в Россию, просил его ходатайствовать перед королем Георгом. Николай не был против и отправил письмо Георгу, на что получил такой довольно нелицеприятный отзыв в письме от 6 октября 1912 г.: «Что касается нашего друга, безумца Мишеля, я уверен, что он тебе докучает своими многочисленными жалобами так, как он всегда надоедал мне. Он много лет прожил в Англии, и дорогой Папа [король Эдуард VII] был всегда очень милостив и дружествен к нему, и я неизменно стремился быть таким же. Конечно, я не знаю, что он может сказать тебе в Москве в отношении своей жены, которой я должен присвоить титул, на что ты дал свое разрешение. Однако, к сожалению, в Англии я не имею полномочий присвоить титул иностранной подданной, и это представляется тем более невозможным, что это жена русского великого князя. Я ожидаю, поскольку нахожусь в Лондоне, что он приедет ко мне, и я надеюсь, что наша беседа будет приятной. Боюсь только, что у меня нет выбора и мне придется отказать в его просьбе. Сожалею, что приходится беспокоить тебя этим долгим рассказом, но думаю, что лучше объяснить свою позицию полностью, в случае если он опять побеспокоит тебя по этому вопросу. Он пока не говорил об этом со мной, и твое письмо было первым, из которого я узнал об этом»⁷⁸.

В 1908 г. Михаил Михайлович написал автобиографический роман, посвященный супруге, под названием «Never Say Die» (которое можно перевести как «Никогда не унывай»), в котором осудил российские правила бракосочетания членов императорской семьи. В России эту книгу запретили.

Через 18 лет после изгнания, в 1909 г. Государь Император Николай II Александрович возвратил Великому Князю Михаилу Михайловичу чин полковника и звание флигель-адъютанта, а во время пребывания в России в августе 1912 г. Государь вновь назначил его Августейшим шефом 49-го Брестского пехотного полка. Во время мировой войны князь Михаил служил в военном представительстве России по закупке и отбору оборудования для армии. Как рассказывал А. А. Игнатъев, военный атташе в Париже и автор известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю», «перед отъездом из Лондона я обычно наносил прощальный визит Николаю Сергеевичу Ермолову (военный атташе в Великобритании. – *Авт.*). Генерал продолжал, как и в мирное время, надевать военную форму только в официальных случаях и принимал меня в пиджачке в крохотной канцелярии, где-то неподалеку от War Office. За стеной стучала пишущая машинка. – А вы знаете, что моим секретарем состоит сам великий князь Михаил Михайлович, – не без гордости объяснял мне Ермолов. – Бедняга из-за вступления в морганатический брак с графиней Торби был лишен права вернуться в Россию. Он написал об этом царю и, не получив ответа, предложил мне помочь в работе хотя бы в печатании на машинке. Неловко же было в военное время оставаться в Лондоне без определенных занятий».

Великий князь присоединил свой голос к хору предостережений Николаю II в связи с его безответственной политикой, приведшей Россию к коллапсу. Так, 15 (28) ноября 1916 г. великий князь писал ему: «Я только что возвратился из Бэкингемского Дворца. Жоржи [король Георг V] очень огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомленные, предсказывают в ближайшем будущем в России революцию. Я искренно надеюсь, Никки, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно». Как известно, не только это письмо, но десятки других не возымели никакого действия...

В 1917 г. династия Романовых перестала править в России, и Михаил Михайлович уже не мог оплачивать такой огромный и дорогой дворец. Он отказался от найма и летом 1917

⁷⁸ Источник. 1997. № 2. С. 31.

г. переехал с женой и с сыном Майклом в более скромное жилище – жилой дом рядом с Риджентс-парком (3, Cambridge Gate, Regent's Park).

Супруги прожили вместе 39 лет – графиня Софья скончалась в 1927 г., а великий князь через два года. Оба они похоронены на кладбище в Хемпстеде (Hampstead, Fortune Green Road).

Дети его были правнуками и Александра Пушкина, и царя Николая I, слова которого, обращенные к умирающему поэту, странным образом оправдались: «... о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми...»

Удивительно переплелись судьбы потомков Александра Пушкина и Николая Романова. Младшая дочь Пушкина Наталья вышла замуж за Леонтия Дубельта, сына начальника штаба корпуса жандармов. Брак оказался неудачным – муж обладал несносным характером, проматывал состояние и свое и жены. Он окончился разводом, и Наталья вышла замуж за принца Николая-Вильгельма Нассауского. Ей был пожалован титул графини Меренберг. Несмотря на неравноправность брака и то, что принц потерял право на наследование герцогства Нассау, супруги жили счастливо. У них родился сын Георг-Николай, женившийся на дочери императора Александра II княжне Ольге Александровне Юрьевской, и две дочери – Александрина и Софья. Последняя и стала женой великого князя Михаила Михайловича.

У графини Софьи оставались письма Пушкина к Наталье Николаевне. О судьбе их рассказал известный танцовщик и коллекционер Сергей Лифарь: «В зимнем сезоне 1928 года мы давали балетные спектакли в Монте-Карло, и здесь, на Лазурном берегу, на одном из благотворительных спектаклей в Каннах 30 марта я познакомился с устроительницей этого спектакля – леди Торби. Для меня эта светская дама – жена великого князя Михаила Михайловича – была интересна главным образом тем, что она была... родной внучкой Пушкина. С Дягилевым леди Торби была исключительно любезна, к тому же он ее совершенно очаровал. Она рассказала ему, что хранит у себя неоценимое сокровище – письма своего великого деда к ее бабке, тогда его невесте – Наталье Николаевне Гончаровой, от которой к леди Торби и перешли по наследству эти письма. Леди Торби прибавила, что после того как она вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича и ему за этот брак было запрещено государем жить в России, она поклялась, что не только сама, но и принадлежащие ей письма ее деда никогда не увидят России. Слово свое она крепко держала ~~~»

– Хорошо же они чтут память великого поэта: за то, что великий князь женился на внучке чтимого ими Пушкина, они выгоняют его из России, как будто он опозорил их свой женитьбой!

И тут же леди Торби обещала завещать Дягилеву для его коллекции один из этих бесценных автографов.

– Вы будете иметь его скоро, – прибавила она. – Мне недолго осталось жить.

Предчувствие не обмануло ее: она умерла через несколько месяцев после этого разговора...»⁷⁹. Леди Софья Торби скончалась в сентябре 1927 г., после смерти Дягилева почти всю коллекцию приобрел С. М. Лифарь, а после его кончины письма были выкуплены у его наследников и вернулись в Россию, в Пушкинский Дом.

После смерти жены Михаил Михайлович, который в то время «нуждался, постоянно болел и плохо разбирался в чем бы то ни было», уступил письма поэта Дягилеву.

Граф Майкл де Торби (1898–1959), или «бой Торби», занимался, и довольно успешно, модельным бизнесом и был театральным художником. Он не оставил потомства.

Дочь Анастасия, Зиа, (1892–1977) двадцати пяти лет вышла замуж за генерал-майора, баронета Гарольда Уэрнера (Harold Wernher 1893–1973), младшего сына (старший сын был женат на дочери Никиты Романова) баснословно богатого владельца южноафриканских

⁷⁹ Цит. по кн.: Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А. С. Пушкина. М., 2005. С. 173.

алмазных копей, замка Лутон-Ху и картинной галереи (она сейчас демонстрируется в Гринвиче в Рэнджер-хаус – Ranger House).

Красавица дочь Надежда, или Нада, (1896–1963) вышла замуж в 1916 г. за принца Георга Баттенбергского (1892–1938) (дядя принца Филиппа, герцога Эдинбургского), служившего в британском военно-морском флоте. Во время войны он изменил немецкую фамилию, фамилия Баттенберг (Battenberg, т. е. гора Баттен) была переведена на английский и превратилась в Маунтбеттен (Mountbatten) (а правящая династия стала не Ганноверской, а Виндзорской). Фамилия Баттенберг произошла от морганатического брака принца Нассау Александра с графиней Юлией Хауке, которой присвоили титул графини (потом принцессы) Баттенбергской.

Нада, Надежда, маркиза Милфорд-Хейвен (по второму браку с маркизом Милфорд-Хейвен, графом Медина) обладала неплохим голосом, играла на сцене. Она воспитывалась в детские годы нынешнего супруга королевы Елизаветы II герцога Филиппа Эдинбургского (сам Филипп имеет родственные связи с Романовыми – его бабушка, королева Греции Ольга Константиновна, была внучкой императора Николая I. При установлении подлинности останков Романовых именно он дал кровь для исследования ДНК).

Почти все живущие сейчас на западе Романовы – потомки великого князя Михаила Михайловича, поэтому далее прилагается генеалогическое древо.

Потомки великого князя Михаила Михайловича.

1. Михаил Михайлович Романов, жена Софья Николаевна фон Меренберг, графиня де Торби

1.1. Зиа, Анастасия (Anastasia or Zia) (1892–1977); муж баронет, генерал-майор Гарольд Уэрнер (Harold Augustus Werhner).

1.1.1. Джордж (George Michael Alexander Wernher) (1918–1942), капитан: убит в Египте в военных действиях.

1.1.2. Джорджина (Georgina Wernher) (1919–); 1-й муж подполковник Гарольд Филипс (Harold Phillips); 2-й муж подполковник Джордж Кеннард (George Kennard)

1.1.2.1. Александра-Анастасия Филипс (1946–); муж сэр Джеймс Гамильтон, 5-й герцог Аберкорн (James Hamilton, 5th Duke of Abercorn)

1.1.2.1.1. Джеймс, маркиз Гамильтон (James Harold Charles Hamilton) (1969–); жена Таня Нейшн (Tania Marie Nation)

1.1.2.1.1.1. Джеймс, виконт Страбейн (James Alfred Nicholas Hamilton, Viscount of Strabane) (2005–)

1.1.2.1.2. София Гамильтон (Sophia Alexandra Hamilton) (1973–); муж Энтони Ллойд (Anthony Lloid)

1.1.2.1.3. Николай Гамильтон (Nicholas Edward Hamilton) (1979–);

1.1.2.2. Николай (Nicholas Harold Phillips) (1947–1991); жена графиня Мария Чернин (Countess Maria Lucia Czernin)

1.1.2.2.1. Шарлотта (Charlotte Phillips) (1976–)

1.1.2.2.2. Эдвард (Edward Paul Phillips) (1981–)

1.1.2.3. Фиона (Fiona Mercedes Phillips) (1951–); муж Джеймс Бернетт (James Burnett)

1.1.2.3.1. Александр (Alexander Burnett) (1973–)

1.1.2.3.2. Элиза (Eliza Burnett) (1977–)

1.1.2.3.3. Виктор (Victor Burnett) (1982–)

1.1.2.4. Марита (Marita Georgina Phillips) (1954–); муж Рендалл Кроули (Randall Crawley)

- 1.1.2.4.1. Гален (Galen Crawley) (1988–)
- 1.1.2.5. Наталия (Тэлли, Tally; Natalia Ayesha Phillips) (1959–); муж Джеральд Гровнор, герцог Вестминстерский (Gerald Cavendish Grosvenor, 6th Duke of Westminster)
  - 1.1.2.5.1. Тамара (Tamara Grosvenor) (1980–)
  - 1.1.2.5.2. Эдвина (Edwina Grosvenor) (1981–)
  - 1.1.2.5.3. Хью (Hugh Richard Louis Grosvenor) (1991–)
  - 1.1.2.5.4. Виола (Viola Grosvenor) (1992–)
- 1.1.3. Майра (Myra) (1925–); муж сэр Дэвид Баттер (Sir David Henry Butter)
  - 1.1.3.1. Сандра (Sandra Elizabeth Zia Butter) (1948–)
  - 1.1.3.2. Мерилин (Marilyn Davina Georgina Butter) (1950–), countess Dalhousie; муж Джеймс Рамзей (James Hubert Ramsay, 17th Earl of Dalhousie)
    - 1.1.3.2.1. Лорна (Lorna Teresa) (1975–)
    - 1.1.3.2.2. Алиса (Alice Magdalene) (1977–)
    - 1.1.3.2.3. Симон (Simon David) (1981–)
  - 1.1.3.3. Рохейс (Rohays Georgina Butter) (1952–); муж князь Александр Голицын (Prince Alexander Peter Galitzine)
    - 1.1.3.3.1. Саша (Princess Sacha) (1989–)
    - 1.1.3.3.2. Надежда (Princess Nadhezda) (1990–)
  - 1.1.3.4. Джорджина (Georgina Marguerite Butter) (1956–); муж Питер фон Пейяксевич (Peter Graf von Pejacsevich)
    - 1.1.3.4.1. Александр (Alexander Geza) (1988–)
  - 1.1.3.5. Чарльз (Charles Harold Alexander Butter) (1960–); жена Agnieszka D. Szeluk
    - 1.1.3.5.1. Julia Davinia (2006–)
- 1.2. Надежда, Нада (1896–1963), маркиза Милфорд-Хейвен; муж Георг Баттенбергский (Джордж Маунтбеттен)
  - 1.2.1. Татьяна Елизавета Маунтбеттен (1917–1888)
  - 1.2.2. Давид Майкл Маунтбеттен (1919–1970), третий маркиз Милфорд-Хейвен; 1-я жена Romaine Dahlgreen Pierce; 2-я жена Janet Mercedes Bryce
    - 1.2.2.1. Джордж (Georg Ivar Louis Mountbatten), четвертый маркиз Милфорд-Хейвен (1961–); 1-я жена Sarah Georgina Walker; 2-я жена Clare Steel
      - 1.2.2.1.1. Tatiana (1990–)
      - 1.2.2.1.2. Henry Mountbatten (1991–), граф Медина
    - 1.2.2.2. Ивар (Ivar Alexander Mountbatten) (1919–1970); Penelope Anne Vere Thompson)
      - 1.2.2.2.1. Элла (Ella Louise Georgina) (1996–)
      - 1.2.2.2.2. Александра (Alexandra Nada) (1998–)
      - 1.2.2.2.3. Луиза (Louise Xenia Rose) (2002–)
  - 1.3. Михаил (1898–1959)

Русская церковь

История Русской церкви в Лондоне насчитывает почти три века – все это время она выполняла благородную миссию духовной помощи тем русским, кто жил в Англии, и тем, кто бывал там короткое время, – морякам, купцам, путешественникам, а после октябрьского переворота в России церковь стала и объединительным центром для сотен и тысяч эмигрантов.

Впервые о православной церкви заговорили в Лондоне в конце XVII столетия, когда оживились сношения с Востоком. В 1677 г. Иосиф Георгиренес, архиепископ острова Самос, получил разрешение построить церковь, участок для которой выбрали англичане недалеко от площади Сохо (Soho Square) на улице Хог-лейн (Hog Lane; она составляет сейчас северную часть улицы Чэринг-кросс, между современными домами под № 107 и 117 напротив улицы Феникс-стрит (Phoenix Street). Теперь на этом месте школа искусств св. Мартина (St. Martin's School of Art). На здании церкви была установлена доска с надписью о ее строительстве – она теперь находится в греческой церкви св. Софии на Московской улице (Moscow Street). Церковь на Хог-лейн существовала недолго – уже в 1684 г. ее по королевскому указу закрыли, что вызвало крайнее негодование архиепископа Иосифа, выразившееся в памфлете, хранящимся теперь в Британской библиотеке. В XVIII в. и до 1822 г. в этой церкви отправляли службу французские протестанты, в большом количестве бежавшие в Великобританию после отмены Нантского эдикта, вводившего веротерпимость во Франции. Они селились в основном в Сохо и там же, естественно, была открыта их церковь. В 1850 г. здание перестроили и устроили в нем англиканскую церковь Пресвятой Девы (Our Lady).

Русская православная церковь была основана после посещения Лондона Петром I. Он выразил пожелание приобрести для нее участок: как рассказывается в архивном экземпляре рукописной истории православной лондонской церкви, император в присутствии нескольких придворных приказал Борису Ивановичу Куракину – «чтоб землю купил и церковь построил». Цена за участок и стоимость постройки показались и Куракину, и послу Федору Веселовскому слишком большими, и потому исполнение приказа Петра пришлось отложить.

В 1712 г. в Лондон прибыл греческий митрополит Арсений вместе с архимандритом Геннадием с просьбой помочь христианской церкви, страдающей «под игом басурманским». Пока он жил в Лондоне, в его покоех функционировала церковь, службы в которой посещались, кроме греков, многими англичанами и в особенности богословами, которые, как видно, интересовались различными формами христианской религии. Службы посещались и русскими, специально для которых «за незнанием греческого языка святая исповедь с греческого на российский и латинский языки переведена...». После его отъезда оставшиеся в Лондоне верующие просили его прислать архимандрита Геннадия, для того чтобы они «безопасны были всяких злоключений, козней сатаниных»⁸⁰. В 1716 г. Геннадий прибыл в Лондон, сопровождаемый своим племянником Варфоломеем Кассиано, для них снималась квартира с «особливым покоем для церкви», устроенная в большой гостиной и освященная в память Успения Богоматери. На ее открытие дал согласие лондонский архиепископ Робинсон, с подозрением относившийся к церквям иных конфессий. Он потребовал, чтобы в ней «приватно службу Божию отправляли, только бы англичан до церкви не допускать, а пение бы отправляли в тишости, чтоб простой народ какой обиды не учинил»⁸¹. Так в Лондоне обосновалась греческая православная церковь, в которой после Геннадия служил его племянник,

⁸⁰ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варш. 1897. Т. 2. С. 39 (далее Александренко).

⁸¹ *Александренко.* Т. 2. С. 40.

посвященный в священника в Петербурге. Квартира находилась недалеко от деловой улицы Стрэнд в небольшом и узком переулке, под названием Иксчейндж-корт (Exchange Court), выходящем на улицу Мейден-роуд. Церковь, возможно, находилась на восточной стороне, где еще сохраняется часть дома XVIII в. со старинными фонарями.

Со временем церковь пришла в ветхость: как сообщал священник Ивановский послу графу Чернышеву, «находящаяся здесь в Лондоне греко-российская православная церковь ныне пришла в крайнюю ветхость и в скудное состояние, а именно: дом, в коем святая церковь состоит, так уже древен, что ежедневно ожидаю его разрушения... внутри же онаго столь все обветшало, что в святом олтаре обои суконные все ободрались, занавесы, кои висят вместо церковных врат и других двух посторонних дверей, совсем распались; камчатное одеяние на престоле и жертвеннике – все крайне же обветшало...»⁸². Ко всему описанному оказалось, что церковь «стоит в неприличном и позорном месте»: под этим имелось в виду, что эти места рядом с рынком были облюбованы женщинами легкого поведения, и поэтому приходилось даже нанимать сторожа во время служения.

В 1740 г. русский посол князь Иван Алексеевич Щербатов обращался к английскому правительству с просьбой о помощи в приобретении нового церковного помещения, однако без успеха, и вскоре греки, жившие в Лондоне, послали в Петербург (греческого посла в Англии тогда не было, так как Греция находилась под владычеством Османской империи) прошение о постройке церкви. Из Петербурга затребовали от русского посла – тогда им был князь Петр Григорьевич Чернышев – сведений о возможности и действительной необходимости в постройке. Он ответил, что англичане отнюдь не препятствуют открытию церквей, а вот тех, кто просил о церкви, он охарактеризовал кратко и образно: «Все, выключая только 3 или 4 человека, которые платье резонабельное на плечах имеют, да иногда сюда на время приезжающие с некоторыми малыми товарами греческие купцы – из самого подлейшаго народа суть: матросы, нищие и тому подобный сброд»⁸³. После такого отзыва Петербург дело о постройке, конечно, остановил и только к концу 1756 г. «русская посольская церковь», как ее стали называть в официальных документах, была переведена в новое более поместительное здание. Оно находилось в центре города недалеко от Клиффорд-стрит* (Clifford street) на территории бывшей усадьбы лордов Берлингтон в Burlington Gardens.

С 1786 г. церковь, которая официально называлась «Православная Греко-российская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы в Лондоне находящаяся», а в английских источниках просто Russian Chapel (т. е. русская часовня), располагалась в доме № 32 по улице Уэлбек* (Welbeck Street), которая идет на север от улицы Уигмор (Wigmore Street) недалеко от оживленной торговой улицы центра Лондона Оксфорд-стрит.

На улице Уэлбек при всем желании церковное здание увидеть невозможно: оно запрятано вглубь застроек участка № 32. В доме находились различные учреждения (в частности, офисы Royal Variety Club – организации, объединявшей эстрадных артистов, а в последнее время располагались институт радиологии и общество гомеопатов). Здание внутри несколько раз подновлялось и изменялось, церковный зал использовался как лекционный и для собраний. Здесь была проведена реставрация настенной живописи художницей Хелен Грюнвальд, восстановившей лики апостолов в куполе.

Долгое время – с 1786 по 1863 г. – церковь, находившаяся, как было написано в рукописной ее истории (хранящейся в Архиве внешней политики Российской империи⁸⁴), в «доме легкой постройки, имеющей вид галереи или барака», неудобная и маленькая, служила для религиозных отправлений. Но в Лондоне, как, впрочем, и вообще в Британии, рус-

⁸² Александренко. Т. 1. С. 412.

⁸³ Александренко. Т. 1. С. 418.

⁸⁴ Архив внешней политики Российской империи, ф. 159, оп. 465, д. 24.

ских было очень немного. Как писал настоятель церкви, приход состоял «из православного личного состава Императорского Посольства в Лондоне, из православных сочленов финансового, военного и морского агентств и весьма редко – в виде исключения – из сочленов Генерального Консульства. Помимо сего, в нее входили: две-три русские дамы, находившиеся в замужестве с английскими подданными, два-три купеческих прикащика, единичные дезертиры, несколько человек русских рабочих и случайные русские путешественники. Правильно организованной русской колонии в Лондоне никогда не было; за отсутствием русских людей в Лондоне никогда не оказывались даже попытки к организации колонии. Отсюда в Лондоне не было и ныне нет ни русской школы, ни русских благотворительных учреждений, ни русской больницы, ни клуба, ни читальни, ни вообще какого бы то ни было центра, в коем бы русские люди могли сходиться вместе и завязывать те или иные взаимные сношения. Отсюда же в Лондоне поныне нет и благолепного православно-русского храма».

В 1862 г. русское посольство озаботилось состоянием церкви, которая никак не соответствовала престижу империи. Главным ревнителем новой постройки был настоятель церкви протоиерей Евгений Попов, прослуживший при ней 33 года. Сначала его усилиями собрали по подписке 1608 фунтов стерлингов, потом императрица Мария Александровна внесла еще 300 фунтов, и в конце концов министерство иностранных дел раскошело на полторы тысячи. В общем же вся постройка обошлась почти в 4 тысячи фунтов стерлингов, что составило по курсу того времени около 40 тысяч рублей. Работы были окончены в начале 1866 г. и 14 февраля того же года состоялось освящение храма.

С улицы он полностью закрыт линией зданий, обычных для Лондона, построенных вплотную друг с другом. В доме № 32 дверь ведет в сравнительно небольшой холл, за которым и находится бывший церковный зал, высотой 18 м, покрытый куполом, на котором был воздвигнут крест. В Британской энциклопедии издания 1911 г. иконостас русской церкви на Уэлбек-стрит описан как особенно красивый и образцовый.

По словам Е. К. Смирнова, бывшего в начале XX в. настоятелем церкви, «не имея внешнего вида, лондонский храм тем более поражает русского посетителя своим внутренним видом. Он разом и целиком переносит его в далекую, но родную и милую сердцу церковную обстановку. Контраст между бурной и шумной жизнью лондонской улицы и тишиной и религиозно-церковною уютностью храма поражает не только русского человека, пришедшего в храм помолиться, но и иностранца, заглянувшего в него из простого любопытства».

«За мою 40-летнюю службу в Лондоне, – продолжает настоятель, – мне многократно приходилось слышать от посетителей-англичан такие восклицания: "Как у вас здесь хорошо и все прекрасно устроено! Идя по улице, нельзя себе представить, что у вас такая великолепная церковь! На улице шум, гам, суетня и толкотня, а у вас здесь тишина и чудная обстановка, которая сама собой располагает к молитве!"». Интерьеры церкви были выдержаны в византийском стиле. В куполе изображены 12 апостолов, вниз спускалось позолоченное паникадило на 48 свечей, стены украшены росписью.

Вместимость храма – примерно 100–120 молящихся, но обычно там бывало немного народа: на всенощных бдениях не более 10 человек, на воскресных литургиях – до 30–40 человек, и только в пасхальные богослужения храм бывал полон. Только однажды, как вспоминал настоятель, когда в Лондоне «находилось 40 присланных из России солдат, до 80 бежавших из Германии военнопленных, до 80 высших и гражданских чинов, служащих в русском комитете в India House, и несколько проезжих русских», церковь на Пасху настолько наполнилась, что было невозможно войти в нее.

Русскую церковь всегда посещали приезжавшие в Великобританию царствующие особы – Николай I, Александр II и Александр III, Николай II, их супруги, великие князья и княгини. В церкви бывали и английские короли: Эдуард VII, королева Александра, Георг V, королева Мария.

Но вот в 1916 г. делегация Государственного совета и Думы, побывавшая в Великобритании, отметила, что церковь «не может удовлетворить религиозных чувств человека, заброшенного за границу и не дает никакого представления англичанам о благолепии православных храмов и торжественности православных богослужений»⁸⁵. По сему случаю, уже тогда (т. е. в августе 1916 г.) главный директор Русско-Британской компании Остроменский представил петроградскому митрополиту записку о необходимости постройки в Лондоне русского православного храма и при нем «Русского дома», где должны были быть женский педагогический институт и лицей, основываясь на «нынешнее благоприятное для этого дела время, полное в Англии симпатии к русским, и на чрезмерный прилив в Англию, в частности в Лондон, русских»⁸⁶.

В январе 1917 г. обер-прокурор Синода выразил полное согласие с этим предложением: «Скорейшее разрешение вопроса об устройстве русского православного храма в Лондоне в виду тех – полных взаимной симпатии – отношений, какие установились ныне между Россией и Англией, представляется настоятельно необходимым [построить] православный храм с «Русским домом» и школою при нем... [что] не только послужит центром объединения проживающих в Англии русских людей, число которых после войны там несомненно возрастет, но и ускорит, можно думать, разрешение другого чрезвычайно важного вопроса – о соединении Русской и Англиканской церкви...»⁸⁷.

Образовали строительный комитет во главе с бывшим премьер-министром лордом Розбери, разработку плана поручили известному своими постройками в русском стиле В. А. Покровскому, но по понятным причинам новая церковь и с нею и «Русский дом» так и не были построены.

В начале 1920-х гг. приход получил церковь св. Филиппа (она была переосвящена в Успенскую, но обычно называлась по-старому), здание которой находилась на пересечении Бэкингэм-роуд (Buckingham Road) с улицей Пэлес-стрит (Palace Street) напротив Королевских конюшен (Royal Mews). В этой церкви в 1950 г. отпевали известного русского религиозного философа Семена Людвиговича Франка. Послеоктябрьский церковный приход уже не был единым: он разделился на две части – на противников и сторонников западноевропейского митрополита Евлогия. Обе части, не признававшие друг друга, пользовались зданием по очереди, причем (что ярко характеризует непримиримость нравов церковников) после службы, совершенной одним священником, другой заново переосвящал алтарь, как будто его «осквернили» язычники. Он так и говорил о священнике, своем единоверце – «служитель сатаны» (!).

Место, где стояла Филипповская церковь, находилось рядом с оживленным транспортным узлом – вокзалом Виктория и оно предназначалось для застройки: в 1953 г. городские власти Лондона решили строить на месте церкви и окружающих домов автовокзал, в следующем году церковь св. Филиппа снесли.

После долгих поисков община, считавшаяся в составе Русской заграничной церкви, нашла помещение церкви св. Стивенса шотландских пресвитериан (разновидность протестантизма, отвергающее епископат и признающее только выборного руководителя, пресвитера) на улице Emperor's Gate в Кенсингтоне. Там после некоторых перестроек в 1959 г. освятили алтарь в честь Успения Богоматери (здание в стиле викторианской готики сохранилось; здесь теперь находится церковный зал св. Стефана (St. Stephen's Church Hall)).

В распоряжение прихода, считавшего себя под властью Московской патриархии, было предоставлено пустующее здание англиканской церкви во имя Всех святых, по адресу

---

⁸⁵ Там же, д. 29, л. 1.

⁸⁶ Там же, л. 2.

⁸⁷ Там же, л. 22.

Эннисмор Гарденс, 67. Осенью 1956 г. престол храма освятили во имя Успения Божией Матери, но митрополит Антоний благословил оставить в имени собора праздник Всех святых, хотя в храме только один престол. В 1979 г. настоятелю его с помощью доброжелателей и жертвователей удалось приобрести церковное строение в собственность прихода. Этот храм является кафедральным для епархии Московского патриархата, в которую входят все Британские острова.

Здание церкви построено в 1848–1849 гг. по проекту довольно много строившего в Великобритании архитектора Льюиса Вуллиами (Lewis Vulliamy) по образцу базилики XI в. Сан Дзено Маджоре (San Zeno Maggiore) в Вероне, жемчужины ранней романской архитектуры. Высокая – 35,5 м – колокольня (кампила) была возведена в 1860 г., а западный фасад церкви переделывал Чарльз Харрисон Таунсенд в 1892 г. Несколько икон в иконостасе исполнены учениками известного русского иконописца Леонида Успенского, а царские двери остались от старой церкви русского посольства. Особенно интересны фрески над высокими арками с восточной и западной сторон, сделанные между 1896 и 1903 г. в стиле арнуво Хейвудом Самнером в технике сграффито (рисунок процарапывается в верхнем слое штукатурки и появляется нижний, другого цвета).

Настоятелей русской церкви за все время ее существования в Лондоне было очень немного, так как обычно они служили в продолжение десятков лет.

Правда, служение в Лондоне было непростым: православным священникам было довольно неуютно, так как простолюдины, не привыкшие к их необычному облику, не давали им проходу. Так, посол граф А. С. Мусин-Пушкин сообщал, что иеромонах Дядьковский «из дому выходить не может, ибо от дерзновенного и необузданного здешнего народа к одежде его непривыкшего не раз были учинены ему на улицах огорчения и обиды, за кои не возможно получить удовлетворения и еще менее наказания виновных».

Одним из первых настоятелей русской церкви был Стефан Ивановский, из псаломщиков, рукоположенный по рекомендации посла в сан священника в 1749 г.⁸⁸ Был он «человек тихий, благочестивый и довольно ученый», знавший и греческий и английский, что, конечно, способствовало его работе – его англичане, «а наипаче духовные имели в почтении и приятельстве». Женат он был на англичанке Анне Джонсон. Прослужил в церкви он до 1765 г.

Протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский приехал в Лондон в 1765 г., сменив иеромонаха Е. Дьяковского.

Алексею Самборскому было тогда 32 года, и он оставался настоятелем русской церкви до конца 1780 г. (т. е. в продолжение 15 лет). Но он был не только священнослужителем, но, как он сам писал, обращаясь к императору Александру, «по совершении священной должности в храме, все прочее время употреблял я для приобретения не собственной пользы, а блага общего – успехов российских художников, кораблестроителей, мореходцев, земледельцев, пользуясь возможными случаями и способами»⁸⁹. Он овладел английским языком (его жена Елизавета Филдинг была англичанкой), глубоко интересовался сельскохозяйственными науками и по возвращении в Россию напечатал в новиковской типографии «Описание практического аглинского земледелия...». По словам биографа, Самборский «вывез из Англии уважение к закону и праву, прогрессивность стремлений, все те лучшие возвышенные нравственные стремления жизни, которые характеризуют человека истинно благовоспитанного, облагороженного, каких не много было в то время на Руси»⁹⁰.

Его как духовника назначили сопровождать великого князя Павла Петровича в путешествии по Европе, а потом законоучителем и наставником в английском языке его сыно-

⁸⁸ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. I. С. 412.

⁸⁹ Русский биографический словарь. Т. «Сабанеев-Смыслов», СПб. 1904. С. 148.

⁹⁰ Там же.

вьям Александру и Константину Павловичам. Он внушал своим воспитанникам, что нужно «...находить во всяком человеческом состоянии – своего ближнего. Тогда никого не обидите, и тогда исполнится Закон Божий». В России церковники относились к нему с предубеждением – видите ли, Екатерина разрешила ему носить светское платье да еще (о, ужас!) брить бороду. И они, конечно, считали себя правыми: «просвещенные» российские церковники обнаружили, что под Киевом случился неурожай из-за того, что он сбрил бороду, и что этот поступок явился причиной нового раскола и народного возмущения!

Самборский выбрал себе в преемники в лондонской церкви священника Якова Ивановича Смирнова, который, как он сам вспоминал, отправился в Англию, желая «видеть чужестранные земли и приобрести полезные знания». Он прибыл в Лондон в 1776 г., а с 1780 г. исправлял обязанности священника. Он помогал своему покровителю послу в Лондоне Семену Романовичу Воронцову в его активной пропагандистской кампании против вовлечения Великобритании в войну с Россией и исполнял посольские функции, когда Павел разорвал дипломатические отношения и отозвал посла. Ему было предписано: «За отсутствием всех аккредитованных особ при Лондонском дворе, препоручается вам извещать Государя обо всем, что можете узнать можете...» «Этот указ представляет собою первый случай назначения духовного лица поверенным в делах при иностранном дворе», – отмечает историк В. А. Александренко⁹¹.

При Смирнове в посольстве существовал литературный кружок, члены которого переводили на английский сочинения русских авторов. Так, самому Смирнову принадлежит перевод сочинения о России С. И. Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии...», который он значительно дополнил (*Survey of the Russian Empire... transl. from the Russian with considerable additions by James Smirnov, Chaplain to the Legation of H. I. M. of all the Russians at the Court of Great Britain. London, MDCCXCII*). Он же консультировал английского историка при написании им истории России во времена Екатерины II.

Смирнов совсем не был похож на обычного русского священника, каким его привыкли видеть в России. Один из русских визитеров, издатель журнала «Русский Меркурий» П. Н. Макаров, побывавший в Великобритании в 1802 г. и напечатавший в своем журнале путевой очерк «Россиянин в Лондоне», так описал его: «...человек довольно молодой, довольно недурной, высокого роста, стройной, статной, осанистой, одетый с величайшим старанием, но без всякого оказания неприличного щегольства; словом сказать: молодой, хорошо воспитанный Лорд – и сей Лорд был г. С-в, Русский Священник при Посольстве... С-в человек очень умной; знает хорошо Латинской язык, говорит по Французски, по Немецки, по Английски, и (если не ошибаюсь) по Италиански, – много читал, и сам переводит и сочиняет. Он любит Англичан до чрезвычайности; за то и Англичане любят его. Не думаю, чтобы он захотел жить где-нибудь в другом месте, кроме Лондона».

Другой русский путешественник, П. А. Сумароков, также был очень благодарен Смирнову: «Я не замедлил предстать нашему послу, в вечеру же с письмом священнику Г. Смирнову, который, пребывая здесь 40 лет, пользуется уважением, хорошим знакомством. Он оказал мне вежливости, обещал везде со мною ездить, все мне показать и оправдал заключение о редких его качествах».

Священником Смирнов пробыл 57 лет (!), получив, что было редкостью, дворянство, и скончался в глубокой старости в 1840 г. Его заменил Евгений Иванович Попов, также проведший много лет в Лондоне – он прибыл в 1842 г. из Копенгагена, где служил в посольской церкви, и закончил свое поприще в 1875 г. Его трудами были собраны пожертвования на постройку новой церкви на Уэлбек-стрит. Отец Евгений был душой небольшой русской

⁹¹ Александренко. Т. 2. С. 294.

колонии, имел обширные связи в разных слоях английского общества. В годы Крымской войны он не оставлял своими заботами русских военнопленных. После настоятелем был его сын Василий Попов, а потом священник Евгений Константинович Смирнов, который прослужил настоятелем русской православной церкви 46 лет – с 1877 по 1923 г. Ему, выдающемуся церковному писателю, принадлежат несколько книг и статей в числе прочих о соединении церквей.

Но самым известным настоятелем русской церкви явился известный проповедник митрополит Антоний Блум, голос которого памятен многим, кто слушал передачи русского радио Би-би-си.

Андрей Борисович Блум родился в 1914 г. в семье русского дипломата в Лозанне, мать его была сестрой композитора Скрябина; после революции семья жила в Париже, где он окончил биологический и медицинский факультеты Сорбонны. Во время немецкой оккупации он был в антифашистском подполье и работал врачом. К церкви он примкнул давно, еще в 1931 г., а в 1943 г. пострижен в монахи с именем Антония в честь св. Антония Киево-Печерского. В 1948 г. его призвали к священству и направили в Великобританию, где он стал настоятелем храма св. Филиппа, а с 16 октября 1956 г. церкви Успения Богородицы и всех Святых в Эннисмор-гарденс. В 1962 г. была образована Сурожская епархия Московской патриархии, объединившая все православные приходы Великобритании, и Антоний стал архиепископом, а в 1966 г. митрополитом Сурожским.

Сурожская епархия была основана в составе экзархата (т. е. отдельной церковной области) Западной Европы в 1962 г. Ее назвали по древней Сурожской епархии в Крыму по городу Сурож (ныне Судак). Покровителем епархии является святой Стефан исповедник, в VIII в. бывший архиепископом Сурожским.

Это название может показаться странным сейчас – о причине выбора его рассказывал сам митрополит Антоний: «Когда я стал правящим епископом Великобритании и Ирландии (1962), мне сначала был дан титул Лондонского и Великобританского. Я обратился с вопросом к архиепископу Кентерберийскому Михаилу Рамзею, которого я знал очень хорошо и близко: не создаст ли это каких-нибудь затруднений в отношениях с Англиканской церковью, поскольку у англикан есть свой Лондонский епископ. Он мне ответил, что если я хочу, чтобы мое назначение правящим епископом было положительным делом для взаимоотношений между англиканами и Русской церковью, лучше бы мне не иметь английского титула. Я тогда обратился в Патриархию с просьбой дать мне титул, который был бы русский. При этом тут два соображения играли роль. Во-первых, то, что мне сказал архиепископ Кентерберийский, и во-вторых, – мне очень хотелось иметь русский титул... Мне было отранно иметь титул чисто русской, древней, но кроме того, миссионерской епархии, потому что я рассматривал нашу роль на Западе как миссионерскую»⁹².

Как говорил архиепископ Кентерберийский Роберт Ранси, «народ нашей страны – христиане, скептики и неверующие – в огромном духовном долгу перед митрополитом Антонием. [Он] говорит о христианской вере с прямоотой, которая вдохновляет верующего и призывает ищущего... Он неустанно трудится во имя большего взаимопонимания между христианами Востока и Запада и открывает читателям Англии наследие православных мистиков, особенно мистиков Святой Руси. Митрополит Антоний – христианский деятель, заслуживший уважение далеко за пределами своей общины».

Антоний скончался 4 августа 2003 г. и упокоился недалеко от церкви на кладбище Олд-Бромптон в семейном захоронении рядом с могилами его матери и бабушки.

⁹² Антоний Сурожский. Быть православным в Англии... (О Сурожской епархии) // Антоний Сурожский. О слышании и делании. М., 1999. С. 283–327.

За годы его служения приход Успенского храма значительно увеличился: теперь он состоит и из русских, и из англичан, причем последних примерно одна треть. Службы исполняются на двух языках – русском и английском. В храме, в противоположность тому, что можно увидеть в русских церквях, у входа не стоят полупьяные бомжи, не поощряются кликушество и убогость, здесь нет места фарисейству и грубости, ко всем относятся с вниманием и заботой.

В конце XIX в. в Лондоне была еще одна церковь (кроме той, которая стояла на Уэлбек-стрит). Она находилась во дворце, где жила Мария Александровна, жена второго сына королевы Виктории, герцога Эдинбургского Альфреда. Новобрачные поселились в Кларенс-хаузе* (Clarence House), четырехэтажном особняке на улице Молл (The Mall) рядом с дворцом Сент Джеймс (St. James's Palace).

При выходе замуж за членов русского императорского дома обязательным условием для иностранных невест был переход из одной разновидности христианства в другую, православную, но в веротерпимой Европе от русских великих княжен этого не требовали и они сохраняли свое вероисповедание. Так, когда Мария Александровна выходила замуж за герцога Альфреда, то для нее устроили в одном из покоев дворца домовую церковь, освященную во имя св. Александра Невского, куда поставили иконостас из походной церкви прадеда Марии императора Александра I. В 1879 г. во дворце Кларенс-хауз построили по проекту архитектора И. А. Монигетти в небольшой каменной пристройке церковь Благовещения в «нововизантийском стиле», для которой иконостас был вырезан из дерева по рисунку Д. И. Гримма, который также рисовал и образцы утвари, изготовленной фирмой П. Овчинникова. Образа исполнил художник Т. А. Нефф⁹³. В 1894 г. церковь упразднили.

Недавно община Русской православной церкви за рубежом (не подчиняющаяся Московской патриархии и никогда не сотрудничавшая, в отличие от нее, с советской властью⁹⁴) выстроила и освятила церковное здание на улице Гарвард в лондонском районе Чизуик (Chiswick, Harvard Road, 57). Ранее эта община молилась в церкви св. Филиппа на Palace Road, а впоследствии перешла в помещение церкви пресвитериан (см. ранее). После истечения срока аренды в 1989 г. решили найти себе собственный участок и построить собственную церковь там. В 1992 г. нашли участок с подходящим домом, к которому сначала пристроили большой зал для молитв, а строительство церковного здания началось с закладки 27 ноября 1997 г., и в 1999 г. состоялось первое богослужение в ней.

Теперь удивительно видеть в типичном лондонском районе позолоченный купол и церковку в стиле псковско-новгородской архитектуры, проект которой принадлежит английскому архитектору Дугласу Норману.

Православная община южного Лондона собирается для молитв в церкви св. Петра на улице Клэпем Менор-стрит в районе Клэпем (St. Peter's Church, Clapham Manor Street SW 4).

В Лондоне есть Благовещенский монастырь Русской церкви в изгнании, находящийся в Брондсбери-парк (26, Brondesbury Park, Willesden, NW6 7DL), открытый в 1960 г. Община образовалась в Палестине и в 1954 г. перебралась в Лондон. В монастыре находится часовня, доступная для верующих.

Украинская православная церковь представлена зданием в лондонском районе Илинг, дом № 1А на улице Ньютон-авеню (1A, Newton Avenue, Ealing, London W3 8AJ), где службы проходят каждое второе воскресенье.

В Лондоне существует русская община баптистов – их церковь East Tabernacle Church находится на Бердетт-роуд (Burdett Road, Mile End), там работает и русская школа.

⁹³ Антонов В. В. и др. Русские храмы и обители в Европе. С. 336.

⁹⁴ Как-то спросили главу Русской православной церкви в изгнании митрополита Антония Храповицкого: – Правда ли, что большевистская власть – антихристовая? – Много чести, просто разбойники, – отвечал он.

Эмиграция

Само создание России есть создание колониционного государства. Как писал историк В. О. Ключевский, «переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁹⁵.

Огромные просторы России, их неосвоенность, богатые природные ресурсы отнюдь не способствовали развитой экономической эмиграции в другие государства: от поборов, от крепостного рабства, от безысходной бедности можно было спастись в дальних краях, где-нибудь на просторах русской равнины или в сибирских лесах.

Только существенно позднее – примерно с конца XVIII в. – уже можно говорить о значительной эмиграции из России за границу, когда приходилось покидать государство в поисках лучшей доли. Основной причиной, во-первых, была, конечно, бедность, но бежали не только от бедности, но часто просто от голода.

В XIX – начале XX в. из России бежали в самые разные страны мира миллионы ее граждан. Так, только в 1860–1890-е гг. в США отправились около миллиона человек, в Аргентину – 22 тысячи, в Бразилию – 53 тысячи, в Африку – 6,5 тысячи. Еще более усилился отток россиян в XX столетии⁹⁶.

В XIX в. значительное место в эмиграционных процессах начинают играть идеологические мотивы: так, члены секты духоборов были вынуждены покинуть Россию из-за преследований православных мракобесов и царской администрации. Благодаря поддержке прогрессивных деятелей культуры трудолюбивым и мирным духоборам удалось покинуть Россию – этому много способствовал Л. Н. Толстой. Существенную роль играла и эмиграция по национальным мотивам – представители отдельных этносов в массовом порядке уезжали за рубеж.

Если же говорить о политической эмиграции, то ее начало можно отсчитывать с весьма ранних времен.

Еще во время существования множества мелких княжеств бытовало незыблемое право «отъезда», право покидать сюзерена и переходить к другому, и не только, так сказать, единолично, но нередко еще и с огромным отрядом воинов, с чадами и домочадцами.

Как повествует летописец, в 1332 г. к великому князю Ивану Даниловичу в Москву пришел «некто от киевских благоплеменных Вельмож служить, Родион Несторович, а с ним сын его Иван, и с ним же княжата и Дети Боярския и двора его до тысящи и до семи сот. Князь же Великий прият его с радостию, и даде ему Болярство на Москве и устави надо всеми большинство, и даде ему в вотчину пол-Волока Ламского...»

Со временем такие боярские вольности прекратились. Как писал историк Ключевский, «политическая сила боярства и помимо опричнины была подорвана условиями, прямо или косвенно созданными московским собиранием Руси. Возможность дозволенного, законного отъезда, главной опоры служебной свободы боярина, ко времени царя Ивана уже исчезла: кроме Литвы, отъехать было некуда, единственный уцелевший удельный князь Владимир старицкий договорами обязался не принимать ни князей, ни бояр и никаких людей, отъезжавших от царя. Служба бояр из вольной стала обязательной, невольной»⁹⁷.

Выход из Московии стал зависеть только от воли государя. Никому из подданных не разрешался переход границы, и за нею внимательно следили – можно вспомнить знаменитую сцену «Корчма на литовской границе» из пушкинского «Бориса Годунова», где литов-

⁹⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Курс русской истории. М., 1956. Т. 1. С. 32.

⁹⁶ Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в 18 – нач. 20 в. М., 1998. С. 153.

⁹⁷ Ключевский В. О. Сочинения. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2. С. 183.

ская граница совсем «недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские, да сторожевые приставы».

Даже приглашенные иностранцы, как правило, не могли уехать обратно – Москва не отпускала их. Как свидетельствует очевидец, посетивший Москву в начале XVI в., «уезжать из страны воспрещено кому-либо, в особенности иностранцам», а опричник Генрих Штаден пишет: «Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто он хотел бежать за рубеж, – тогда – да поможет ему бог!»⁹⁸.

Зодчий фрязин Петрок приехал в Москву в 1528 г. на три-четыре года, «а служил, сказал, Великому Князю, одиннадцать лет, а держал его Князь Великий силою»⁹⁹», просил отпустить его обратно, но позволения не получил и пытался бежать на родину через ту самую ливонскую границу. Его судьба осталась неизвестной, но можно быть уверенным, что если его поймали, то он жестоко поплатился... Такого именитого зодчего, как Аристотель Фиораванти, заключили в тюрьму только за просьбу отпустить его, и это после того, как он построил Успенский кремлевский собор, организовал производства кирпича, построил мост через Волхов, чеканил монету... Как написано в летописи, Аристотель «начал проситися у великого князя в свою землю; князь же велики пойма его и ограбив посади...». Так престарелый зодчий и кончил жизнь свою.

Служит примером трагическая история знаменитого ученого, иконописца, богослова Максима Грека, приехавшего в Москву по просьбе великого князя для перевода Псалтыри. После окончания работы он запросился обратно, но не тут-то было, – его заставили работать далее. Как мог он бороться с невежеством, распутством, лихоимством, суеверием русского духовенства и поплатился: в конце концов враги осудили его на многолетнее заключение в монастыре. Он умолял его отпустить, но тщетно: Москва боялась его разоблачений в Европе и предпочла сгноить в темнице.

Одним из первых примеров политической эмиграции было дело сына известного деятеля царствований Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Афанасия Ордина-Нащокина, дипломата, знатока европейских обычаев, много общавшегося с иностранцами. Сын его, молодой, умный и многообещающий Воин Нащокин, часто слышал от отца неблагоприятные отзывы о русских порядках и похвалу иноземным. Он съездил в Москву, где, как рассказывает историк С. М. Соловьев, «стошнило ему окончательно», и оттуда, посланный с поручением в Ливонию, уехал за границу в Дрезден и потом во Францию. Отец, зная русские обычаи наказывать не только самого виновного, но и его ближнюю и дальнюю родню, ожидал неминуемой опалы, однако благоразумный царь Алексей Михайлович послал милостивое слово «христороубцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводе Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину», где он писал, чтобы отец не кручинился, так как «мы, великий государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что, кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил»¹⁰⁰.

Ранний пример невозвращенцев явили братья Веселовские при Петре I. Один из них – Авраам – был заподозрен в деле царевича Алексея и, видно, не зря, ибо он предпочел не возвращаться из Европы на родину, а другой – Федор – был не кем иным, как российским послом в Англии в 1716–1720 гг. Он поддержал брата и потому сам лишился посольского поста. История его рассказана в главе «Послы императорской России».

⁹⁸ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л. 1925. С. 123.

⁹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 202.

¹⁰⁰ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. 6. Т. 11. С. 70.

Однако все это были редкие примеры эмиграции либо по политическим мотивам, либо по каким-то личным. Только с XIX в. можно говорить о многочисленной эмиграции по политическим причинам. В XIX в., с пробуждением самосознания, осознанием необходимости борьбы с унижением, произволом, с нарушением прав человеческой личности, политическая эмиграция приобрела отчетливый характер протеста против строя российского государства, которое само, в свою очередь, способствовало эмиграции, высылая неугодных ему лиц, лишая их гражданства и не пуская их на родину. Такая противоправная практика продолжалась и в царской, и в большевистской России до конца 80-х гг. XX в.

Англия с давних времен, еще с начала XIX столетия, считалась «землей обетованной» для политических эмигрантов. В России с давних пор существовали неизменные представления об Англии как о свободной стране с устойчивой политической системой, где закон превыше всего и где свято соблюдается право политического убежища.

Еще декабристы говорили, что наблюдение ими английских обычаев утвердило «первое понятие о пользе законов и прав гражданских», а целью создания тайного общества для декабристов было «достижение их тогдашних любимых идей – конституции, представительства народного, свободы книгопечатания, одним словом, всего того, что составляет сущность правления в Англии...»¹⁰¹.

По наблюдению исследовательницы русской эмиграции в Англии О. А. Казниной, «у русской эмиграции (в широком культурном, а не только литературном смысле) в Англии были не менее, а может быть, даже более глубокие корни, чем в других европейских странах».

Англия привлекала стабильностью своей политической жизни, уравновешенностью государственных структур. Как отмечал французский публицист и историк, социалист Луи Блан, в Англии «знают, что лучшее средство избежать революций – не бояться реформ. Вот... ключ к разгадке того глубокого спокойствия, которое в Англии соединяется с свободой»¹⁰². Политический климат в Англии, право убежища, сами хозяйственные ее успехи вызывали восхищение русских, и англоманья, столь распространенная в некоторых кругах, служила средством выражения оппозиционного настроения.

Когда профессор Московского университета В. С. Печерин решил покинуть николаевскую Россию, то он отправился в Великобританию, «страну разума и свободы». Даже Белинский, никогда не бывавший за границей, следуя, как можно представить, общепринятому тогда в русском обществе мнению, писал, что «нигде индивидуальная, личная свобода не доведена до таких безграничных размеров... как в Англии», а историк М. П. Погодин афористично свел мнения о нескольких европейских странах: «Во Франции жить можно всего веселее, в Англии свободнее (!), в Италии приятнее и дешевле, в Германии спокойнее»¹⁰³.

Герцен много раз высказывался об Англии и Лондоне, и к мнению такого тонкого и знающего наблюдателя европейской жизни, как он, можно прислушаться: «Здесь можно устроить удивительную жизнь, я повторяю с полным убеждением, что во всей Европе – один город, и этот город – Лондон. Он имеет все недостатки свободного государства в политическом смысле, зато имеет свободу и религию уважения к лицу... Как здесь балуешься свободой книгопечатания... мне кажется, что нигде жить нельзя, кроме здесь»¹⁰⁴.

Литератор А. П. Милюков приводит в своих воспоминаниях такое высказывание Герцена: «В Англии свободомыслящему человеку живется покойнее и безопаснее, чем где-нибудь на континенте, не исключая и Швейцарии. Наполеон III успел выжить из Женевы

¹⁰¹ Восстание декабристов Материалы. М., 1926. Т. 2. С. 64.

¹⁰² Л. Блан. Письма об Англии. СПб., 1886. Т. I. С. 47.

¹⁰³ Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839: Дорожный дневник: в 4 ч. М., 1849. Ч. 4. С. 230.

¹⁰⁴ Герцен А. И. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 7, 148 (далее Герцен)

неприятных ему людей, но здесь никакие его угрозы не заставят правительство предпринять какие-нибудь насильственные меры против французских эмигрантов. Здесь не придет к вам полицейский комиссар осведомиться, с какой целью вы участвовали в каком-нибудь митинге. Английский закон одинаково всех обязывает, но и всех равно охраняет... иностранец, ступая на английскую землю, пользуется всеми правами англичанина. И за это должен нести и равную ответственность перед законом».

В другом своем высказывании Герцен, выражая, по сути дела, отношение русских демократов к завоеваниям свободы в Великобритании, особенно очевидным при сравнении с Российской империей, писал в статье в газете «Колокол»: «Англия – это единственная годная для нас школа. Великий народ с маленькой армией и огромными завоеваниями отучит нас от мундиров, парадов, полиции, произвола. Страна без централизации, без бюрократии, без префектов, без жандармов, без стеснения печати, без ограничения права собраний, без революций, без реакции: полная противоположность России и Франции... И какова роль ее! После упадка и падения материка, единственно уцелевшая, с высоко поднятой головой, спокойная, полная уверенности в себе, она глядит из-за волн на отвратительный шабаш... Я совсем не англоман. Я просто-напросто русский, покинувший свою родину во имя свободы»¹⁰⁵.

* * *

Одним из первых русских политических эмигрантов в Великобритании является Николай Иванович Тургенев.

Он родился в семье директора Московского университета и получил, как и его братья, основательное образование. Тургенев сделал неплохую карьеру, служил в министерстве финансов, написал книгу, которая положила начало русской финансовой науке, принимал активное участие в ранних декабристских организациях, голосовал за введение республиканского правления, но так получилось, что в день восстания 14 декабря 1825 г. он был за границей и поэтому избежал ареста. Его судили заочно и приговорили к смерти, замененной милосердным Николаем вечными каторжными работами, и неудивительно, что он не пожелал возвратиться на свою родину: «По вызову, сделанному с высочайшего утверждения, к ответу из чужих краев не явился». При поддержке своего горячо любимого брата Александра Николай Тургенев прожил за границей 32 года и только в 1857 г. его восстановили в правах. В первые годы эмиграции он жил в Англии, позднее – в Париже, близ которого на своей вилле Vert Vois и умер (его похоронили на кладбище Пер-Лашез).

Тургенев прибыл в Лондон 20 января 1826 г. и провел там семь лет. В Лондоне его адресом был дом № 17 по Джермин-стрит (Jermine Street), в аристократическом квартале города, но возможно, что он не жил там постоянно, а останавливался у своих великосветских друзей (на что особенно упирал в своих домогательствах выдать его император Николай).

Почти сразу же Николай I попытался воздействовать на британское правительство с целью добиться выдачи Тургенева. Русский посол Ливен получил задание связаться с министерством иностранных дел и потребовать выслать Тургенева, настаивая на том, что британцы должны помогать России бороться с европейским революционным движением. Как рассказывал сам Тургенев, он узнал, что русское правительство поручило следить за ним: «Другой не менее любопытный эпизод связан с моим пребыванием в Эдинбурге. Я имел рекомендательные письма к одному коммерсанту в этом городе, который в то же время был русским вице-консулом. Он принял меня с тем полным сердечности и внимания гостеприимством, которое можно встретить только в Англии; его отношение ко мне оставалось неиз-

---

¹⁰⁵ Герцен. Т. 13. С. 243.

менным с момента моего прибытия и до моего отъезда. Через несколько лет я узнал, что вследствие моего отказа ехать в Россию он получил из русского посольства предложение следить за мною. Следить, шпионить за кем-нибудь в Англии! Вице-консул с негодованием отверг это поручение, которое лишней раз доказывало, как мало господа русские дипломаты знают нравы тех стран, где они пребывают».

И до сих пор слова Тургенева: «Что же делают эти русские дипломаты за границей, если они не знают даже азбуки социального строя страны, в которой они пребывают, ее законодательства и руководящих начал ее управления?» – можно применить к нашим дням...

Сам Николай в разговорах с британскими послами в Петербурге, сообщал, что Тургенев пользуется симпатией «в качестве страдающего русского патриота» и считал своим долгом «предупредить правительство его величества [короля Англии] против Тургенева», а также не преминул поугадать английское правительство и указал «на возможность для Тургенева принести значительный вред, воспользовавшись современным критическим положением с целью распространения революционных идей в тех частях Англии, где ощущается нужда и может быть недовольство». Бесцеремонные советы русского императора британцы оставили без каких-либо последствий, и Тургенев без всяких затруднений спокойно жил в Англии.

В книге «Россия и русские» он оставил нам свои впечатления о Великобритании: по его словам, эта страна «самое дивное и, может быть, высшее выражение европейской цивилизации».

* * *

Самым известным русским эмигрантом в Лондоне XIX в. был Александр Иванович Герцен, блестящий философ, один из великих русских писателей, борец за демократические преобразования.

Одна из лучших и ярких характеристик его принадлежит писателю и мемуаристу П. В. Анненкову: «Признаться сказать, меня ошеломил и озадачил на первых порах знакомства этот необычайно подвижной ум, переходивший с неистощимым остроумием, блеском и непонятной быстротой от предмета к предмету, умевший схватить и в складе чужой речи, и в простом случае из текущей жизни, и в любой отвлеченной идее ту яркую черту, которая дает им физиономию и живое выражение... Неугасающий фейерверк его речи, неистощимость фантазии и изобретения, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно в изумление его собеседников. ... Я знал людей, преимущественно из так называемых серьезных и дельных, которые не выносили присутствия Г., зато были и люди, даже между иностранцами, в эпоху его заграничной жизни, для которых он скоро делался не только предметом удивления, но страстных и слепых привязанностей.

Почти такие же результаты постоянно имела и его литературная, публицистическая деятельность. Качества первоклассного русского писателя и мыслителя Г. обнаружил очень рано, с первого появления своего на арену света, и сохранил их в течение всей жизни, даже и тогда, когда заблуждался. Вообще говоря, мало встречается на свете людей, которые бы умели сберечь, подобно ему, право на внимание, уважение и изучение в то же самое время, когда он отдавался какому-либо увлечению. Ошибки и заблуждения его носили еще на себе печать мысли, от которой нельзя было отделаться одним только презрением или отрицанием ее...»¹⁰⁶.

Герцен еще в 1849 г. принимает решение остаться на Западе, не возвращаться в Россию – «...затем, что борьба здесь, что, несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются обще-

---

¹⁰⁶ Анненков П. В. Литературные воспоминания. СПб. С. 237–238.

ственные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но г л а с н ы . . . Я остаюсь здесь не только потому, что мне противно, переезжая через границу, снова надеть колодки, но для того, чтобы работать».

После почти шести лет жизни в Европе, переездов из одной страны в другую, после многих трагических событий в его жизни – семья распалась, погибли в кораблекрушении его мать и сын, умерла жена и новорожденный сын – Герцен 24 августа 1852 г. прибыл в Великобританию. Как писал он, «переездом в Лондон . . . замыкается самая ужасная часть моей жизни»¹⁰⁷. « . . . Болезненно ошеломленный, сбитый с толку рядом ударов, так скоро и так грубо следовавших друг за другом, я не мог ясно взглянуть на то, что делал. Мне будто надобно было еще и еще дотронуться своими руками до знакомых истин для того, чтоб снова поверить тому, что я давно знал или должен был знать»¹⁰⁸.

Он не предполагал оставаться в Англии надолго, но оказалось, что Герцен прожил в ней двенадцать лет, богатых встречами, творческими успехами и разочарованиями: «Я не думал прожить в Лондоне дольше месяца, но мало-помалу я стал разглядывать, что мне решительно некуда ехать и незачем. Такого отшельничества я нигде не мог найти, как в Лондоне»¹⁰⁹.

Он уже заранее считал, что Великобритания – это то, что он должен был увидеть: свободная страна. И только-только сойдя с палубы парохода, доставившего его из Франции в Дувр, он сразу же увидел то, что очень хотелось увидеть: «С уважением, с истинным уважением поставил я ногу на английскую землю, – какая разница с Францией! Здесь чувствуешь себя свободным». Потом он много раз менял свое отношение к увиденному в этой стране, оценки его переменялись в противоположных направлениях. И вот его впечатление от Лондона в самые первые дни: «Такого характера величия и полнейшей независимости не имеет ни один город».

---

¹⁰⁷ Герцен. Т. 10. С. 312.

¹⁰⁸ Герцен. Т.11. С. 9.

¹⁰⁹ Герцен. Т. 11. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.